ДБ
370
Г43

Гессен С.
"Солдаты и матросы в восстании декабристов"
М., 1930.

133

DB
370
Г 43

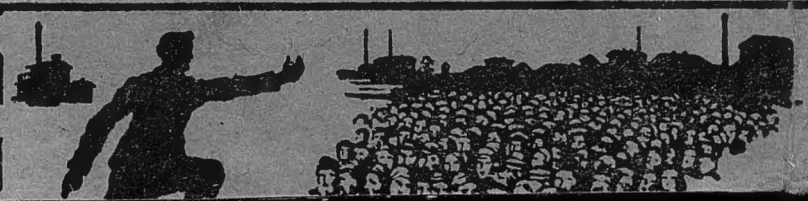
О-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

СЕРГЕЙ ГЕССЕН

СОЛДАТЫ И МАТРОСЫ В ВОССТАНИИ ДЕКАБРИСТОВ

ИЗД-ВО ПОЛИТКАТОРЖАН МОСКВА

1930



.50

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ОЧЕРКАХ,
★ ★ ВОСПОМИНАНИЯХ И БИОГРАФИЯХ ★ ★

1930 № 3 (29)

ДБ
370
Г43

СЕРГЕЙ ГЕССЕН

СОЛДАТЫ И МАТРОСЫ В ВОССТАНИИ ДЕКАБРИСТОВ

ОБЪЕДИНЕННАЯ
47345
БИБЛИОТЕКА
И. К. П.
27671

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва—1930

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
197345

Главлит А 76859 5 п. л. Тираж 10.000

Типо-литография им. Воровского, ул. Дзержинского, 18.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В истории декабризма, — отраженной в огромной массе официального материала, рассказанной в мемуарах участников и изученной во множестве исследований, — еще остается целый ряд пробелов. Многие, очень многие стороны этого революционного движения не достаточно обследованы и историк в иных местах вынужден итти ощупью, неуверенно разглядывая едва видимые контуры предмета его изучения.

Так обстоит дело и с солдатами-декабристами. Николаевская юстиция интересовалась преимущественно «вожаками» заговора. Но их были десятки, а за спинами их стояла многотысячная масса солдат. Именно их ружья, направленные против Зимнего дворца, заставили содрогнуться императора Николая, их кровь возвестила начало революции. Тем не менее, историческая наука, изучая корни и историю декабризма, проглядела солдат-декабристов. В летописи революционных событий 1825—1826 гг. солдатам-декабристам не нашлось места. В пореволюционное время эта историческая несправедливость часто констатировалась в печати. Но от этого одного положение вещей еще нисколько не менялось. Литература по истории солдат-декабристов попрежнему чрезвычайно бедна, а самая эта история, в значительной мере, остается белой страницей.

Это, конечно, не совсем случайно. Слишком скуден тот материал, который оказывается в руках

исследователя. Солдаты-декабристы не вели между собой переписки, не оставили они и мемуаров. Воспоминания-же офицеров-декабристов, в лучшем случае, всколзь, мимоходом касаются нижних чинов. Остается, стало-быть, актовый материал — данные следствия, дознаний, официальные донесения, конфирмованные приговоры и пр. Но и этот материал крайне беден подробностями. Офицеры-заговорщики на следствии всячески старались замаскировать связи свои с нижними чинами, а сами солдаты давали показания весьма скупо. Да и известны нам очень немногие протоколы их допросов.

Впрочем, должно оговориться, что отдельные моменты истории солдат-декабристов находятся в выгоднейшем положении, будучи изучены в новейших исследованиях. Таковы работы А. Е. Преснякова о 14 декабря, работы Ю. Г. Оксмана и М. В. Нечкиной о солдатской пропаганде на юге (указанные в библиографии). Эти работы широко использованы в нашем изложении и легли в основу соответствующих глав.

Цель нашей работы — дать, сколько можно, более подробную и отчетливую картину участия в заговоре декабристов солдат и матросов. Поэтому многие подробности из истории тайных обществ, не имеющие прямого отношения к теме, обойдены молчанием, либо пересказаны в самых общих чертах (как, напр., внутренняя жизнь и структура тайных организаций и стратегическая история обоих восстаний). Это обстоятельство надо иметь в виду: последующее изложение подразумевает общее знакомство читателя с историей первой русской революции.

В приложении дан библиографический словарь солдат-декабристов.

Брожение в армии в начале 1820-х годов.

К середине второго десятилетия XIX в. отшумели уже русско-французские войны, наполнившие громом оружия начало столетия. Наполеон удален был на остров св. Елены; император Александр перекраивал карту мира, поддерживая искусственными и ненадежными подпорками шатавшиеся европейские троны. Русские войска, недавно оставлявшие Москву, теперь возвращались из триумфального шествия по Европе. Упоенное своими успехами, правительство старалось водворить жизнь в прежнюю колею. С присущей ему слепотой, русское самодержавие не замечало, что и самой колеи этой уже не существует, что перерождение экономических условий и долгие заграничные походы протоптали новые пути и тропы, с которых сойти не помогут никакие полицейские меры.

В те годы в войске, скрытые от его верховных водителей, уже существовало два течения. Оба они еще не успели оформиться, выкристаллизоваться в серьезное движение. Они находились еще в самом зачаточном состоянии. Но внешняя обстановка и условия, в которых эти течения возникли, предопределяли дальнейшие пути их развития. Одно охватывало солдатские низы, другое — офицерскую верхушку. Очень скоро оба эти течения, особенно в гвардейских частях, приняли вполне

реальные ощутимые очертания, а еще через год-два стали уже властно прорываться наружу.

Существуя и развиваясь бок-о-бок среди людей, связанных одними профессиональными интересами, эти два движения, однако, на первых порах, шли каждое своим путем, нисколько и ни в какой мере не переплетаясь между собою.

Офицерское движение начало реализовываться в 1816—17 гг., когда в Петербурге возник «Союз спасения», объединивший незначительный, по началу, кружок передовых гвардейских офицеров. Политическая физиономия этого первого тайного общества была крайне неотчетлива. Тем менее задумывались члены его над возможностями осуществления своих мечтаний о государственном переустройстве. Вне всякого сомнения, члены этой первой тайной организации, почти все облаченные в офицерские мундиры, хорошо сознавали тягостное и ненормальное положение солдатских низов. Но боязнь петербургских либералов возможного обострения чисто-классовых антагонизмов в армейском быту не допускала их даже до мысли, в той или иной мере, связать свое дело с солдатской массой.

В этом отношении ничто не изменилось и тогда, когда «Союз спасения» в 1818 г. получил письменный устав и стал именоваться «Союзом благоденствия». «Для подавания примера согражданам», всякий член этого союза обязывался «в управлении подвластными быть добросердечным и человеколюбивым». Этим требованием, занесенным в устав союза, по существу, исчерпывались отношения его с низшими чинами. Во всяком случае, до конца 1810-х гг. в тайном обществе не зарождалось мысли о «преклонении войск». Такое положение вещей могло существовать потому, конеч-

но, что заговорщики в это время менее всего задумывались над возможностью осуществления своих идей. В ином случае они неизбежно уперлись бы в необходимость прежде всего завоевать армию. Не случайно, еще в 1817 г., в то время, как впервые мелькнула мысль о цареубийстве, кн. Шаховской предлагал использовать батальон Семеновского полка, когда он заместит дворцовый караул.

Кажется, в течение нескольких первых лет существования заговора, это была единственная реальная мысль использовать солдат в революции. Исключая этого, члены Союза непреложно следовали пункту устава, требовавшему от них гуманного обращения с подчиненными, и в этом направлении достигли некоторых результатов. «Во всех полках было много молодежи, принадлежащей к тайному обществу, — вспоминал декабрист Якушкин. — Влияние ее в Петербурге было очевидно. В Семеновском полку палка почти совсем уже была выведена из употребления. В других полках ротные командиры нашли возможность без нее обходиться. Про жестокости, какие бывали прежде, слышно было очень редко».

Но подобные паллиативные меры ни к чему не вели и ничего не изменяли по существу в тех условиях, которые царскую казарму превращали в жесточайшую бессрочную каторгу. Из заграничных походов солдаты вернулись преображенными, глубоко прочуствовать разницу в гражданском быту завоеванной страны с теми порядками, которые встретили их по возвращении на родину [1]. Именно к этому времени, т.-е. к 1814—15 гг. — относится резкое обострение солдатского недовольства,

[1] См. об этом подробно: Сергей Гессен. Солдатские волнения в нач. XIX века. Изд-во Политкаторжан М. 1929.

вскоре перешедшего в едва прикрытое возмущение. На родине солдат встречала все та же бессмысленная муштровка, то же бесчеловечное отношение командного состава, зверские наказания и ненормальные экономические условия. Солдатский ропот неуклонно рос и усиливался. От индивидуальных протестов, выливавшихся в массовые самоубийства и побеги, солдаты постепенно приходили к осознанию необходимости действовать сообща. В октябре 1820 г. разразилось известное Семеновское восстание. Образцовейший гвардейский полк, в котором служило много будущих декабристов, затравленный и измученный новым полковым командиром аракчеевской школы, восстал против бесчеловечных порядков, господствовавших в гвардии. Семеновские события, собственно, очень мало походили на восстание. Это скорее была внушительная военная демонстрация, ликвидированная без всякого сопротивления. Сперва одна рота, а за нею весь полк был заключен в крепость, наряжено следствие, виновники подвергнуты жестоким экзекуциям, а полк расформирован. Этим, как будто, все и кончилось. В гвардии вновь воцарилось спокойствие и благочиние, но, как мы сейчас увидим, такое впечатление было крайне обманчивым, чисто внешним. Кризис назрел и разгром Семеновского полка ни в какой мере его не разрешал, а только отсрочил на неопределенное время.

Заговорщики не приняли никакого участия в Семеновском восстании. Напротив того, те из них, которые служили в мятежном полку, всячески старались затушить волнение, полагая его преждевременным, и не видя возможности использовать его в интересах тайного общества. Но они не могли не понять огромности значения происшедшего

события. Недаром, напр., в представлении Рылеева Семеновский бунт остался памятной хронологической вехой, по которой он измерял относительную давность других событий. А Федор Глинка в бескровном восстании семеновцев видел начало грядущей революции.

Конечно, от мирной демонстрации было весьма далеко до революции. Но Семеновский бунт в глазах заговорщиков должен был свидетельствовать о новых настроениях солдатской массы, с которой, таким образом, приходилось им считаться так же, как и правительству.

На московском совещании, в 1821 г., заговорщики уже пришли к более определенным взглядам на взаимоотношения их с армией. «Цель общества состоит в том, чтобы ограничить самодержавие в России,—писал Якушкин,—а чтобы приобресть для этого средства — признавалось необходимым действовать на войска и приготовить их на всякий случай».

Момент для воздействия на солдатские массы был как нельзя более благоприятным. В гвардии шло сильное брожение, отчетливо связывавшееся с только что отшумевшим восстанием Семеновского полка. В самый разгар его гвардейцы весьма недвусмысленно проявляли свое сочувствие к мятежникам. И сочувствие это было до такой степени очевидным, что у высшего командования сложился весьма пессимистический взгляд на возможность двинуть гвардейские полки против семеновцев. Очень вероятно, что, если бы тактика восставших потребовала военного вмешательства, петербургские власти оказались бы бессильны прибегнуть к таковому и события для правительства приняла бы много худший оборот.

Вслед затем, в последних числах октября, в Петербурге появилась прокламация, явно происходившая из солдатской среды и обращенная к гвардейским солдатам. Прокламация призывала войска к ниспровержению существующего строя, к уничтожению государя и дворян, которые «изнуряют» Россию, тиранят войско и торгуют себе подобными. В прокламации намечались, — впрочем, довольно туманно, — и формы нового государственного строя. Место «тирана» заступал выборный законоуправитель, ограниченный в своих действиях через выборных депутатов от войска, которое вообще должно было играть господствующую роль в управлении.

Вскоре после того по городу распространилось еще и другое воззвание, также призывавшее войска к оружию во имя завоевания своих прав.

Оттолкнувшись от этих двух крупнейших событий, — Семеновского восстания и первых солдатских прокламаций, — волнение распространилось вглубь, проникая в самую толщу гвардейской солдатской массы. Бесчисленными ушами своих тайных агентов, правительство прислушивалось к солдатским суждениям и разговорам. Все они клонились к одному и были весьма неутешительны. В казарме и на улице, в трактире и в публичном доме, солдаты постоянно в беседах своих возвращались к семеновским событиям, выражая горячее сочувствие арестованным товарищам. И не только сочувствие, но и готовность защищать их, если они не будут помилованы. «Ежели государь по приезде в С.-Петербург не простит семеновских, тогда все гвардейские полки положат ружья и будут просить, чтобы их сослали туда, где Семеновский полк». «Семеновцам за их поступок ничего не будет, иначе вся гвардия взбунтуется и сде-

лает революцию». Таковы были зловещие предсказания, вылавливаемые царскими шпионами из среды гвардейских солдат. Неудивительно, что флигель-адъютант Бутурлин с отчаянием заключал, что найдись только офицер, готовый и способный возглавить солдатское движение, как «все пошло-бы к чорту». Командиры гвардейских полков не ручались за своих солдат и каждый с трепетом ожидал у себя повторения семеновской истории. В этот тревожный момент выяснилась полная «ненадежность» всех вообще гвардейских полков.

Но еще и не это представлялось правительству наиболее зловещим. Много страшнее было крепнувшее солдатское единство и солидарность между отдельными полками гвардейского корпуса. Незнакомые солдаты разных полков, при встречах, жали друг другу руки, обнимались, делились известиями о настроениях своих частей и клялись «не отставать». Отчетливее всего это солдатское единство выражалось в равнении по Преображенскому полку, считавшемуся старшим в гвардии, настроение которого было крайне тревожным.

Заговорщики не умели и не хотели воспользоваться этим солдатским движением, обещавшим стать весьма грозным, при надлежащем руководстве. Союз благоденствия, по свидетельству Пестеля, уже пришел к убеждению, что ареной переворота должен явиться Петербург, «яко средоточие всех правлений и властей», а армии надлежало только уже потом оказать поддержку и содействие. Революционное настроение гвардии, расположенной в столице и ее пригородах, было весьма кстати. Но в этот период Союз благоденствия уже разрушался, да и вообще петербургские либералы,

кажется, более всего опасались пропагандировать свои идеи в солдатских массах.

Правительство спешило принять свои меры в интересах скорейшей локализации угрожающего солдатского движения. Меры эти шли в разных направлениях. Прежде всего надлежало отделаться от мятежных семеновцев. Восемь человек солдат были прогнаны шпицрутенами сквозь батальон по шести раз, и потом отправлены в каторжные работы. Остальные, перенеся длительное и тяжелое крепостное заключение, раскассированы по армейским полкам. Одновременно из солдатской массы систематически вылавливались все сколько-нибудь выдающиеся ее представители, след которых навсегда терялся в стенах Шлиссельбургской крепости.

Обескровливая таким образом солдатскую массу, правительство, с другой стороны, старалось внести успокоение путем умело преподнесенных подачек и уступок. С течением времени, эта двойная политика дала желаемые плоды, принеся некоторое, и притом чисто внешнее, успокоение гвардии. Один конногвардеец, безусловно выражая общую мысль, замечал, что «ныне легко стало чрез семеновских служить; а если поприжимать будут, то и мы поговорим; нам теперича хорошо, и надо молчать». Это откровенное признание, как нельзя лучше передает смысл солдатских настроений.

И, наконец, революция, разразившаяся в Пьемонте, дала правительству желанный повод вывести за границу большую часть гвардейских полков, пребывание которых в столице, несмотря на видимое успокоение, представлялось опасным. С пьемонтской революцией было покончено, когда русские войска едва успели достигнуть Литвы. Но это было неважно. В этом своеобразном карантине

гвардия оставалась до следующего года, когда правительство решилось уже вернуть ее в Петербург.

Однако, не все юго-западные революции начала XIX века оканчивались столь благополучно для правительств. Победоносная испанская революция 1820—23 гг. твердо фиксировала на себе внимание русских заговорщиков. П. Я. Чаадаев придавал испанской революции значение величайшей всемирной новости, находя в испанских событиях много поучительного для России. И действительно, сходство в некоторых отношениях между обоими государствами (обе — страны аграрные, без крепкой буржуазии) было совершенно очевидно, и это сходство, вместе с решающей ролью восстания войск, сильно волновало воображение будущих декабристов. «Слава тебе, славная армия испанская», восклицал Н. И. Тургенев.

Таким образом, успехи юго-западных пронунциаменто лишний раз подсказывали петербургским заговорщикам пути действий, толкая их на связь с армией. На заре возникновения Северного общества, строившегося на развалинах Союза благоденствия, вопрос о завоевании армии сильно занимал петербургских заговорщиков. Но видимая необходимость солдатской пропаганды беспомощно упиралась в твердую стену классовой природы петербургских либералов. Один из выдающихся их представителей, кн. Е. П. Оболенский, свидетельствовал, что они «правилом положили не действовать на нижних чинов до окончательного решительного действия, — как для безопасности общества, так и почитая излишним открывать нижним чинам свою тайну».

Этому показанию, хотя и данному в следственной комиссии, можно вполне довериться. Так и бы-

ло на самом деле. Тогда как одни заговорщики строили свою уверенность в успехе на слепой преданности и повиновении им солдат, другие, выросшие на идеях XVIII века, считали достаточным возвестить солдатам политические идеи переворота только в самый момент решительного действия и тем увлечь их за собой.

На первых порах, предпринимались еще и попытки создания агитационной литературы. Рылеев и Никита Муравьев собирались писать «катехизисы, на подобие испанского». Намечались и иные сочинения, но все они остались только в проектах, либо в черновиках. Большой успех имели пародии на русские песни, писанные Рылеевым и Ал. Бестужевым. «Намерение, с которым они писались, и влияние, ими произведенное в короткое время, слишком значительны, — вспоминал Н. А. Бестужев. — Хотя правительство всеми мерами старалось истребить сии песни, где только могло находить их, но они были сделаны в простонародном духе, были слишком близки к его состоянию, чтобы можно было вытеснить их из памяти простолюдинов[1]».

Так, вплоть до самого 1825 года Северное общество оставалось совершенно изолированным. Офицерский заговор игнорировал солдатское движение, оставаясь строго замкнутым в себе. Расплачиваться за эту тактику петербургским заговорщикам пришлось уже в самый день 14 декабря.

---

[1] На следствии декабристы, конечно, отрицали агитационное значение песен. „В народ и между солдатами никогда их не пускали — показывал А. А. Бестужев, — это бы, кроме нравственного вреда нашей цели, могло скоро нас открыть".

Иначе обстояло дело на юге. Южным заговорщикам ясны были средства к подготовке переворота. Средства эти сводились к настойчивому и планомерному воздействию на войска. Ареной деятельности южных заговорщиков, возглавлявшихся Пестелем, была 2-я армия, расквартированная в южных губерниях и в Бессарабии. Одним из главных очагов заговора и активной пропаганды, в первый период существования тайного общества, являлся Кишинев, где помещался штаб 16-й пех. дивизии, которой командовал один из наиболее выдающихся заговорщиков, ген. М. Ф. Орлов.

Вступив в 1820 г. в командование дивизией, Орлов повел решительную борьбу с господствовавшими в армии обычаями и порядками. Вот характерная выдержка из первого же его приказа по дивизии: «Строгость и жестокость суть две вещи совсем разные: одна прилична тем людям, кои сотворены для начальства, другая свойственна тем только, коим никакого начальства поручить не должно. Сим правилом я буду руководствоваться, и г. г. офицеры могут быть уверены, что тот из них, который обличится в жестокости, лишится в то же время команды своей. Из сего приказа моего легко можно усмотреть в каком духе я буду командовать дивизией».

Офицеры вверенной Орлову дивизии, в большинстве воспитанные на принципах аракчеевской палочной дисциплины, скоро на практике должны были познать новый «дух командования». Три офицера Охотского пех. полка преданы были военному суду за жестокое обращение с солдатами. В приказе дивизионного командира говорилось: «Общая жалоба нижних чинов побудила меня сделать подробное исследование, по которому открылись такие неистовства, что всех сих трех офице-

ров принужден представить я к военному суду. Да испытают они в солдатских крестах какова солдатская должность. Для них и для им подобных не будет во мне ни помилования, ни сострадания».

Подобные приказы Орлова, читавшиеся по ротам, уже сами по себе являлись крупным событием, ломая устоявшиеся уродливые формы военной дисциплины, не допускавшей даже справедливых жалоб со стороны нижних чинов на своих начальников. И этим самым уже давался мощный толчок развитию в солдатах чувства собственного достоинства и самосознания.

Но это было еще далеко не все. Вокруг Орлова группировалась количественно незначительная, но крепко спаянная и сильная ячейка заговорщиков. Виднейшими ее представителями были В. Ф. Раевский, К. А. Охотников, И. П. Липранди — офицеры 16-й дивизии. Эта ячейка, руководимая Орловым, вела в дивизии широкую и напряженную просветительно-пропагандистскую работу. Крупнейшая роль в ней принадлежала Раевскому, первому пропагандисту массовику в рядах тайного общества. Главным средством для пропаганды служили ланкастерские школы взаимного обучения, возглавлявшиеся Раевским и содействовавшие в равной степени как поднятию общего культурного уровня солдатской массы, так и определенному политическому ее развитию.

В условиях каторжного строя солдатской жизни вести подобную работу было делом не легким. Обвинительный акт по делу Раевского дает довольно отчетливое представление о его пропагандистских методах. «Для обучения солдат и юнкеров, вместе данных от начальства печатных литографических прописей и разных учебных книг, Раевский приготовил свои рукописные прописи,

поместив в оных слова: «свобода, равенство, конституция». Еще прежде тайные агенты доносили, что «Раевский в школе задабривает солдат и что прописи включают в себе имена известных республиканцев: Брута, Кассия и т. п.».

Это, конечно, было чрезвычайно остроумное агитационное средство. Если подобные фразы невольно западавшие в память солдат, и воспринимались ими чисто механически, то в известный момент они должны были в их сознании наполниться содержанием и призвать их к активному действию. Но Раевский стремился уже и теперь влить живое содержание в эти отвлеченные понятия. Он внушал своим слушателям, что «конституционное правление лучше всех правлений, а особливо нашего монархического, которое хоть и называется монархическим, но управляется деспотизмом». Он внушал офицерам и солдатам своей роты, что между ними «не должно быть различия, а должно быть равенство, и что природа создала всех одинаковыми».

Всякой революционной вспышкой, которыми так богата была бурная политическая хроника этих годов, Раевский спешил воспользоваться, в качестве сильно действующего агитационного средства. Постоянные волнения военных поселян давали ему уверенность в их полной поддержке на случай восстания. И он неоднократно говорил солдатам: «Пойдемте, ребята, за Днестр, в Вознесенск, а там сейчас взбунтуются и пойдет как огонь, а то видите, как вас трактуют! Один шаг за Днестр, — и все, как порох, вспыхнет и восстанет!» Смысл и значение семеновских событий, — упущенных питерскими заговорщиками, — хорошо были поняты Раевским. Обвинительный акт свидетельствовал: «Когда узнал Раевский о случившемся лейб-гвар-

дии в Семеновском полку происшествии, то при офицерах и нижних чинах... одобряя поступок солдат Семеновского полка, называл их молодцами», а потом: «при собрании своей роты, объявляя нижним чинам о происшествии Семеновского полка, говорил: «Придет время, в которое должно будет, ребята, и вам опомниться».

В среде тайного общества это была первая реальная попытка подготовки войск к вооруженному восстанию.

Агитация «словом», которую в широких размерах вел Раевский, переплеталась с агитацией «делом». В своей замечательной записке «О солдате», он писал: «Офицер имеет в виду награды чести или награды денежные, для которых в нашем монархическом правлении все дворянство служит. Но солдат имеет в виду лишь бедность, труды и смерть. Злоупотребления, основанные на лихоимстве и бесчеловечии, вырвались из пределов своих, обременили солдата кандалами беззаконного насилия, и принудили его видеть в начальниках своих тиранов, которых он боится и ненавидит». И вот то гуманное отношение к нижним чинам, за которое, с вынужденной осторожностью боролся в своих приказах дивизионный командир, Раевским и его сподвижниками пропагандировалось и осуществлялось практически в низах.

Раевский, по данным следствия, — «потворствовал нижним чинам, обращаясь с ними фамильярно и по дружески; целовал их и себя заставлял целовать, нюхал с ними табак, и сам их оным потчивал, советовал прочим офицерам обходиться с ними подобным образом и, толкуя о тиранстве и варварстве, говорил при офицерах: «что палки противны законам и природе, и кто нижних чинов наказывает, тот злодей». Другой заговорщик, под-

полковник Липранди, внушал часовым: «Не утаивайте от меня, кто вас обидел, я тотчас доведу до дивизионного командира. Я ваш защитник. Мы вас в обиду не дадим, и как часовые, так и вестовые наставление сие передайте один другому».

В конце-концов, это все были отдельные звенья той борьбы за армию, которую в течение двух лет, настойчиво вела Кишиневская ячейка заговорщиков, твердо осознавшая необходимость, во имя успеха вооруженного восстания, ориентироваться не на командную верхушку, а на солдатскую массу.

О размахе и успехах этой пропаганды можно судить уже по одному тому, что распространение брожения, на первых же порах, уже в 1821 г., побудило правительство создать при армии специальную тайную полицию.

По словам начальника штаба, ген. Киселева, она «много оказала услуг полезных, ибо много обнаружила обстоятельств, через которые лица и дела представились в настоящем виде; дух времени заставляет усилить часть сию».

О влиянии, которым Раевский пользовался среди нижних чинов свидетельствует и то, что Пестель, строя планы возмущения, на сей случай «полагал нужным освободить из-под ареста майора Раевского, находившегося тогда в Тирасполе, в корпусной квартире генерала Сабанеева». С его появлением среди солдат в момент восстания, связывались большие надежды.

Но и правительство, в конце концов, учитывало положение вещей.

Деятельность кишиневских революционеров не могла оставаться для правительства совершенной тайной. Во 2-й армии зрела серьезная политическая опастность, ибо в этой борьбе за армию за-

говорщики имели большие шансы на успех. Ген. Киселев отписывал в Петербург, что в 16-й дивизии имеются люди, «которых должно уничтожить». Начало этому «уничтожению» положено было помимо правительственных усилий: в апреле 1821 г. умер Охотников, один из деятельнейших сподвижников Орлова. Затем в нач. 1822 г. в Кишинев поскакал ген. Сабанеев, и началось расследование, в связи с незначительным, по существу, «происшествием» в Камчатском пехотном полку, входившем в состав Орловской дивизии. Но оно послужило удобным предлогом к тому, чтобы разрядить сгустившуюся атмосферу.

Орлов был отстранен от командования дивизией, а Раевский посажен в Тираспольскую крепость. Опасные люди были уничтожены и кишиневская ячейка рассеялась. Однако, правительству еще рано было торжествовать победу. Настроение на юге продолжало оставаться крайне напряженным. Борьба за армию только еще начиналась.

Солдатская пропаганда на юге.

Разгром кишиневской группы отсрочил, но не разрешил назревший кризис. В это время уже крепло и ширилось Южное общество, руководимое Пестелем. Создавались новые центры заговора — Тульчин и Васильков.

Пестель несколько критически оценивал деятельность Орлова и кишиневской ячейки. Он полагал, что для успеха дела надлежало действовать исключительно в офицерской среде, а отнюдь не в солдатской массе, которую легко и безопасно можно подготовить перед самым восстанием.

Эта точка зрения в достаточной мере твердо была усвоена всеми южными заговорщиками. По-

добно их петербургским товарищам, Пестель и его единомышленники, представляли себе переворот исключительно в форме военной революции, в которой народу вовсе не отводилось места, а армия должна была явиться только средством, орудием в руках заговорщиков. Один из наиболее выдающихся представителей южан, М. П. Бестужев-Рюмин, внушал своим младшим товарищам по Обществу, что солдаты должны быть приготовляемы, но не должны знать ничего. Они послужат орудием, посредством которого будет осуществлен переворот.

Приготовление это, по замыслам заговорщиков, должно было сводиться, с одной стороны, к завоеванию командирами симпатий и привязанности своих солдат, с другой — к возбуждению и обострению их неудовольствия и негодования. Почва для подобного рода скрытой пропаганды была, как нельзя более, благоприятной. «Армия всегда будет подвержена волнениям,— показывал на следствии вождь южного восстания, С. И. Муравьев-Апостол, — пока существуют такие источники ее недовольства, как, во-первых, нынешняя форма довольствия, которая не только лишает солдат возможности какой-либо экономии, но создает для него массу мелких ежедневных лишений, и при которой ему иногда не хватает хлеба, во-вторых, штрафованные, которые, служа без всякой надежды, не имея, что терять, и в надежде все приобрести, всегда будут склонны к переменам».

В зависимости от своего личного мировоззрения, южные декабристы по разному оценивали источники солдатского брожения. Но факт его существования совершенно отчетливо, несмотря ни на какую маскировку, выступает в показаниях этих людей, которые не только в силу своей личной

заинтересованности заговорщиков, но и просто по долгу службы, должны были быть близко знакомы с настроениями нижних чинов.

В широких солдатских массах, конечно, отсутствовало сколько-нибудь ясное представление о возможных переменах, но сознание тягостности и ненормальности их положения крепло и росло с каждым днем. «Что до нижних чинов касается,— показывал Пестель,— то между ними дух преобразования не был распространен, а существовал дух сильного неудовольствия, изъявляемый особенно семеновскими солдатами, служащими в 3-м корпусе».

Таким образом, южным заговорщикам оставалось только подогревать это недовольство, направляя его в желательное для них русло. В Южном обществе числилось много полковых и батальонных командиров, которые, конечно, легко могли бы воздействовать на своих подчиненных. Но на практике они ограничивались все тем же гуманным отношением к нижним чинам, полагая возможным увлечь их в самый момент восстания.

Сам Пестель, в достаточной мере отчетливо, сформулировал свои взгляды на сущность солдатской пропаганды. «Мы рассуждали, что солдаты последуют за тем начальником, кого лично любят, и что, дабы на их содействие и последование надеяться, достаточно их к себе лично привязывать». Он толковал своим товарищам, что «настанет время, когда надобно будет не говорить, а действовать и приготовлять людей к цели общества, начав с унтерофицеров». Для сего Пестель полагал необходимым «испытывать и стараться привязать к себе тех из них, кои поближе, и потом слегка и с величайшею осторожностью делать им внушения».

«Внушения» эти, конечно, должны были носить самый общий характер. Да и то они откладывались

до «начала действий», впредь до которых надлежало только привязывать к себе солдат. То же самое, на разные лады, повторяли и другие заговорщики, группировавшиеся вокруг Пестеля. Иные еще детализировали эту общую схему. Так, напр., было предложение подразделить солдат на «гласных» и «безгласных», т. е. на более и менее сознательных, стараясь привязать к себе исключительно первых, в расчете на то, что в решительный момент остальные не посмеют отстать от них[1].

Но покуда «время действовать» не наступало, Южное общество ни в какой мере не старалось связаться с мятежным настроением солдатских масс, которое росло и развивалось совершенно самостоятельно. Даже вожди Васильковской управы, наиболее деятельной отрасли Южного общества, С. И. Муравьев-Апостол и М. П. Бестужев-Рюмин, постоянно строившие планы переворота и ведшие серьезную агитационную работу в среде офицерства, в отношении солдат всецело придерживались тактики Пестеля. Бестужев-Рюмин служил в Полтавском пехотном полку, командиром которого был полковник Тизенгаузен, член Васильковской управы. Это обстоятельство, при наличии у Бестужева

---

[1] Повидимому, Пестель, а быть может еще и другие заговорщики, прибегали и к иной своеобразной форме пропаганды. Следствие имело сведения (сам Пестель отрицал их справедливость) о том, что Пестель, весьма мягкий и гуманный по отношению к солдатам своего полка, перед царским смотром, во время полкового учения устроил жестокую палочную расправу со всеми, замеченными в ошибках во фронте. На недоуменные вопросы товарищей о причинах такой внезапной перемены, Пестель будто бы отвечал: „Я хочу дать солдатам чувствовать, что чем далее от них государь, тем начальники к ним снисходительнее, но чем он ближе, тем им хуже".

сильно развитых пропагандистских способностей, давало ему широкий простор для водействия на солдат. Но возможность эта ни в какой мере Бестужевым использована не была. Он нисколько не постарался связаться с солдатами. Надежды заговорщиков на Полтавский полк всецело зиждились все на той же преданности его полковому командиру. А когда, в решительный момент, оказалось, что революционные качества Тизенгаузена были переоценены, вместе с тем отпали всякие надежды и на его полк.

Также обстояло дело и в Черниговском полку, в котором Муравьев командовал батальоном. «Средства Муравьева на солдат, — свидетельствовал Бестужев,— были более в его характере, нежели в плане. Они состояли в хорошем обхождении и помощи нуждающимся. Солдат он не приготовлял. Он заранее был уверен в их преданности».

Ежели, тем не менее, в солдатской среде Черниговского полка выкристаллизовались отдельные фигуры вполне законченных революционных деятелей, то развились они в значительной мере самостоятельно, ибо и у черниговцев не велось никакой систематической агитационной работы, по крайней мере, до позднего лета 1825 г., когда ход событий предопределил новые пути деятельности Васильковской управы.

С начала августа отдельные части 3-го корпуса, в который входили полки Черниговский и Полтавский, стали прибывать на лагерный сбор в район Житомира, неподалеку от которого, под м. Лещин, предстояли маневры. Отдельные пехотные, кавалерийские и артиллерийские части расквартировывались в тесном соседстве друг от друга. Это способствовало частому и естественному общению между собою офицеров и нижних чинов различных

полков, и сыграло крупную роль в событиях, развернувшихся на юге.

В это время начало действий было, казалось, уже близко. Пестель приурачивал момент восстания к началу 1826 г. Таковы же были расчеты и васильковских заговорщиков. «Может быть в феврале или в марте месяце голос родины соберет нас вокруг хоругви свободы», писал Бестужев, несколько позднее, Горбачевскому.

Таким образом, наступало время мобилизовать силы. И вот, во время лещинского лагеря, южные заговорщики впервые выступили в роли массовиков-пропагандистов. В 9-й пехотной дивизии, в которую входил Черниговский полк и полки которой были расквартированы по близости от него, Муравьев и Бестужев ни раньше, ни позже не вели серьезной пропаганды. Они намеренно сосредоточили все усилия, весь упор пропагандистской работы на Житомирском районе.

«В 3-м корпусе много людей из бывшего Семеновского полка, — показывал Пестель, — которые неудовольствие личное свое разделяли с полками и тем приготовили оные ко всем предприятиям». Связь с семеновцами должна была возникнуть вполне естественно, благодаря тому, что и Муравьев и Бестужев, до событий 1820 г., служили в Семеновском полку и пользовались горячими симпатиями нижних чинов. После расформирования полка, солдаты на пять долгих лет потеряли из виду своих любимых офицеров, но сквозь долгую разлуку пронесли они былую привязанность к Муравьеву. Помнили и Бестужева, «еще портупей-прапорщиком, потому что он часто ходил под знаменами, и, будучи молод, любил шутить с солдатами».

Эти-то семеновцы, уже имевшие бунтарский опыт, явились, на первых же порах, горячими и ревностными адептами заговорщиков в солдатской массе. Настроение семеновских солдат, ко времени встречи с Муравьевым, уже в значительной степени успело отстояться. Если отдельные их представители являлись вполне законченными революционерами, то вся масса этих недавних мятежников была глубоко заражена духом недовольства и жаждой перемен. Напомним, что кара, постигшая семеновцев, не ограничилась одним переводом в армию. В своих правах они были приравнены к штрафным солдатам и осуждены служить бессрочно. Настороженное ли чувство собственного достоинства порождало в них представления о чинимых им начальством особых притеснениях, либо, что очень вероятно, многие командиры и действительно старались сделать карьеру на спинах опальных семеновцев, — так или иначе, они сознавали себя гонимыми, жертвами. А мятежный дух, заронённый в них пять лет назад, невольно выдвигал их в первые ряды среди новых однополчан, чему, конечно, не мало способствовало и их гвардейское прошлое, столичные навыки и общее развитие.

Таким образом, рассеянные по пехотным полкам 8-й дивизии семеновцы, представляли собой грозную силу, которая, при умелом руководстве, могла обратиться в сильное агитационное средство. Руководители Васильковской управы не могли не учесть этого обстоятельства.

Первая встреча произошла, видимо, случайно[1]. Батальон Муравьева шел на учение. По пути им

---

[1] Есть сведения о том, что Муравьев еще в 1824 г. встречался с некоторыми семеновскими солдатами, но тогда еще не делал им никаких „внушений".

повстречалось несколько солдат Саратовского полка, среди которых Муравьев узнал Василия Туркова, бывшего семеновца, служившего в его роте. Встреча эта была для Муравьева крайне желанной, и он, пропустив батальон, подозвал Туркова, поздоровался и сразу же осведомился, нет ли с ним еще семеновцев. Среди солдат таковой оказался еще один, именно Федор Анойченко. Подозвав и его, Муравьев обменялся с ними несколькими словами и попросил после приемки провианта, за которым они были посланы, притти к нему в балаган в Черниговском полку.

Эта встреча положила начало напряженной пропагандистской работе заговорщиков в Житомирском районе. С присоединением к Южному обществу Общества соединенных славян (о чем речь ниже), круг действия заговорщиков еще значительно расширился. Если в пехотных полках исходным пунктом декабристской агитации послужили старые семеновцы, то и в артиллерии они сумели нащупать кадры сподвижников, в значительной части принадлежавших к квалифицированной прослойке (фейерверкеры, бомбардиры, либо нижние чины-готлангеры, обучавшиеся в солдатских школах). Скажем заранее, агитация и пропаганда Южного общества имела, на первых же порах, видимый успех, проникая в самую толщу солдатской массы.

И еще одну особенность надо иметь в виду. На следствии заговорщики,— и южане, и славяне,— не могли не учесть того, что солдатская пропаганда, наравне с планами цареубийства, являлась величайшим грехом в представлении их судей. Отсюда их особенная скрытность в этом вопросе, упорное замалчивание и всяческое переиначивание фактов. В свою очередь, и нижние чины, несмотря на «стро-

жайшие» допросы, конечно, не обходившиеся без «воздействия на теле», не проявляли ни малейшей склонности к откровенности. Иные отмалчивались, отговаривались незнанием, иные прикидывались простачками, не понимающими будто бы, к чему клонились офицерские внушения. Таким образом, из документального материала эта сторона деятельности заговорщиков проступает довольно бледно. Офицеры «давали на водку», говорили о тягости службы, да делали какие-то туманные намеки на возможные перемены в будущем. Таков основной мотив большинства показаний.

На деле было совершенно иначе. Правда, Муравьев и Бестужев, очевидно, твердо следовали наставлениям Пестеля насчет «медленного и постепенного действия» на солдат. Первое свидание с семеновцами, как будто, и в действительности ограничилось общими фразами и дачей «на водку». При этом свидании присутствовало несколько офицеров, вероятно, заговорщиков. Муравьев еще только приглядывался к своим новым знакомцам, среди которых не мог не отметить Федора Анойченко, одного из наиболее выдающихся солдат-декабристов. Этот, уже немолодой солдат (ему было 35 лет и в службе он находился с 1812 г.), происходивший из экономических крестьян, проделал в рядах гвардейского корпуса заграничный поход и семеновское восстание 1820 г. В то время он состоял в 9-й фузилерной роте, которой командовал Сергей Муравьев. Кажется, впрочем, Анойченко не был особенно близок со своим ротным командиром: через пять лет Муравьев при встрече не признал его, не в пример другим семеновцам. Судя по разрозненным данным следственного дела, Анойченко ничем не выделился и не сыграл активной роли в рядах мятежных семеновцев. Революционный

темперамент его, очевидно, тогда еще не успел созреть. Но эти пять лет, легшие между двумя восстаниями, закалили его характер и предопределили дальнейший путь развития.

Горячность и страстность, преобладавшие в его характере, толкнули Анойченко навстречу открывавшейся возможности действовать. Через несколько дней после первого посещения, Анойченко уже один пришел к Муравьеву, где на сей раз застал и Бестужева-Рюмина. Был ли он приглашен к тому Муравьевым, или явился по собственному почину, разгадав намерения своего бывшего командира, так или иначе, это свидание уже принесло определенные результаты. Сам Анойченко, в своих сдержанных и скупых ответах на следствии показывал: «В другой раз я был у Муравьева, которого месяца и числа не упомню. После застрельщичьего учения ходил к нему один и тогда нашел у него Бестужева. Тут они оба говорили мне, что служба тяжела, что государь не хочет ничего сделать в наше облегчение, при чем Муравьев произносил против его особы дерзкие и непристойные ругательства. Говорил, что немного надо потерпеть и все переменится, что тогда солдаты будут жить в изобилии, будут иметь деньги и прочее, чтобы мы слушали только его, Муравьева, голоса и приказания и чтобы старались склонять и подговаривать прочих солдат следовать за нами, если откроется бунт».

Конечно, столь осторожные конспираторы, как Муравьев и Бестужев [1] не стали бы в такой мере откровенничать с первым встречным солдатом только потому, что он некогда служил с ними в

[1] Васильковская управа, руководимая ими, явилась единственной отраслью заговора декабристов, среди членов которой не нашлось и в которую не проникли предатели и провокаторы.

одном полку. Совершенно очевидно, что толчок к подобному разговору был дан самим Анойченко, что, во всяком случае, Муравьев и Бестужев имели возможность разгадать в этом солдате вполне законченного революционера. Страстный и пылкий Анойченко, при этом человек несомненно грамотный и знающий, пользовавшийся в роте, да и во всем полку, бесспорным влиянием на солдат, был как раз именно таким человеком, какой требовался заговорщикам. Все эти качества его, вместе с поистине беззаветной преданностью делу революции и непреклонной верой в правоту свою, создавали из Анойченко блестящего массовика-пропагандиста. Таковым он и явился в рядах солдат-декабристов, ведя широчайшую революционную агитацию не только между старыми семеновцами, но и в среде своих товарищей «из армейских». Недаром Анойченко ручался Муравьеву, что по первому его слову один, без офицеров, поднимет полк. Это не были только громкие фразы. Отчасти Анойченко сумел подтвердить свое обещание (о чем речь впереди). И замечательно еще то, что члены общества надежды свои на Саратовский полк связывали не со служившими там офицерами-заговорщиками, а с рядовым Анойченко.

Но далеко не один Анойченко сыграл крупную роль в событиях 1825 г. Пользуясь большим и неоспоримым влиянием в тех армейских полках, по которым их рассеяло восстание 1820 г., семеновцы сохраняли некоторую обособленность и не совершенно растворялись в солдатской массе. Между собой они продолжали держать крепкую связь, о чем можно судить по той быстроте, с которой распространилось среди них известие о том, что Сергей Муравьев находится в лагере. Конечно, не оставались тайной и «внушения», делаемые

Муравьевым. Анойченко и другие солдаты, первые побывавшие в Черниговском полку, уже повели агитационную работу.

Наставляемые этими первыми солдатскими пропагандистами, семеновцы потянулись к Муравьеву. За время лещинского лагеря почти все они перебывали в его балагане.

Методы пропаганды были все те же. Заговорщики адресовались к экономическим и профессиональным нуждам нижних чинов, приписывая их существующему строю, начальству, государю, забывшему свой народ. На ряду с этим, в солдатах поселялась надежда на возможные близкие перемены, которыми заняты люди, близко с ними связанные. Отсюда уже один шаг был к внедрению в солдатское сознание мысли о восстании, как об единственном средстве завоевать свои права. Анойченко свидетельствовал, что когда он третий раз был в Черниговском полку, «с рядовым Макаром Пересеткиным, который еще прежде меня бывал у Муравьева и которого хорошо знал подпоручик Бестужев ...мы обещались им склонять прочих армейских нижних чинов, лучших в полку, чтобы и они пристали к его, Муравьева, д е л у, которому он, однако же, названия никакого не давал; но я, как и все без исключения семеновские нижние чины 8-й пехотной дивизии, знавшие то же самое через Муравьева, понимали, что это должно клониться к бунту против царской власти».

Таким путем создавались кадры солдатских пропагандистов, которые потом муравьевскую «заразу» несли в армейские низы. Не ограничиваясь общей агитацией, Муравьев в этой солдатской массе осторожно и расчетливо искал также отдельных исполнителей. Увидев у себя в балагане рядового Саратовского же полка, Федора Николаева, Муравьев

обратил внимание на его преклонный возраст. Оказалось, что Николаев давно выслужил свой срок, но, как и все семеновцы, осужден был до старости тянуть солдатскую лямку. Разговор происходил уже после того, как семеновцы были достаточно распропагандированы. Николаев же еще принадлежал к числу наиболее «надежных». Муравьев решил нащупать почву. Выразив возмущение по поводу того, что такого старика заставляют служить, он заметил, что теперь Николаеву «не грех из чистого ружья застрелить государя».

За этот разговор Николаев поплатился 12 тыс. шпицрутенов, хотя и настаивал на том, что согласия свого Муравьеву не давал[1]. Отрицание Николаева не внушает доверия. Защиту свою он вел упрямо, не стесняясь средствами, и в других пунктах обвинения бывал изобличаем. Очень вероятно, впрочем, что он и в действительности не дал согласия. Солдату, в котором десятилетиями воспитывалось отношение к монарху, как к господнему наместнику на земле, не легко было вдруг решиться поднять на него руку. Но самый этот разговор о цареубийстве весьма примечателен. Тот факт, что осторожный Муравьев решился сделать подобное предложение служит показателем настроения семеновцев.

Муравьев не ограничился этой одной попыткой и далеко не всегда они оканчивались безуспешно. Однажды в его балагане появился рядовой Тамбовского пехотного полка Петр Малафеев. Это был

---

[1] Сам Муравьев на следствии, желая всячески облегчить участь нижних чинов, за которых считал себя ответственным, часто, вопреки очевидности, упорно отрицал все факты, клонившиеся к усугублению их вины. Отрицал он и этот свой разговор с Николаевым.

тоже немолодой солдат, до 1820 г. служивший в Семеновском полку, в роте Сергея Муравьева. Узнав о том, что его бывший командир находится под Лещином, Малафеев сам, без чьего-либо наущения, поспешил к нему и с первых-же слов стал жаловаться на притеснения, чинимые бывшим семеновцам и «кричать против начальства».

По своему революционному темпераменту Малафеев, несомненно, занимает одно из первых мест среди солдат-декабристов. Он не только был беззаветно предан делу заговорщиков, но, подобно Анойченко, глубоко был заражен революционным пафосом, который сквозит в каждом его слове и поступке. Наблюдательный Муравьев не мог не оценить своего неожиданного гостя. Он сразу же приблизил к себе Малафеева, который был для него тем более ценен, что являлся первой связующей нитью с Тамбовским полком, где Муравьев еще не имел адептов. Малафеев и действительно развернул среди своих однополчан широкую агитацию, приведя к Муравьеву более десятка бывших семеновцев, из которых многие, по убеждению следственных органов, «без него итти не осмеливались и, вероятно, никогда бы не были». Эта их нерешительность не помешала малафеевским адептам потом попасть в число наиболее выдержанных сторонников Муравьева [1].

Пропаганду Малафеев вел неотступно и настойчиво, не унимаясь и в тех редких случаях, когда

[1] Большинство солдат Тамбовского полка отнесено было ко второй категории и прогнано по 6 раз сквозь тысячу человек. Они обвинялись в „посещении Муравьева, в выслушивании от него дерзновеннейших поношений на службу, начальство и на особу государя императора, со изъявлением согласия содействовать его преднамерениям, и подговаривать к тому прочих своих товарищей".

испытуемый, казалось, не поддавался никак на его увещания. Один из его однополчан объяснял, что он всячески уклонялся от сношений с заговорщиками. Тогда Малафеев пустил в ход упреки, насмешки, угрозы, и побежденный солдат отправился в балаган к Муравьеву.

Но этими значительными услугами, оказанными Малафеевым обществу, не должна была исчерпаться его роль. Ряды солдатских пропагандистов уже и без того росли и крепли. Муравьев готовил из Малафеева самостоятельного исполнителя. Он постоянно сводил разговор на императора Александра, приписывая ему все солдатские невзгоды. Когда Малафеев, по его мнению, достаточно созрел, Муравьев придрался к первому случаю, чтобы объясниться на чистоту. Малафеев рассказывал об одном рядовом, который, не выдержав каторжной жизни, застрелился. Муравьев резко осудил самоубийцу, говоря, что «не дождался времени». Затем снял со стены пистолет и, как-будто прицелившись в кого-то, многозначительно сказал: «Вот, так надобно». Малафеев не мог не понять намека, и молчаливо принял вызов.

Так, на ряду с массовой пропагандой, Муравьев подбирал отдельных выдающихся солдат для специальных целей. Через семеновцев зерна мятежа проростали в армейских полках. Перед окончанием лагерного сбора, в балагане у Муравьева, в последний раз, собрались семеновцы. На сей раз их пришло человек пятнадцать. Все это были не новички, а наиболее надежные из новых приверженцев заговора. Это последнее свидание Муравьев посвятил наставлениям о том, как надлежит себя держать семеновцам. Он «говорил, чтобы вели себя хорошо по службе, были осторожны и поведением своим

не дали бы какого подозрения начальству, наконец, чтобы всегда держались его стороны».

Кадр новых сподвижников революции был создан. В пехотных полках семена мятежа должны были принести богатые всходы. Семеновцы являлись надежным революционным ферментом.

Лещинский лагерь в истории Южного общества ознаменовался еще одним крупнейшим событием. Летом 1825 г. к Южному обществу присоединилось Общество соединенных славян.

Общество это было незначительно по составу. Оно объединяло всего несколько десятков человек, преимущественно младших офицеров, армейских прапорщиков и подпоручиков. Дети чиновников, мелкопоместных дворян, только формально принадлежавших к господствующему классу, славяне на социальной лестнице стояли неизмеримо ниже блестящих представителей Южного общества. В их рядах встречались и мелкие интендантские чиновники, разного рода «комиссионеры X класса» и даже крестьяне, «отыскивающие дворянство». Таковы были внешние черты этой скромной тайной ячейки, ставившей себе грандиозную цель: «освобождение всех славянских племен от самовластия, уничтожение существующей между некоторыми из них национальной ненависти и соединение всех обитаемых ими земель федеративным союзом».

Демократизм политической и социальной программы славян связывался и с их личным демократизмом. Отношения этих мелких пехотных и, преимущественно, артиллерийских офицеров с их фельдфебелями, унтер-офицерами и фейерверкерами напоминали скорее дружбу, нежели преданность и слепое доверие низших к высшим. Конечно, доверие к опыту и знаниям старшего, начальника,

было и здесь налицо, но оно дополнялось еще истинным чувством товарищества, что открывало славянам широчайшие пути для солдатской пропаганды.

И эти возможности правильно учтены были Муравьевым и Бестужевым. В своей речи на одном из собраний Славянского общества, перед его присоединением к Южному, Бестужев-Рюмин говорил, что «общество очень обширно, и в приобретении членов нет никакой нужды», что от славян ничего не требуется, как только действие на солдат. Бестужев преподал им и методы пропаганды. Они сводились к тому, чтобы внушать солдатам «несправедливость нынешнего правительства, выставляя на вид пользу от перемены оного, вселять в них любовь к отечеству и открывать, сколь важен пост солдата, что он значит и для чего именно служит, что согласием и решимостью своею они могут облегчить свое состояние и своих соотечественников».

Славяне, в принципе, конечно, были совершенно согласны с необходимостью подготовлять солдат. Но в их представлении солдаты должны были явиться равноправными участниками революции. И не только солдаты. По словам члена Славянского общества И. И. Горбачевского, они «считали необходимым содействие всех сословий; в народе искали они помощи, без которой всякое изменение непрочно. Славяне были твердо убеждены, что «частная воля, частное желание — ничтожны без сего всемогущего двигателя в политическом мире». На одном из собраний, после отъезда Бестужева, Андреевич даже развивал мысль о том, что когда революционная армия пойдет на Петербург, то обязательно нужно в пути склонять на свою сторону «чернь».

А Бестужев-Рюмин упорно внушал славянам, что революция должна быть чисто военной, что солдатам предстоит быть только орудиями переворота. «Наша революция,—говорил он, — будет подобна революции испанской. Она не будет стоить ни одной капли крови, ибо произведется одною армиею, без участия народа».

Все это вполне согласовалось с принципами Южного общества. И, как мы сейчас могли убедиться, самые наставления Бестужева о характере солдатской пропаганды сводились, по существу, к повторению опыта сношений Муравьева с бывшими семеновцами. Славянам, таким образом, предлагалось использовать агитационные приемы, твердо усвоенные всей верхушкой Южного общества, но на практике осуществлявшиеся только Сергеем Муравьевым и Бестужевым-Рюминым. Как мы уже имели случай говорить, эти приемы сводились к тому, чтобы стремиться всемерно привязать к себе нижних чинов и, основываясь на их экономических и профессиональных нуждах, возбудить в них «дух возмущения», доведя до такого состояния, чтобы единый знак заговорщиков мог послужить сигналом к восстанию.

На этой почве и возникли серьезнейшие разногласия между славянами и руководителями Васильковской управы. Горбачевский, в своих «Записках» оставил интересное описание одной беседы его на эту тему с С. Муравьевым. Последний развивал свои мысли насчет того, что крайне опасно открывать нижним чинам что-либо, касающееся конечных целей заговорщиков. Солдаты, все равно, не сумеют понять грядущих своих выгод, а республика, равенство и прочее «политические тонкости» останутся для них пустыми словами.

Горбачевский настаивал на том, что, напротив, от солдат ничего не следует скрывать, что необходимо, в процессе агитации, постепенно выяснять сущность переворота. Для сего, по его мнению, вовсе не требовалось пускаться в «политические тонкости». «На это,— говорил он,—есть другой язык, который они поймут, лишь бы только сообразались с их понятиями». Заговорщикам надлежало стремиться к тому, чтобы не только в пылу энтузиазма, не только следуя побуждению любимого ими начальника, солдаты способны были восстать, но чтобы они готовы были к восстанию постоянно, и чтобы руководил ими не мгновенный импульс, более или менее случайный, а вполне сознательная борьба «за свои мысли и за отыскиваемые ими права».

По самому существу своему, этот спор, конечно, был неразрешим. Ибо его ни в коем случае нельзя было свести к обыкновенным тактическим разногласиям. Корнями своими эти разногласия уходили в социальные различия южан и славян, откуда и проистекало их глубоко отличное понимание сущности революции.

Таким образом, наставления Бестужева были славянами исполнены, но по-своему. С переходом армии на зимние квартиры, они развернули широкую и планомерную пропаганду, формы которой мало согласовывались с принципами Южного общества. Горбачевский рассказывает, что славяне «употребляли всевозможные усилия к приготовлению своих подчиненных, старались, как бы слиться с ними, породнить их с своими мыслями и желаниями; они даже открыли им все свои намерения и, когда поверяли свои надежды, в сем случае славяне переступили, может быть, границы

благоразумия, но, к их счастью, и к чести русских, между нижними чинами не нашлось ни одного изменника».

По роду своей службы, все эти прапорщики и подпоручики гораздо ближе и теснее соприкасались с нижними чинами, нежели батальонные и полковые командиры из Южного общества. Славяне, благодаря этому, и лучше и свободнее могли присматриваться к отдельным фигурам, подбирая наиболее сознательных, наиболее свободно мыслящих, которые, будучи ими подготовлены, должны были понести эти внушения глубже, в самую солдатскую толщу.

Славяне пользовались каждым поводом, каждым случаем для закрепления связи с нижними чинами. Всякого рода служебные разъезды неизменно служили им для пропаганды своих идей.

Майор Спиридов был командирован для сдачи роты в г. Острог, где находился штаб Саратовского полка, а караул несла 1-я гренадерская рота, наиболее серьезно и глубоко затронутая агитацией. Спиридов пробыл в Остроге всего четыре дня, но и в этот короткий срок, кажется, более занимался солдатской пропагандой, нежели делами роты. Всякий день к нему являлись, по его приглашению, нижние чины, преимущественно из бывших семеновцев. Некоторые бывали ежедневно. Встречам этим Спиридов старался придать, сколько возможно, товарищеский характер, подчивая своих гостей водкою и «испивая сам с ними целыми стаканами». Разговор клонился всегда к одному и тому же. На жалобы нижних чинов, Спиридов отвечал, что «государь не наблюдает справедливости, увещевал потерпеть немного, обнадеживая, что служба скоро переменится и будет легче, только бы они держались его, Спиридова, стороны, когда, что начнется».

Андреевич, один из наиболее ревностных пропагандистов, будучи направлен в Киевский арсенал вышел из рамок чисто военной агитации и вел пропаганду в среде арсенальных рабочих.

Агитационные приемы славян не были ни едины, ни твердо установлены. И к ним приложимы слова Бестужева, сказанные о Муравьеве: «их средства на солдат зависели более от их характера, нежели от плана». Спиридов, напр., в этом отношении, вполне должен был удовлетворить южных заговорщиков. В своих взаимоотношениях с нижними чинами он не шел далее ссылок на их чисто профессиональные нужды, этим путем обостряя зревшее в солдатах возмущение и туманными надеждами на грядущие перемены, побуждая держаться его стороны. Недаром сами солдаты засвидетельствовали, что речи Спиридова весьма сходствовали с тем, что им случалось выслушивать от Сергея Муравьева. Более того, Спиридов, единственный из славян осуществлял мысль, приписывавшуюся и Пестелю. Он говорил своим товарищам, что будучи назначен батальонным командиром, он в отношении низших чинов проявлял «жестокую строгость», объясняя солдатам, «что сие делает против чувств и желания своего, единственно по воле государя».

Подобные методы воздействия «от обратного» были вообще совершенно чужды славянам. И далеко не случайно то, что именно Спиридов оказался в Славянском обществе единственным носителем методов южан. Дело в том, что он в среде славян был в некотором роде белой вороной. По своему происхождению, социальному положению и классовой природе, Спиридов несравненно ближе был к Южному обществу.

Но огромное большинство славян, занятых солдатской пропагандай, строили ее применительно к

своим демократическим взглядам. Конечно, и они не могли обойти молчанием солдатские нужды и уродливые формы солдатского быта. Андреевич объяснял, что «средства к возбуждению духа в солдатах были самые примеры несправедливостей командиров, коим они сами свидетели, и доброе с ними обхождение со стороны членов».

Однако, этот простейший способ агитации служил только, как бы оселком, на котором испытывалось настроение нижних чинов. Славяне знали и иной язык в общении с солдатами, язык несравненно более сильно действовавший, нежели туманные и неопределенные обещания лучшего будущего. Этот язык находил прямой путь к сердцам солдат и ковал из них подлинных равноценных участников грядущей революции, взамен слепых орудий чужих, неведомых им замыслов.

Солдаты, распропагандированные славянами, твердо знали, что им предстоит бороться не только за уничтожение зверских наказаний и за упорядочение их довольствия. Солдатскую пропаганду славяне связывали с крестьянским вопросом, указывая на «рабство и угнетение их отцов, матерей и братьев». Правительство, в их истолковании, являлось источником всех социальных зол и бедствий.

Каков же был путь к свержению этого правительства? Славяне не ограничивались увещеванием солдат, в случае начала действий держаться их стороны. Солдаты заготовились к самостоятельной борьбе. Андреевич, распрашивая о их положении, «уверял, что должны еще несколько потерпеть и, буде увеличится угнетение, то действовать лично, дабы получить облегчение».

При этом, надо думать, заговорщики использовали опыт и примеры солдатского движения 1820—

21 гг., последовавшего за восстанием Семеновского полка в Петербурге. Тогда, на гребне волнения, гвардия, проникнувшаяся сознанием своего единства почувствовала и свое могущество. Это был весьма грозный симптом для правительства. Первая солдатская прокламация, вышедшая, вероятно, из солдатской же среды, и призывавшая к ниспровержению государя и существующего строя, широко развивала эту идею. «Неужели и вы, господа воины, должны просить государя, как разбойника, о помиловании себя, тогда, когда он без вашей силы не в состоянии обидеть вас?.. Удивительное заблуждение наше! У государя много войска, но это вы сами и есть, а потому вы составляете силу государя, без вашего же к нему послушания он должен быть пастухом. Поэтому войско должно себя почитать в лице царя, ибо оно ограждает своими силами отечество, а не царь».

Через пять лет мотивы эти широко были применены в солдатской пропаганде, ведшейся славянами. Заговорщики внушали солдатам, что «они есть основание всему, что на них держится вся слава государства и сего рода правительства, которое к ним столь несострадательно, и что стоит только им пожелать перемены законов, и тотчас все сделают».

Пропаганда велась одновременно и в пехотных полках 3-го корпуса и в 8-й и 9-й артиллерийских бригадах, в которых служило большинство славян. В пехоте агитацией в разной степени были затронуты полки: Саратовский, Тамбовский, Пензенский, Троицкий, 15-й и 16-й егерские. Есть сведения о том, что мятежное настроение заброшено было также и в 17-й и 18-й егерские полки.

В пехотных полках действовали преимущественно, помянутый Спиридов и капитан Тютчев, в мень-

шей степени Мозгалевский, Шимков, Лисовский. Естественно, что и здесь главное внимание обращалось на бывших семеновцев, тем более, что Тютчев сам до восстания служил в этом полку. За беседами со Спиридовым и Тютчевым встречаем мы тех же семеновцев: Анойченко, Малафеева и др., усердно посещавших балаган Сергея Муравьева. Но иногда среди них попадаются и обыкновенные «армейские», в роде Федора Юрашева, который пытался доказать свое дворянское происхождение, в надежде на избавление таким путем от солдатской лямки.

Тютчев, в своей работе, держал тесную связь с Муравьевым, к которому он даже направлял избранных семеновцев. Пропагандируя их, Тютчев проводил прямую идейную связь между неудавшимся семеновским восстанием и тем предстоящим переворотом, формы которого не оставались втайне для его адептов. «Мы, было, начали в Петербурге дело, но не кончили, то здесь надобно окончить», говорил он семеновцам. Пропаганда имела успех. Если надежды заговорщиков на Саратовский полк связывались с рядовым Анойченко, то и в Троицком пехотном полку был какой-то «из Семеновского полка унтер-офицер», про которого Тютчев сообщал товарищам, что он «ему уже говорил и надеется, что более успеет через него, нежели через какого-нибудь другого офицера».

Еще шире поставлена была пропагандистская работа в артиллерии, вообще более сильно подверженной духе возмущения. Славяне и в данном случае использовывали агитационный опыт последних лет. Некоторые заговорщики преподавали в солдатских школах. Бечаснов даже заведывал одной подобной школой во 2-й легкой роте 8-й

артиллерийской бригады. Принадлежа к числу ревностнейших членов Славянского общества и наиболее горячих его пропагандистов, он, конечно, не мог упустить подобного случая. Обвинительное заключение свидетельствовало, что «Бечаснов, продолжал свои внушения в школе, где обучал солдат, и где для учащихся чистописанию составил четыре прописи в духе свободомыслия, из сих в одну поместил слова из Эккартсгаузена[1], что человек должен пользоваться правами, коими одарила его природа. Все же те, коим он, Бечаснов, поселял преступные мысли, говорили ему как они, так и прочие от своих офицеров не отстанут».

Как видим, дело велось, примерно, на тех же основаниях, что и в разгромленной четыре с лишком года назад, ланкастерской школе Раевского. Ученики Бечаснова были весьма сдержанны и малоречивы на допросах. Следственным органам так и не удалось установить никаких иных агитационных приемов Бечаснова, исключая помянутой цитаты из Эккартсгаузена, да еще замечания, что, «авось нам будет хорошо и вам лучше, нежели в лагере».

Но совершенно очевидно, что агитация Бечаснова не ограничивалась такими, по существу, невинными приемами, что она сильно волновала его слушателей и достигала результатов. Об этом свидетельствует хотя бы впечатление, произведенное арестом бечасновских учеников на их товарищей. Нижние чины 2-й легкой роты сразу поняли, что их товарищи «должны быть арестованы по показанию той же

---

[1] Карл Эккартсгаузен (1752—1803), известный немецкий писатель, первые сочинения которого были посвящены защите нарушенных прав человечества. Он привлекал пристальное внимание славян.

роты прапорщика Бечасного, у которого они обучались арифметике»... Отсюда ясно, что даже те солдаты, которые не ходили в школу, понимали и знали, что дело там не в одной арифметике, ибо им было известно, что за изучение таблицы умножения людей не предают военному суду. Очевидно, и этих солдат в какой-то мере коснулись «внушения», исходившие из арифметической школы, ибо они, на ряду с сожалением об арестованных товарищах, довольно откровенно выражали опасение, «чтобы их всех не забрали».

Кадры учеников Бечаснова дали незаурядных солдат-декабристов, из которых выдавался готлангер Федор Бухарин, поплатившийся за «уроки арифметики» 2 тыс. шпицрутенов. И опять-таки следствию не удалось установить, что он вел самостоятельную пропаганду среди своих товарищей, хотя и известно было, что он «изъвлял безрассудную готовность последовать за преступными офицерами всюду, даже с пожертвованием жизни». Надо думать, что на самом деле эта «готовность» Бухарина была отнюдь не безрассудной. В его лице Бечаснов имел верного и серьезного адепта. Очевидно, Бухарин многое знал и действовал среди товарищей, ибо перед разгромом мятежников, при первых тревожных симптомах, Бечаснов счел нужным предварять его о необходимости сугубой осторожности.

Но и за стенами «арифметических школ», как мы уже говорили, велась напряженная и неустанная работа по подготовке артиллеристов к восстанию. Исследователи отмечали уже, что славянская пропаганда велась преимущественно по линии субординации, т.-е. через солдатскую верхушку — фельдфебелей и унтер-офицеров в пехоте, фейерверкеров и бомбардиров в артиллерии,—в солдатские низы. Такой порядок подсказывался естественным

положением вещей. Когда славянам представлялся удобный случай, они охотно обращали свою проповедь непосредственно к безусым готлангерам и рядовым. Но эти подпоручики и прапорщики, по самой службе своей, гораздо больше общались и теснее были связаны со своими фейерверкерами, да к тому же эти последние были, конечно, и более развиты, и более опытны, и, в силу этого, более восприимчивы, нежели их младшие товарищи. Им же и легче было найти вернейшие пути в солдатскую толщу.

И если из среды Славянского общества вышел ряд горячих энтузиастов-агитаторов, то таковые же оказались и между этими фейерверкерами, в той солдатской среде александровской эпохи, которая обыкновенно рисуется столь-же беспросветной и серой, как то сукно, которое покрывало их избитые палками и тесаками, спины. Она и точно была такой, эта армейская масса, другой и быть не могла. Но на ее фоне проступают отдельные яркие пятна, встают отдельные выдающиеся фигуры солдат-революционеров, солдат-пропагандистов, которые более заслужили место в сакраментальном «Алфавите декабристов», нежели многие из поименованных там лиц.

Петр Борисов, вождь Общества соединенных славян, на следствии показывал, что, приступая к солдатской пропаганде, он первым отметил фейерверкера своей роты, Ивана Зенина. У молодого революционера был хороший глаз. Зенин, старослужащий солдат, имевший нашивки на рукаве, являлся благодарнейшим объектом для агитации. Он проявлял горячую любознательность и Борисов, в свободное от занятий время, преподавал ему арифметику и геометрию. Он же и Андреевич приобщили Зенина к Тайному обществу. Даже из необычайно осторожных показаний Борисова явствует, что

осведомленность Зенина простиралась весьма далеко. Ему известно было самое существование Общества, в которое входят «многие значительные особы», заботящиеся об облегчении жребия солдат и вообще низшего сословия людей, известны были ему и конечные цели заговорщиков. Такие же разговоры «в духе Общества» вел с Зениным еще и Бечаснов.

Зенин не производит впечатления человека страстного, увлекающегося, какими были, напр., Малафеев и Анойченко. Офицерские внушения всесторонне и глубоко продумывались им, и его обещание «не щадить во время восстания жизни» не было продиктовано минутным порывом, а явилось результатом глубокого и вполне сознательного решения. Он должен был сильно действовать на солдат, будучи, по характеру своему, повидимому, более склонен к общему воздействию на массу, нежели к распропагандированию одиночек.

Почти у каждого из славян-артиллеристов был свой поверенный, либо поверенные, через которых они действовали на солдат своих рот. Горбачевский был особенно близок с фейерверкером Николаем Евдокимовым, которому он открыл существование и намерения Тайного общества. Видимо, и Евдокимов, подобно Зенину, не сразу поддался на увещания заговорщиков. Борисов даже подметил в нем «сомнения». Но, если эти «сомнения» и не были присочинены Борисовым на следствии, в надежде смягчить участь Евдокимова, а существовали в действительности, то, во всяком случае, он от них весьма скоро отделался, совершенно предавшись идеям заговорщиков. Евдокимов и сам вел пропаганду среди солдат своей роты. Результаты этой пропаганды дали ему основание обещать Бечаснову содействие роты, хотя он, по собственным

словам, вел дело крайне осторожно и никому не сообщал «ясно и прямо» всего слышанного от Горбачевского, а только постепенно внушал нижним чинам мысли о грядущих переменах.

К этим агитационным приемам, как мы знаем, сводилась тактика южан. Здесь замечательно, конечно, то, что солдат оказывался настолько осведомленным, настолько сопричастным к офицерскому заговору, что уже, в свою очередь, мог выбирать отдельные мотивы, отдельные лозунги для увлечения своих товарищей.

Такими же горячими адептами заговора являлись фейерверкеры: Гончаров и Фадеев, особенно близкую связь, державшие с Андреевичем. Оба они уже давно находились в службе: Гончаров, от роду имевший 35 лет, взят был в памятный 1812 год, а Фадеев, бывший пятью годами старше его, состоял в службе еще с 1806 г. и проделал с отличиями все военные кампании. Андреевич на следствии держался крайне настороженно, а сами Фадеев и Гончаров упорно запирались, о чем мы еще будем говорить подробнее. Поэтому трудно определенно установить, как степень их собственной осведомленности, так и размеры их агитации и в какой мере она была успешна. Во всяком случае, им был известен факт существования Общества и то, что «Общество сие без содействия солдат не может исполнить своей цели, а если солдаты будут с ними согласны, то перемена в их положении тотчас совершится».

Сами Гончаров и Фадеев всецело преданы были «офицерским зловредным замыслам», да и агитация, которую они вели среди нижних чинов, повидимому, имела успех. Андреевич показывал, что «оные фейерверкеры мне доносили мнение солдат, что, если все сие, что я говорил, будет выполнено,

то каждый солдат с удовольствием на то решится, ибо солдату все равно умирать, так лучше умереть со славою за отечество».

Но выдающиеся солдатские фигуры, подобные Анойченко и Малафееву, Зенину и Гончарову, насчитываются единицами. За ними стояли десятки средних и рядовых солдат-декабристов, в разной мере распропагандированных и преданных делу Тайного общества. А за этими десятками, которых царское правительство почтило градом шпицрутенов, стояла многоголовая солдатская армейская масса. Конечно, далеко не во все поры, не во все уголки ее проникала декабристская агитация, да и в огромном большинстве своем, солдаты не были, естественно, способны, не были подготовлены к восприятию идей и внушений заговорщиков.

Но и эта масса, в которой постоянно тлел притушенный огонь недовольства и возмущения, далеко не оставалась безучастной к тому движению, которое развивалось на ее поверхности, постепенно проникая все глубже во внутрь. Петр Борисов на следствии утверждал, что, «почти все нижние чины второй и первой армий недовольны их нынешней участию». Только «уныние, боязнь, пьянство, заставляющие их забывать все», дают возможность, до времени, удерживать армию в повиновении. А Андреевич, накрепко сжившийся с солдатами, утверждал, что мятежное настроение так широко распространено в солдатской массе и «чувствующих так много, что, дабы истребить их, надобно потерять большую часть войска».

Те же воинские части, которые ближе соприкасались с заговором, через своих командиров, либо через бывших семеновцев, либо иными путями, могли служить надежной опорой восстанию. Глу-

бокое сожаление, которое, несмотря на совершенно неприкрытый шпионаж, проявляли нижние чины, когда в тревожные январские дни, одного за другим, стали хватать их любимых офицеров, весьма показательно. Оно свидетельствует о том, что основное требование Южного общества — завоевание преданности солдат, было выполнено сполна.

Замечательно и другое обстоятельство, отмеченное еще Горбачевским. Именно, что, несмотря на широкий размах и откровенный характер солдатской пропаганды, она, до самого разгрома мятежников, оставалась совершенной тайной для правительства.

Но имеются и иные данные, по которым можно судить о мятежном настроении солдат. Славяне неоднократно,— и устно, и письменно,— свидетельствовали о готовности к возмущению своих рот. Петр Борисов и Горбачевский писали Сергею Муравьеву, что солдаты 8-й артиллерийской бригады с таким рвением ожидают начала действий, что заговорщики едва сдерживают их. Писали к Муравьеву и семеновцы. Самый факт посылки этих писем нельзя было скрыть, но содержание их и Муравьев, и его корреспонденты упорно старались свести к просьбам о денежной помощи. Однако, декабрист В. Н. Соловьев, служивший в Черниговском полку, в батальоне Муравьева, свидетельствовал, что видел у него «письмо от солдат 8-й дивизии из бывшего Семеновского полка, что они давно уже готовы исполнить внушенное им предприятие».

О степени распространения в солдатах мятежного духа, заговорщики могли судить и на конкретном примере. Дело происходило тем же памятным летом 1825 г., в Саратовском пехотном полку, одном из наиболее сильно задетых агитацией. Вспомним: из этого полка вышли Анойченко, Николаев, Юрашев

и целый ряд видных солдат-декабристов. 1-я гренадерская рота, которой командовал Спиридов, после его производства в майоры и перевода в Пензенский полк, попала в руки бурбона-командира аракчеевской школы, который замучил солдат учением и наказаниями, Славяне были возмущены поведением этого офицера. У них мелькнула мысль взбунтовать роту и таким путем проучить ее командира. Не успела эта мысль оформиться в твердое решение, как она уже была приведена в исполнение. Один из заговорщиков, юнкер Шекола, сговорившись с Анойченко, бросил искру в этот пороховой погреб, и по первому призыву вся рота возмутилась. Солдаты обратились к полковому командиру с требованием сменить ротного, заявляя, что не желают и не могут служить под его командой. Волнение сразу же приняло столь острые формы, что полковой командир поспешил исполнить требование солдат.

Внезапная вспышка эта грозила смешать все расчеты южных заговорщиков. Муравьев поспешил вызвать Анойченко и поручил ему прекратить беспорядки, коль скоро начальство пойдет на уступки. Ротный командир был смещен и Анойченко успокоил солдат. Но тогда же он заверил Муравьева, что приведет роту по первому требованию.

Заговорщики могли верить в победу. За спинами стойких рядов солдат-декабристов, твердо и глубоко воспринявших идеи заговора, стояла густая щетина штыков, в любую минуту, казалось, готовая обратиться против ненавистного правительства.

Солдаты и матросы в восстании 14 декабря 1825 г.

В Северном обществе очень хорошо понимали, что возможность переворота зависит от поддержки

войска. Тревожное настроение гвардейских низов, казалось, в значительной мере, обеспечивало успех революционной пропаганды. В этом приходилось признаваться даже самим членам царского семейства. Принц Евгений Вюртембергский, с нескрываемым ужасом, вспоминал вполне реальную, как ему казалось, опасность того, «что воинолюбивая и вообще недовольная армия легко может протянуть руку» заговорщикам.

Счеты гвардейцев с тем правительством, которое они были призваны защищать, имели свою историю. До самого конца XVIII ст. гвардия резко отличалась от прочих армейских частей не только своим расположением в столице и близостью ко дворцу, но и аристократическим, дворянским составом, как офицерства, так и нижних чинов. Этим классовым составом гвардии определилась ее общественная и политическая роль в бурных событиях XVIII ст. Принимая живейшее и непосредственное участие во всех дворцовых переворотах, это отборное войско, в ущерб своему прямому назначению, оставалось верным интересам дворянского класса. Опираясь на гвардейские штыки, дворянство поддерживало свое господствующее положение в государстве и распоряжалось царским престолом.

Очень вероятно, что именно эти причины побудили правительство к проведению постепенной демократизации гвардии. Освобождение дворян от обязательной военной службы явилось первым толчком на пути этой демократизации. В эпоху Наполеонских войн, гвардия, значительно увеличенная количественно, развернута была в самостоятельный корпус и уже окончательно утратила свою кастовую обособленность. Гвардия стала пополняться путем перевода отборных солдат из армейских полков.

Резко изменив, таким образом, свой социальный облик, гвардия, тем не менее, оставалась наиболее организованной выразительницей общественных настроений. Гвардейские солдаты заметно отличались от своих армейских собратьев. При отборе их, на ряду с внешними физическими качествами, — служилой годностью, возрастом, воинской выправкой, — учитывались также расторопность, грамотность и общее развитие. Вместе с тем, жизнь в столице, влияние более просвещенного офицерства, школы грамотности, существовавшие при многих гвардейских полках, — все это способствовало росту культурного уровня гвардейских солдат, особенно по сравнению с их армейскими товарищами.

Длительное пребывание гвардейского корпуса за границей, знакомство с западно-европейской жизнью, столь разительно несхожей с русской, еще несравненно способствовало поднятию культурного уровня гвардейских нижних чинов и их политическому развитию. В среде солдат уже обращались газеты и журналы. Вообще процент грамотных в гвардии был довольно значителен, благодаря большому количеству бывших дворовых, разных крепостных управителей, стряпчих, старост и пр., отданных в службу разгневанными хозяевыми, семинаристов и разного рода разночинцев, захваченных солдатчиной. Все эти элементы играли заметную роль в солдатском развитии, являясь вечно будирующим ферментом в основном крестьянском массиве гвардейских низов.

Вследствие всего этого, гвардейские солдаты гораздо интенсивнее способны были отстаивать свои интересы, легко шли на всякого рода протесты и выступления и были в значительной мере подготовлены к чисто политическим волнениям. Тревожное настроение гвардии, в ближайшие годы после

окончания войны, о котором мы уже говорили, свидетельствовало об ее серьезной неблагонадежности. Настроение это разрядилось в 1820 г. известным возмущением Семеновского полка, грозным эхом отзвучавшим едва ли не во всех гвардейских полках. Среди солдат появились первые революционные прокламации, вышедшие, видимо, из солдатской же среды, а слухи и разговоры, вылавливаемые правительственными агентами из солдатской гущи, свидетельствовали об угрожающем ее настроении, о господствующей между отдельными полками солидарности и об их готовности к выступлению.

Император Александр, в последние годы царствования, утратил всякое доверие к своей гвардии. Он видел в ней грозную общественную силу, определенно враждебную и полную ропота. До поры до времени ропот этот был глухим, придушенным и выливался в отдельные, более или менее незначительные столкновения нижних чинов с начальством, либо в массовые побеги и самоубийства, представлявшиеся солдатам единственной мыслимой формой индивидуального протеста. Но солдатский бунт Семеновского полка — первый бунт в императорской гвардии, служил показателем того, что этот ропот в любую минуту может грозно прорваться наружу, что гвардия готова обратиться в революционную силу, страшную по своим неограниченным возможностям.

Недаром цесаревич Константин говорил, что стоит бросить искру в Преображенский полк, считавшийся головным, как вся гвардия воспламенится.

Петербургские заговорщики не умели и не хотели воспользоваться мятежным духом, прочно господствовавшим в гвардии, хотя и сознавали, что, в ко-

нечном счете, именно она решит дело. Сколько-нибудь серьезной пропаганды среди солдат северяне не вели до самых последних дней, предшествовавших восстанию. И не только из соображений конспиративного свойства, но еще и вследствие твердой уверенности в том, что солдаты, без всякой предварительной подготовки, с готовностью последуют за своими командирами. Эта уверенность их строилась, в значительной степени, на глубоком социальном разладе между правительством и солдатами-крестьянами.

Таким образом, связь заговорщиков с солдатской массой, попрежнему, сводилась к завоеванию ими симпатий этой последней, путем гуманного отношения к непосредственным своим подчиненным. Михаил Бестужев, поднявший 14 декабря л-гв. Московский полк, рассказывал впоследствии, что с первого же дня, по вступлении в командование ротой, он уничтожил употребление не только шомполов, но даже палок и розог. Нижние чины судились и наказывались своим судом. Сперва солдаты склонны были гуманность ротного командира приписать его слабости, но очень скоро поняли его истинные намерения, и отплатили ему горячей любовью и доверием. «Только таким путем — объяснял Бестужев, — я имел возможность через преданных мне душою солдат приготовить полк к восстанию».

Подобной преданностью и доверием к ним нижних чинов могли похвалиться многие заговорщики, конечно, слишком выгодно выделявшиеся среди гвардейского офицерства, отношения которого с подчиненными, в подавляющей массе, строились на жестоких наказаниях. Оболенский, например, будучи старшим адъютантом командира гвардейской пехоты, пользовался широчайшей популярностью среди нижних чинов, знавших, что ему в

значительной степени обязаны они введением строгой отчетности в наказаниях, явившейся серьезной уздой для всех любителей палок и шпицрутенов.

Но, конечно, элемент личной симпатии и привязанности не мог играть решающей роли в революции. То обстоятельство, что отдельные роты или батальоны любили своих гуманных начальников еще ни в какой мере не могло служить залогом того, что они, по знаку своих командиров, во имя неведомых им целей, восстанут против самодержавия, слепую покорность которому в них веками вколачивали. Поскольку петербургские заговорщики не пытались связаться с революционным настроением гвардейских низов, не считали нужным приобщить их к своим задачам, у них не могло быть положительной уверенности ни в одном солдате. Гвардия оторвалась от правительства, но и не была завоевана Тайным обществом. Она оказалась где-то посередине, между этими двумя борющимися центрами, никем не направляемая и влекомая исключительно своими личными настроениями и внутренними противоречиями государственного строя.

Это положение вещей, одинаково неутешительное, как для правительства, так и для заговорщиков, вполне отчетливо осозналось в самый день 27 ноября 1825 г., когда в Петербург пришло известие о внезапной смерти в Таганроге императора Александра.

Смерть государя издавна положена была в Тайном обществе сигналом к началу действий. Однако, событие это застало заговорщиков совершенно врасплох. Собираясь у Рылеева, они поздравляли друг друга, но нисколько не представляли себе, во что могут и должны вылиться события. У Рылеева, правда, была мысль распустить для пропаганды в войсках слух о мнимом завещании Але-

ксандра, в котором, будто бы, говорилось о даровании свободы крестьянам и сокращении срока солдатской службы. Но поспешная присяга Константину сорвала этот план.

Завещание и действительно существовало, только смысл его был иной. Оно должно было оформить словесное соглашение трех братьев, состоявшееся несколько лет тому назад, согласно которому цесаревич Константин отрекался от наследования престола в пользу Николая Павловича. Видимо, отрекся Константин под давлением старшего брата, а внешним предлогом к тому послужила вторичная женитьба его на особе нецарского происхождения. Но тревожно настроенный Александр, опасаясь политических волнений, не решился объявить об этой «семейной сделке» своевременно и всенародно. Три экземпляра манифеста об отречении были отданы на хранение в Успенский собор, Сенат и Государственный Совет, будучи снабжены собственноручной надписью Александра: «В случае моей кончины вскрыть... прежде всякого другого действия».

Становившийся согласно этому завещанию, наследником — Николай, и его супруга, завоевали острую ненависть всех классов общества, в частности и особенности — гвардии. В среде гвардейских солдат ходили бесконечные рассказы о расточительности Александры Федоровны для себя и необыкновенной скупости для бедных, об ее жестокости, доходившей до поощрения телесных наказаний солдатских жен и дочерей. Если представления свои о великой княгине гвардейцы могли строить только по слухам, то уж Николая Павловича они хорошо знали лично и понимали, чего можно ожидать от него.

Настроение гвардии не могло оставаться тайной для Николая. Оно-то и побудило его, вопреки мани-

фесту, спешить с присягой брату, тем более, что военный ген.-губернатор гр. Милорадович недвусмысленно давал понять Николаю, что гвардия откажется присягать ему.

Присяга Константину войсками была принесена, по одним отзывам, «холодно», по другим «охотно». Во всяком случае, она прошла совершенно спокойно. Цесаревич — отнюдь не подходящий сюжет для народных восторгов, — являлся, однако, до некоторой степени, в глазах гвардейцев фигурой неизвестной. Действительный образ его, в долгие годы отсутствия, успел уже стереться, выветриться. Поведение же его в Польше, казалось, свидетельствовало о происшедшей в нем перемене, слухи о которой порождали самые неожиданные иллюзии в солдатских умах. Декабрист Каховский говорил, что «по кончине Александра I, по сведениям нашим из полков, насчет желания солдат, оные говорили, что быв измучены вытяжкою и учением, выходят из терпения, и что желают Константина потому, что слышали от пришедших из Варшавы, что он вовсе переменился и от солдата не требует лишнего и особенно ежедневно правил не изменяет».

В среде петербургских заговорщиков известия об успешной присяге Константину прозвучали чем-то очень похожим на погребальный звон. Трезвый учет сил и возможностей, свидетельствовавший о полном отрыве декабристов от войска, безнадежно разрушал всякие надежды на возможность осуществления переворота. Призывать солдат к восстанию ради уничтожения крепостного права и облегчения военной службы, представлялось, конечно, невозможным тогда, когда с именем Константина, в солдатских кругах, упорно связывалась уверенность в проведении этих реформ. Иного

языка с солдатами, иных лозунгов — северные заговорщики не знали. «В день присяги бывшему императору Константину Павловичу — писал декабрист Оболенский, — собрались мы у Рылеева... Поздравляя друг друга с неожиданным для нас происшествием, мы сознались все в слабости наших сил и невозможности действовать сообразно цели нашей и расстались, не положив ничего решительного».

То же самое повторил и Ал. Бестужев: «Полки присягнули единодушно прежде, нежели мы увидали друг друга. Все мы видели очень хорошо, что предпринимать что-либо, не имея никакой надежды на солдат, было бы безрассудно, а оттого даже и не думали возмущать их».

Больше того. Этот кульминационный пункт в деятельности Северного общества отмечен был даже своего рода «ликвидаторским» настроением, вылившимся в предварительное решение временно работу Общества прекратить.

Но ход исторических событий играл в руку заговорщикам. Непосредственно после присяги цесаревичу разнеслись глухие слухи о том, что Константин престола не примет и предстоит новая присяга — вел. князю Николаю. Заговорщики стали спешно перестраивать ряды. Вероятный династический кризис представлял собой лучший, неповторимый случай для осуществления переворота. Начались ежедневные совещания, приведшие к решению повести усиленную пропаганду в войсках, дабы «подготовить их на всякий случай».

Намерение это, конечно, безнадежно запоздало. В несколько дней связаться с солдатской массой и обратить нараставшее в ней волнение в своих интересах — было невозможно. Да и самая пропа-

ганда приняла слишком примитивные формы. Была, правда, мысль сочинять прокламации и распространять их по гвардейским казармам, но она не получила никакого осуществления, должно быть из-за опасений заговорщиков, что почва недостаточно подготовлена и листовки, не укроющиеся от правительства, пробудят его к скорейшим репрессиям.

Таким образом, оставалась только возможность устной, личной пропаганды. Но и ее, на первых порах, решили, в виде опыта, осуществлять в скромных размерах. Ночью Рылеев и братья Бестужевы ходили по городу, останавливая каждого солдата, заговаривая с каждым часовым, и, внушая им, что их обманули, что в завещании Александра объявлены: свобода—крестьянам и льготы — солдатам. Николай Бестужев вспоминал впоследствии: «Нельзя представить жадности, с какой слушали нас солдаты; нельзя объяснить быстроты, с какой разнеслись наши слова; на другой день такой же обход по городу удостоверил нас в этом».

Первый опыт, стало-быть, оказался вполне удачным. Можно было ожидать более широкого развития подобного рода пропаганды, но, в действительности, она так и заглохла в самом начале. На третий день Рылеев сильно захворал и ночные обходы прекратились вовсе.

Между тем, династический кризис нарастал. Цесаревич Константин вел двойственную игру, отсиживаясь в Варшаве и наблюдая за ходом событий. Он отрекался от престола, отказываясь приехать в Петербург, дабы лично подтвердить свое отречение. По городу потекли зловещие слухи о том, что, если Константин сам не приедет, — едва ли удастся убедить солдат в подлинности его отречения, что будто бы гвардейские солдаты выражали готовность

пойти за ним в Варшаву. Высшие петербургские сановники, члены царской семьи и сам великий князь, сомневались в возможности безболезненно привести гвардию к новой присяге ненавистному Николаю. За несколько дней до 14 декабря Милорадович таинственно делился с принцем Вюртембергским своими опасениями насчет «успеха дела», ибо «гвардия очень привержена к Константину». — О каком успехе говорите вы? — театрально удивился принц. — Я ожидаю естественного перехода престолонаследия к великому князю Николаю, коль скоро Константин будет настаивать на своем отречении. Гвардия тут не при чем! — Совершенно верно, — поспешно согласился Милорадович, — ей бы не следовало тут вмешиваться, но она испокон веку привыкла к тому, и сроднилась с такими понятиями.

Повидимому, правительство не ограничивалось голой регистрацией гвардейских настроений, но и пыталось подготовить солдат к вероятной перемене в престолонаследии. Однако, подсылавшиеся с этой целью агенты, встречали в солдатской среде весьма враждебный прием и не могли ни в какой мере выполнить своей дипломатической миссии. Милорадович оказывался совершенно прав. Гвардия проявляла нескрываемую готовность «вмешаться». Трубецкой был убежден, что «по духу, овладевшему тогда гвардейским войском», избежать волнений было невозможно. И недаром он, уже перед самым восстанием, сообщал С. Муравьеву-Апостолу упорные слухи, будто гвардию для приведения к присяге собираются вывести за город.

Таковы были внешние условия, приведшие заговорщиков к твердому решению выступить в день принесения второй присяги, назначенной на 14 декабря. Самые же формы революционного вы-

ступления, выработанные ими, логически вытекали из внутренней сущности северного декабризма. Переворот должен был быть чисто военным. Участие в революции «народа», — по мнению петербургских заговорщиков, — неизбежно должно бы привести к междоусобице, а междоусобица — к новой реакции. С другой стороны, примеры западноевропейских революций, казалось, служили залогом успеха военных восстаний. «Диктатор» 14 декабря, кн. Трубецкой, замечал по этому поводу: «Общественное устройство в России еще и до сих пор таково, что военная сила одна, без содействия народа, может не только располагать престолом, но и изменить образ правления».

Переворот должен был быть чисто-военным с совершенным соблюдением дисциплины, исключающей возможность каких-либо беспорядков. Войскам надлежало выступить в строю, под командой своих офицеров-заговорщиков, и на долю их отводилась роль не самостоятельной силы, а только орудия переворота.

Сейчас едва ли возможно сколько-нибудь точно и определенно установить настроение отдельных гвардейских полков в эти тревожные дни. Правительство спешило засвидетельствовать полную преданность престолу всех вообще воинских частей, исключая тех, которые 14 декабря, с оружием в руках, выступили на площадь. Декабристы же всячески старались собирать сведения о солдатских настроениях, и, несомненно, имели таковые. Но на следствии они были крайне скупы на подробности подобного рода, стремясь доказать, что больше всего надежд возлагали на полки Московский и Гренадерский и на Гвардейский экипаж. Последнее, конечно, подсказывалось им тактическими соображениями: все равно шила в мешке нельзя было

утаить; скрыть революционное настроение восставших полков — было невозможно.

Вот какие сведения о настроении гвардейских полков стекались к заговорщикам, в последние дни перед восстанием. Измайловский полк — один из старейших полков гвардии — будто бы готов был не присягать. Ходили даже слухи, что полк собираются раскассировать, ибо солдаты открыто говорят, что не станут вторично присягать, а во избежание волнения полк выведут за город, разделив по-ротно, на дороге к Луге, якобы, для встречи тела покойного государя. Конногвардейский полк, по словам Мих. Бестужева, был вполне подготовлен к восстанию. Егеря говорили, что, если Константин не приедет, то они пойдут за ним, и, в случае принуждения к новой присяге, готовы на все. Таково же было настроение и тех полков, которые потом приняли непосредственное участие в восстании. В конной артиллерии, в Финляндском полку, в Кавалергардском и др. — всюду было много членов Тайного общества. В тревожные декабрьские дни заговорщики, согласно выработанному плану восстания, спешно вербовали адептов среди офицерского состава гвардии, рассчитывая через их посредство увлечь полки на площадь.

Теперь у заговорщиков был чрезвычайно выигрышный лозунг для увлечения солдат. Решено было внушать им, что цесаревич не отрекался, что он и вел. князь Михаил Павлович арестованы, что Николай узурпировал престол. В этом направлении в последние 3—4 дня велась среди солдат усиленная агитация.

И все-таки, несмотря на возбужденное настроение гвардии, несмотря на этот боевой, зажигательный лозунг, — на последних совещаниях заговорщики вынуждены были констатировать отсутствие пол-

ной уверенности, хотя бы в одном каком-либо полку, в одной роте. Молодые, горячие офицеры, недавно славословившие революционную готовность своих полков, теперь, накануне восстания, признавались в своей слабости, сомневаясь в возможности увлечь солдат. С отклонением от заговора ген. Шипова, рушилась надежда на Семеновский полк. Нейтральная позиция, занятая полк. Моллером, запуганным своим дядей, морским министром, подрывала уверенность в Финляндском полку и т. д., и т. п. Вождям заговора приходилось убеждаться на скорбном опыте, сколь зыбка и ненадежна созданная ими связь с нижними чинами.

Так встретили заговорщики решительный день 14 декабря. С утра они все уже были на ногах и спешили в те полки, в которых им надлежало действовать. Правительство приняло свои меры предосторожности. Полки присягали каждый отдельно, в своих казармах и в разное время, с 9 до 11 часов утра. Ген. А. Ф. Орлов первым привез известие о благополучной присяге конной гвардии. Столь же гладко прошла присята и в Семеновском полку. Каждое из этих известий расценивалось во дворце, как частичная победа, ибо горючего материала было в избытке в каждом полку. Никто не только из солдат, но и из офицеров не имел отчетливого представления о происходящем. Среди солдат проявлялось плохо скрываемое волнение и нежелание присягать Николаю. При таких условиях от гвардейских командиров требовались особый такт и дипломатичность, а главное — быстрота, лишающая солдат возможности размышлять и раздумывать во время принесения присяги.

Приходилось гвардейскому начальству, в отдельных случаях, поступаться исконным дисциплинарным принципом слепого повиновения и пускаться

перед солдатами в пространные изъяснения обстоятельств, предшествовавших «новой присяге», подкрепляя это чтением документов. Именно таким путем удалось Орлову привести к присяге конногвардейцев. Но и это последнее средство не всегда оказывалось действительным. Декабристы оказались правы, но только вполовину. Ни в одном почти полку присяга не обошлась без инцидентов. В пешей артиллерии возникло среди солдат волнение, подогревавшееся офицерами-заговорщиками, но, после поспешного ареста этих последних, нижних чинов удалось привести к присяге. Подобные же события разыгрались и в конной артиллерии, где также офицеры, принадлежавшие к Тайному обществу, отказались присягать. Будучи немедленно арестованы и изолированы от нижних чинов, заговорщики, однако же, нашли способ бежать из-под ареста и, ворвавшись к солдатам, стали кричать: «Ребята! Измена! Вас обманывают! Константин Павлович не отрекался». Их снова схватили, и, хотя им вновь удалось бежать, но проникнуть к солдатам они уже не сумели.

Много усилий потребовалось для того, чтобы заставить присягнуть Саперный батальон. Сильное волнение возникло в Кавалергардском полку, и потушить его удалось исключительно благодаря нерешительности и инертности офицеров-заговорщиков. Полк был выстроен в манеже и полковой адъютант прочел манифест Николая. Кавалергарды заволновались, и полковой командир, ген. Апраксин, не будучи уверен в том, что солдаты согласятся присягать, приказал эскадронным командирам подробно изъяснять всю историю междуцарствия. Офицеры сами не имели точного представления о смутных обстоятельствах дела. Поэтому, должно быть, их толкования показались слишком пространными

прибывшему в это время дивизионному начальнику Бенкендорфу. Действительно, этот антракт мог иметь двоякие последствия. Бенкендорф попытался прекратить разговоры, крикнув, чтобы присягали «без рассуждений». Но по рядам кавалергардов пронесся ропот. Апраксин хорошо учитывал остроту момента. Он напомнил дивизионному начальнику, что он, а не Бенкендорф, отвечает за полк и попросил его покинуть манеж. Пришлось вновь дать кавалергардам успокоиться. Новый, второй антракт, который, как и первый, при возбужденном состоянии солдат, мог быть, несомненно, весьма успешно использован заговорщиками, если бы слова у них не расходились с делом. Но и этот момент был безвозвратно упущен. Апраксин искал спасения в аффектации. Он снял каску, поднял правую руку и принес перед полком торжественную клятву, что цесаревич отрекся добровольно, и Николай назначен наследником согласно воле Александра. Полковой командир пользовался доверием. Непобуждаемые к неповиновению извне, кавалергарды дали себя успокоить, и к 10 часам присяга была закончена. Часом позднее в казармах был застигнут неизвестный, одетый в штатское платье, пытавшийся вызвать среди солдат волнение. Но эта одинокая попытка уже безнадежно запоздала.

На преображенцев декабристы не возлагали никаких надежд. Тем не менее, в этом старшем гвардейском полку едва не возникло серьезное движение, несмотря на отсутствие в нем строевых офицеров-заговорщиков. По свидетельству М. Бестужева, преображенцы «решительно отказались присягнуть Николаю». В Преображенском полку, — по словам Трубецкого, — избежать волнений удалось только путем долгих уговоров, обещанием всяких льгот и

раздачи большой суммы денег из артельной кассы. Лишь после того на вопрос Николая преображенцы ответили согласием признать его царем.

Относительно конно-пионеров М. Пущин еще накануне восстания сообщал, что он беседовал с солдатами и убедился в том, что «эскадрон вывести можно». Впрочем, он полагал, что конно-пионеры последуют примеру измайловцев, с которыми вместе должны были приводиться к присяге. Но измайловцев, хотя и не без труда, удалось заставить присягнуть.

Так, в каждом полку приходилось вести подлинную борьбу за сохранение «верности» новому самодержцу. И Николай, конечно, был настолько дальновиден, чтобы оценить по достоинству степень и силу подобной «верности». Но еще бледные, встревоженные гвардейские командиры прибывали во дворец с сообщениями о «благополучном» окончании присяги в их частях, когда пришло страшное известие о возмущении л-гв. Московского полка.

Надо полагать, что, действительно, московцы более других были подготовлены к восстанию благодаря успешной пропаганде, ведшейся М. А. Бестужевым, командиром 3-й роты этого полка. «В последние дни перед 14 декабря, — вспоминал он,— все оставшееся от ротных учений время было положено на приготовление солдат... Солдаты мои усердно работали в других ротах». Те из ротных командиров, которые не принадлежали к заговору, дали Бестужеву слово не удерживать своих солдат, если они пожелают примкнуть к восстанию.

С самого раннего утра 14 декабря, в полку начались глухая тревога и волнение. Не учитывая ответственности и серьезности положения, полковой командир, ген. Фредерикс, уклонился от личных объяснений с нижними чинами по вопросу о

переприсяге, возложив эту сложную миссию всецело на ротных командиров. Объяснения эти происходили по казармам, откуда роты должны были выводиться на главный двор, где возвышался аналой для присяги.

Офицеры-заговорщики к 9 часам были уже все налицо. Решено было возмутить роты по отдельности, не дожидаясь сбора всего полка на дворе. М. Бестужев и еще трое офицеров, сторонников выступления, кн. Щепин-Ростовский, Броке и Волков, решительно повели дело. В 10-м часу, М. Бестужев и Щепин-Ростовский отправились в 6-ю фузилерную роту, которой командовал Щепин. Первую искру восстания суждено было бросить кн. Щепину-Ростовскому, не принадлежавшему к Северному обществу и вовлеченному в заговор только уже в тревожные декабрьские дни. Официальный документ так передает эти первые революционные действия. «Щепин-Ростовский говорил нижним чинам: «Ребята, мы присягали государю императору Константину Павловичу, крест и евангелие целовали, а теперь будем присягать Николаю Павловичу? Вы, ребята, знаете службу и свой долг». Потом вторично приходил один и говорил: «Ребята, все обман. Нас заставляют присягать насильно. Государь Константин Павлович не отказался от престола, а в цепях находится. Его высочество шеф полка (Михаил Павлович) задержан за четыре станции и также в цепях, его не пускают сюда», и другие, подобные сему слова и уговаривал не присягать до тех пор, пока не увидят его высочества шефа полка. После сего, вызвал он из дежурной комнаты штабс-капитана Волкова и поручика Броке... и предложил итти с ним в 6-ю роту, подле коей сошлись с Михаилом и Александром Бестужевыми, и все вошли в означенную роту, где он, Щепин-Ро-

стовский, и Александр Бестужев, подстрекали опять нижних чинов не присягать».

Александру Бестужеву, адъютанту принца Вюртембергского, принадлежит крупная роль в событиях, разыгравшихся в Московском полку. Адъютантский мундир его явился причиной особого доверия к нему солдат, веривших в то, что он — послан от цесаревича Константина. Из 6-й роты заговорщики отправились в 3-ю, которой командовал Мих. Бестужев, оттуда в другие, и всюду выступали с агитационными речами. «Я говорил сильно, меня слушали жадно», вспоминал Александр Бестужев на следствии. Он внушал солдатам, что Константин не отрекался от престола, а Николай и генералы хотят его устранить от власти, зная, что он любит и заботится о солдатах и о народе. Горячие речи его покрывались единодушным криком: «Не хотим Николая, — ура, Константин!».

Наэлектризованные и всецело готовые к выступлению, солдаты ожидали первого знака. Мих. Бестужев роздал своей роте боевые патроны, а в остальные роты разослал надежных солдат, с приказанием также запасаться боевыми патронами и выходить с барабанным боем.

Он вспоминал впоследствии об этих торжественных минутах: «Знамена уже были принесены и знаменные ряды солдат ожидали нашего появления на большом дворе, чтобы со знаменами примкнуть к идущим на площадь ротам. Щепин выстроил свою роту позади моей; позади нас образовалась нестройная толпа солдат, выбегающих из своих рот. Не было никакой возможности построить их даже в густую колонну — к тому же мы боялись терять время, и я двинулся вперед со своею ротой. Когда мы подходили к своду ворот, где находился выход из учебной залы, куда принесены

были знамена, — они показались в сопровождении знаменных рядов. Знамя моего батальона примкнуло к голове моей роты, а другое пронесли далее, чтобы примкнуть к ротам, принадлежащим их батальону. Нестройная толпа солдат прочих рот, полагая, что знамя несли к аналою, около которого строились уже московцы, не согласившиеся итти с нами, бросилась на знаменный ряд с намерением отнять знамя. Началась борьба, которая разрасталась от недоумения; каждая сторона думала видеть в другой врага, тогда как обе стороны были наши».

Эта ненужная схватка, как нельзя лучше, свидетельствует об энтузиазме, охватившем солдат. Наконец, офицерам-заговорщикам удалось успокоить нечаянную бурю и вывести мятежных солдат из казармы.

В рядах восставших оказалась значительная часть полка, до 700 человек, со знаменами и боевыми патронами. Офицеры, не примкнувшие к восстанию, видимо, сохраняли полный нейтралитет, не противясь осуществлению замыслов заговорщиков. Фредерикс, бригадный командир Шеншин и полк. Хвощинский, правда, пытались вернуть солдат к повиновению, но их старания имели трагикомический исход. Они встретили мятежные роты у выхода из казарм. Александр Бестужев уговаривал Фредерикса удалиться и, видя тщетность своих слов, распахнул шинель, показав ему пистолет. Это средство подействовало. Испуганный Фредерикс поспешно отскочил в сторону и наткнулся на Щепина, который ударил его саблей по голове. Таким же образом ранен был Шеншин. Хвощинский еще стоял в воротах с поднятыми руками, уговаривая солдат остановиться. «Щепин, — рассказывает М. Бестужев — замахнулся на него саблею. Хвощинский побежал прочь, согнувшись в дугу от страха,

и Щепин имел только возможность вытянуть ему вдоль спины сильный удар саблею плашмя. Хвощинский отчаянным голосом кричал, убегая: «Умираю! Умираю!» Солдаты помирали со смеху».

Эта, отнюдь не героическая история, не помешала официальной молве прославить подвиги ее участников, из которых Фредерикс оказался даже спасителем Николая, встретившим своею грудью предназначавшиеся государю удары. Эпопея 14 декабря была слишком бедна героикой, проявленной защитниками Николая. Приходилось прибегать к явным передержкам.

Оставшаяся в казармах меньшая часть полка, растерянная и сбитая с толку, не решившись присоединиться к мятежникам, не желала, однако, и принимать присяги. Николай, потрясенный и перепуганный известием о начале восстания, готов был уже послать туда семеновцев и конногвардейцев, чтобы силой принудить их к присяге. Но положение спас приехавший незадолго перед тем в Петербург в. кн. Михаил Павлович. Одно появление его в Московских казармах уже наполовину разбило слухи, распущенные заговорщиками, о заточении его и Константина. Он пространно разъяснил взволнованным солдатам историю престолонаследия и, воспользовавшись тем, что сам еще не успел присягнуть, первый принес присягу новому императору.

Непосредственный повод к мятежу был, таким образом, уничтожен. Большая часть нижних чинов увлеклась эффектным и выигрышным трюком великого князя. Но человек 75 солдат, возглавляемые рядовым Николаем Поветкиным, упорно продолжали отказываться от присяги.

Поветкин, немолодой солдат, служивший с 1815 года, несомненно был связан с заговорщиками

еще задолго до восстания. Должно быть, он принадлежал к числу тех горячих их адептов, через которых заговорщики вели свою агитацию. Принадлежа к 6-й роте (Щепина-Ростовского), в полном составе выступившей на площадь, Поветкин один остался на полковом дворе, конечно, с целью возмутить отставших, колеблющихся солдат других рот. Это ему и удалось сделать, до некоторой степени. Группировавшиеся вокруг него солдаты сомкнутыми штыками встретили корпусного командира Воинова, на увещания которого Поветкин отвечал: «Мы уже присягали, более не хотим; присягай каждый день, так заставят присягать каждому приезжему принцу».

На фоне бурных событий, разыгравшихся в Московском полку, вырисовываются и другие фигуры отдельных нижних чинов, активно участвовавших в возмущении. Унтер-офицер 2-й роты (из вольноопределяющихся) А. Н. Луцкий, проявивший особую горячность, как в казармах, так и на площади. Гренадер Андрей Красовский, один из участников схватки за знамена, раненый Щепиным, думавшим, что он против них, и воскликнувший: «Хотя вы меня ранили, я иду умереть с вами!» Фельдфебель 6-й (Щепинской) роты Клементьев, близкий к заговорщикам и перед началом восстания, исполнявший их поручения. Но большинство имен этих первых солдатских героев русской революции осталось погребенными в полковых архивах и не дошло до нас, как имена шести московцев, спрятавших знамя 2-го батальона, или как имя фельдфебеля 5-й роты, выведшего свою роту к мятежникам.

Восставшие роты Московского полка сделали «великий почин». Нестройная толпа солдат, до крайней степени возбужденная последними собы-

тиями, вырвавшись из казарм, затопила Гороховую улицу. Наскоро построенные мятежные роты, спешно, почти бегом, направлялись к условленному сборному пункту — Сенатской площади. За солдатами следовали толпы народа. Полицейские офицеры пытались отогнать их от мятежников, но были избиты прикладами восставших солдат. Они не страшились, подобно своим старшим товарищам-офицерам, участия в восстании неорганизованных народных масс. По существу, нестройная толпа, затопившая улицу, представляла собой восставший народ, и это величественное зрелище поселило сразу же ужас в новом самодержце. Кажется, наиболее глубоко из всех событий 14 декабря, запало в память Николая сочувствие мятежникам, проявленное «чернью».

Сенатская площадь была пуста. Много громких обещаний, щедро сыпавшихся заговорщиками накануне, осталось невыполненными. План декабристов, заключавшийся в том, чтобы первая восставшая часть шла к казармам других полков, увлекая их за собою на сборный пункт — Сенатскую площадь, — был сорван. Революционные события развертывались с значительным запозданием, между тем, как каждый час был дорог. Московцы, как выше сказано, пошли прямо на площадь и, найдя ее пустою, построились в каре, т. е. сразу же приняли оборонительную позицию. Этим, в значительной мере, предопределилась вся дальнейшая тактика мятежников. Они уже до самого конца не могли перейти от обороны к нападению. А Николаю, совершенно беззащитному в первый момент восстания, предоставлено было время собраться с силами.

Вследствие общего нарушения плана восстания, события в л-гв. Гренадерском полку разыгрались

также с большой задержкой. Заговорщики были совершенно уверены в содействии этого полка. Еще в конце ноября, после получения известия о смерти Александра I, поручик Сутгоф, командир 1-й фузилерной роты и деятельный член Северного общества, сообщал, что он говорил с ротой и, «что она на все готова». Общее же настроение полка давало уверенность в том, что и остальные роты последуют ее примеру. Эти расчеты декабристов оправдались, хотя и с запозданием.

14 декабря не весь полк был налицо в казармах. Третьи батальоны всех гвардейских полков расположены были за городом. Две роты 1-го батальона Гренадерского полка в этот день, занимали караулы в Петропавловской крепости (лишний шанс в руках заговорщиков). Таким образом, в Петровских казармах, занимаемых гренадерами, помещавшихся на Большой Невке, Карповке и Б. Вульфовой, налицо были: весь 2-й батальон и две роты 1-го.

Сутгоф твердо шел к цели. Рано утром, 14-го, он поделился своим намерением с батальонным адъютантом Жеребцовым, вероятно, рассчитывая встретить у него поддержку. Но Жеребцов возразил что вся гвардия уже присягала и что он сам видел знамена, возвращающиеся во дворец после присяги. Почитая дело проигранным и не желая подвергать напрасной опасности солдат, Сутгоф решил сложить оружие.

Тем не менее, присяга не прошла совершенно гладко. Член Северного общества подпоручик Кожевников пытался сорвать ее. Уловив момент, когда солдаты только еще были выстроены для принесения присяги, Кожевников выбежал на выходящую во двор галлерею офицерского флигеля и стал кричать, обращаясь к нижним чинам: «Зачем вы забываете клятву, данную Константину Павлови-

чу? Кому присягаете? Все обман! Спросите, где Константин Павлович?» Продолжая кричать: «Ребята! Не присягайте! Вас обманывают», Кожевников бегал по галлерее, покуда не был схвачен. Находившиеся в строю заговорщики, Сутгоф и полковой адъютант Панов, имели все основания считать дело проигранным. А солдаты не решались последовать этому одинокому вызову.

Так, исключая инцидента с Кожевниковым, присяга в полку прошла внешне спокойно. Сутгоф на следствии показывал: «Весь корпус офицеров присягнул и вместе с ними почти весь полк, исключая нескольких солдат, меня и поруч. Панова, которые, хотя и подошли к кресту, но в душе не присягали». Имена этих нескольких мятежных солдат, кажется, могут быть угаданы из дальнейшего хода событий.

После принесения присяги, солдаты были распущены по казармам, а большинство офицеров поехало во дворец. В это время в казармы прибыли двое заговорщиков, сообщивших Сутгофу о восстании Московского полка. Размышлять было некогда. Сутгоф настолько спешил, что даже не подумал увлечь весь полк, или, хотя бы, снестись с Пановым, а устремился в свою роту. Солдаты только что садились обедать. «Ребята, — закричал он, — вы напрасно присягнули! Наденьте скорее шинели и аммуницию, зарядите ружья, следуйте за мною на Петровскую площадь и не выдавайте меня!» Рота, давно подготовленная своим любимым командиром, по единому слову его поднялась, мгновенно оделась, захватила боевые патроны и побежала на двор. Спешно построив солдат, Сутгоф повел роту к Сенатской площади через Васильевский остров и, перейдя Исаакиевский мост, присоединился к мятежникам. Выбежавший было за ротой полковой командир Стюрлер тщетно пытался остановить

солдат, решительно отказавшихся ему повиноваться.

Между тем, весть о восстании московцев и о событиях в 1-й роте распространилась по казармам. Вернувшийся Стюрлер узнал о повелении Николая приготовить полк к выступлению. Несмотря на то, что только немногие офицеры успели вернуться из дворца, Стюрлер надеялся удержать солдат в повиновении. Он приказал строиться и заряжать ружья. Этот тревожный момент и использовал Панов для горячей агитации. Он переходил из роты в роту, призывая солдат к неповиновению. «Люди, стоя в колоннах спрашивали меня зачем ружья велено им зарядить пулями, — показывал Панов, — в кого им стрелять? И неужели в своих?» Панов умел возбудить солдат, и, когда со стороны Сенатской площади донеслись выстрелы, он бросился в самую гущу колонны и, с криком «ура» во главе нестройной толпы солдат, с развернутыми знаменами, устремился к Сенатской площади.

Но Панов вовсе не один, — как принято думать, — увлек полк. В эту ответственную минуту, не малую помощь оказали ему отдельные нижние чины, вероятно, те самые, которые, прикладываясь к кресту «в душе не приносили присяги». Вернувшиеся офицеры пытались силою удержать отдельные группы нижних чинов в казармах. Но им это не удалось. Солдаты проявили смелую инициативу. Барабанщик Федор Трофимов силой вырвался и ушел на площадь. Другой рядовой Даниил Соловьев увлек за собой целую толпу солдат, удерживаемую в казармах. Как и в Московском полку, у лейб-гренадер произошла борьба за батальонное знамя, с той разницей, что в данном случае офицеры, верные Николаю, пытались защищать знамя от покушений мятежников. Рядовой Пантелей Долго-

вязов силой отнял у офицеров батальонное знамя и «вовлек его в толпу мятежников». Оно перешло в руки унтер-офицера Т. Федотова, который оставался «на площади во все время беспорядков, впереди нижних чинов, с батальонным знаменем в руках».

Следуя предварительному плану восстания, Панов повел свой отряд к Зимнему дворцу, очевидно, полагая, что он занят мятежниками. Но дворец в это время был уже укреплен верными войсками. Панов со своими солдатами, вследствие растерянности дворцового коменданта, был беспрепятственно пропущен во внутренний двор. Убедившись в своей ошибке, он закричал: «Да это не наши! Ребята за мной!» и, опять-таки, беспрепятственно вывел свой отряд обратно на улицу и, через Дворцовую площадь, повел его к Сенату.

Счастливый случай занять Зимний дворец оказался упущенным. Это была одна из многих тактических ошибок, допущенных в день 14 декабря мятежным командованием.

Несколько иначе, но тоже с большим опозданием, развернулись события в Гвардейском экипаже, третьей крупной силе, примкнувшей к восстанию. На гвардейских моряков заговорщики особенно рассчитывали, тем более, что почти весь офицерский состав, в той или иной мере, был связан с Северным обществом. А непосредственная близость его к массе нижних чинов должна была служить залогом того, что матросы не отстанут от своих начальников.

Правда, попытки пропаганды, предпринимавшиеся некоторыми ротными командирами, особенного успеха не имели, но зато самое обращение и те отношения, которые установились между офицерами и матросами компенсировали, в значительной степени, этот недостаток, являясь, как и в Москов-

ском полку, своего рода пропагандой, при этом массовой и вполне легальной.

Брожение среди нижних чинов и офицеров обнаружилось с самого утра. Проявлялось оно, видимо, достаточно открыто, ибо бригадный командир, Шипов, бывший заговорщик, для предупреждения возможных беспорядков, распорядился вызвать батальон семеновцев, квартировавших поблизости.

Выстроив весь экипаж во дворе казарм, расположенных на Екатерингофском проспекте, Шипов произнес пространную речь, объясняя обстоятельства междуцарствия. Речь была выслушана при гробовом, зловещем молчании. Но едва началось чтение манифеста, как долго сдерживаемое напряжение, прорвалось наружу. Раздались голоса: «отставить, отставить» и, одновременно, задние начали брать ружья на плечо. Оборвав чтение Шипов вызвал вперед строй ротных командиров. На вопрос его: «что это значит, отчего такое ослушание?», они отвечали, что присяга уже принесена Константину и только его величество может освободить их от нее. Всевозможные доводы и угрозы бригадного командира ни к чему не привели. Диалог этот, происходивший перед фронтом, действовал еще более возбуждающе на матросов.

Шипов решил перейти к агрессивным мерам. Он арестовал ротных командиров и распорядился не пропускать в казармы никого из посторонних. А матросы только и ждали малейшего толчка извне. Появление на дворе Николая Бестужева и Вильгельма Кюхельбекера, сообщивших о событиях на Сенатской площади, решило дело. В это время донеслись выстрелы. Послышались крики: «Ребята, это наших бьют!» Арестованные были моментально освобождены. Экипаж, возглавляемый Николаем Бестужевым, с развернутыми знаменами, устре-

мился к воротам и, выстроившись уже на улице, поспешил к Сенатской площади.

Впопыхах упустили из виду, что только знаменный взвод имел боевые патроны. Остальная масса матросов выступила без патронов, с ружьями при деревянных кремнях. Это была еще одна из многих непоправимых ошибок, допущенных в этот день заговорщиками.

Гвардейский экипаж прибыл на площадь еще прежде основной массы Гренадерского полка. Он встречен был горячими приветствиями мятежных московцев. Вскоре подоспели и гренадеры.

Прибытием отряда Панова, несколько поредевшего в пути (незначительные группы нижних чинов отклонились, следуя уговорам офицеров), закончился приток сил к восставшим. Всего их насчитывалось около 3 тысяч. Как выше сказано, мятежники сразу же допустили крупнейшую стратегическую ошибку, приняв оборонительное положение. К моменту выступления московцев, правительство и дворец были совершенно беззащитны. События могли принять совсем иной оборот, ежели бы заговорщики, прибывшие с Московским полком на Сенатскую площадь, проявили боевую инициативу, а не замерли в неподвижном каре, в ожидании дезертировавшего «диктатора», кн. Трубецкого.

Тем временем, Николай спешно мобилизовал «верные» войска. Новые мятежные части, прибывая на площадь, уже попадали в атмосферу несравненного превосходства правительственных сил, и им ничего иного не оставалось, как принимать то же оборонительное положение.

Николай стягивал к площади все войска, находившиеся в Петербурге. Вызваны, были также 3-и батальоны, Уланский и Драгунский полки, расквартированные за городом. Но даже и помимо

этих загородных частей, количественно «верные» войска несравненно превышали мятежные (2—3 тыс. мятежников против 8—9 тыс. правительственных войск). И если, тем не менее, Николаю все еще казалось этого мало и он продолжал собирать все новые и новые силы, то отнюдь не из-за одной пустой растерянности и трусости. Арифметика, свидетельствовавшая в пользу правительства, была на сей раз не вполне убедительна. Соотношение сил далеко не исчерпывалось обыкновенным подсчетом штыков, обращенных в разные стороны. У Николая были весьма серьезные основания до самого конца сомневаться в своей победе.

В первом же официальном донесении о событиях 14 декабря, утверждавшем, что восставших было всего 300—400 чел. московцев, к которым «присоединилось несколько человек из лейб-Гренадерского полка и Гвардейского экипажа», упоминалось, что «небольшие толпы черни окружали их и кричали «ура». И, непосредственно после сего: «Необходимость противопоставить им достаточное число верных войск была очевидна».

Это заявление прозвучало крайне двусмысленно. «Горсть» мятежников, казалось, не могла представлять никакой серьезной опасности. Но дело в том, что «небольшие толпы черни», — рабочие, писцы, мелкие торговцы, приказчики, просто бедняки, — имели весьма внушительный вид и весьма активно проявляли свою готовность по первому знаку присоединиться к мятежникам. Они вооружались чем попало, — дрекольем, камнями, поленьями, — и пускали их в ход при каждом передвижении правительственных войск. Но декабристы не использовали этого могучего союзника, перед которым трепетал Николай. Заговорщики оставались верны идее военного восстания и не допускали

мысли о перерождении его в народную революцию.

Был у восставших и еще один союзник, правда, скрытый, но легко могший открыто проявить свои симпатии. Этим союзником являлись те «преданные» престолу войска, которые железным кольцом окружали мятежников. Огромное большинство николаевских генералов, увешанных медалями и перетянутых разноцветными лентами, столь уверенно командовавших на плац-парадах, кажется, крепче всего боялись необходимости подавлять мятеж военной силой. Возможность двинуть солдат против революционных полков представлялась более, чем проблематичной, почему среди генералов и преобладало «мирное» настроение, т.-е. стремление ликвидировать восстание мирными средствами. Отсюда — огромное количество разных парламентеров, посылавшихся к мятежникам.

Император Николай еще меньше их уверен был в своей гвардии, которой его старшие братья давно отказали в доверии. Молодой бригадный генерал чувствовал себя на престоле весьма неустойчиво. Солдатские настроения складывались, во всяком случае, не в его пользу. Настроение целого ряда воинских частей оставалось неясным. Но и в отношении тех полков, которые, с грехом пополам, уже примкнули и выступили по его приказу, нельзя было быть уверенным, что настроение их не изменится, в зависимости от разворачивания событий.

Николай все это очень хорошо учитывал. Посылая ген. Левашева в запаздывавший Измайловский полк, он, зная о бывшем там волнении, велел вывести полк во что бы то ни стало, хотя бы против него. План его сводился к полной локализации восстания на площади. Николай более всего боялся, что мятеж растечется по всему городу. На настойчивые советы окружающих вызвать артилле-

рию, Николай долго отнекивался, и вынужден был признаться, что в конной артиллерии он вовсе не уверен. Наконец, послали за пешей артиллерией. Прибыла артиллерийская бригада, но... с холостыми зарядами. Николай предпочел посмотреть на это сквозь пальцы и удовлетвориться ответом: «не было приказано», как-будто надо еще приказывать и объяснять, что подавлять восстание следует боевыми зарядами. За ними послали дополнительно, что вызвало новую проволочку, которую, конечно, и имели в виду артиллеристы.

В отдельных «верных» полках тоже не обходилось все гладко при выступлении на площадь. Так, когда Егерский полк поднимался на Каменный мост, среди солдат началось волнение и один взвод устремился назад. С трудом удалось восстановить порядок. Есть свидетельства о том, что в данном случае егеря следовали приказу декабриста Якубовича, скомандовавшего «налево кругом».

Еще серьезнее дело обстояло в Финляндском полку, с которым заговорщики не связывали особых надежд, ибо агитация в нем была поставлена весьма слабо. 14 декабря, 2-й батальон занимал городские караулы, 3-й был вне Петербурга, а 1-й батальон отправлен на площадь. Из четырех рот его — одна была оставлена в начале Исаакиевского понтонного моста для его охраны, а остальные вступили на мост и тут получили новое приказание: зарядить ружья и спешно следовать на площадь. Среди офицеров был один только заговорщик — бар. Розен, командир стрелкового взвода 1-й карабинерной роты. По его почину и разыгрались события. Две с лишним роты, около 500 человек, наотрез отказались итти на площадь, оставаясь стоять на месте и сохраняя своеобразный нейтралитет. На повторные приказы, розеновские

солдаты повторяли его команду: «стой». Ни уговоры, ни угрозы не действовали на них. Они отвечали: «мы не присягали, худого ничего не делаем, по своим стрелять не будем».

Впоследствии Розен объяснял, что, не желая подвергать своих солдат напрасной опасности, он занял выжидательную позицию, с тем, чтобы присоединиться к мятежникам, когда те пойдут в наступление. Во всяком случае, совершенно очевидно было, что финляндцы на стороне восставших и в случае военных действий примут их сторону.

Таковы были события в отдельных полках. Если Николай I склонен был подозревать «верные» войска в скрытом сочувствии к мятежникам и в готовности их к ним присоединиться, то у заговорщиков имелись к тому еще более серьезные основания. Через народ и через солдат нестроевых команд к ним доходили весьма недвусмысленные известия. «Через народ беспрестанно передавались обещания солдат полков Преображенского, Павловского и Семеновского, по наступлении ночи, присоединиться к войскам, стоявшим на Сенатской площади», писал декабрист Якушкин.

То же самое вспоминал декабрист Беляев. «Во время нашего стояния на площади, из некоторых полков приходили посланные солдаты и просили нас держаться до вечера, когда все обещали присоединиться к нам; это были посланные от рядовых, которые без офицеров не решались возмутиться против начальников днем, хотя присяга их и тяготила».

Даже с конногвардейцами, трижды неуспешно и без всякого одушевления ходившими в атаку на мятежников, дело обстояло не лучше. «При движении нашего полка они наверное соединились бы с нами, — вспоминал Михаил Бестужев. — Они, рав-

но как и преображенцы, через народ окружавший каре, передавали нам свое намерение».

Но, «движения» не последовало. Сколько были готовы к нему нижние чины, столько же командный состав мятежников не склонен был к действиям. Мятежные солдаты проявили широкую инициативу в казармах, во время выступления, но на площади воинская субординация вступала вновь в свои права, и нижние чины поступали под начало мятежных офицеров. Они делали все от них зависящее, стреляли по парламентерам, мужественно отражали атаки, стойко холодали на декабрьском морозе, агитировали в народе и в правительственных войсках, готовы были перейти в наступление по первому слову своих командиров. Мемуары декабристов запечатлели много разговоров их с солдатами, недоумевавшими и негодовавшими на казавшееся бесконечным стояние.

Восстание задыхалось от безначалия, от сознания слабости своих сил. Расчет был на сумерки, на обещания правительственных войск. Незадолго перед тем, мятежники стали готовиться к наступлению. Николай хорошо оценил угрозу этого наступления, при общем настроении войск. Надо было кончать. Ни в коем случае нельзя было упускать из своих рук инициативу развязки. Николай приказал артиллерии стрелять.

Он еще дважды «отставлял». Но и после третьей команды: «пли», выстрела не последовало. Фейерверкер не пожелал стрелять в «своих». Командовавший орудиями офицер соскочил с лошади и сам вложил в пушку запал. Имя этого офицера, расстрелявшего русскую революцию — Бакунин. За свой «геройский» поступок он был, конечно, осыпан милостями. Имя фейерверкера перед лицом

государя отказавшегося стрелять в мятежников — осталось неизвестным.

После третьего залпа — все было кончено. Николай Павлович стал императором.

Черниговцы.

Почта в те времена действовала медленно. Известия, даже самые серьезные, не скоро достигали отдаленных пунктов империи. О трагических петербургских событиях на юге узнали только спустя десять дней. На праздники Сергей Муравьев-Апостол, с братом Матвеем, отставным полковником, выехали в Житомир. По пути, 24 декабря, им встретился сенатский курьер, развозивший листы для присяги императору Николаю. От него узнали Муравьевы о мятеже на Сенатской площади.

Это был последний и решительный сигнал к началу действий. Далее медлить было уже невозможно. Еще прежде известие о внезапной смерти Александра I возвестило заговорщикам близость решительных событий. «Сие неожиданное происшествие призывало к немедленному восстанию», вспоминал Горбачевский. Тем не менее, присяга Константину, как и в Петербурге, прошла внешне спокойно. И на юге, с именем отсутствующего и забытого цесаревича связывались те же фантастические надежды.

Вслед затем, в середине декабря, по доносу своего однополчанина, капитана Майбороды, арестован был Пестель, а за ним целый ряд виднейших членов Тульчинской управы. Аресты эти с непреложностью свидетельствовали о том, что если общество еще и не открыто, то, во всяком случае, правительство уже напало на его след.

Так сами обстоятельства побуждали заговорщиков форсировать события. Революция намечалась

на осень 1826 года. Теперь она внезапно переносилась на повестку сегодняшнего дня. Известие о декабрьских событиях и о предстоящей новой присяге окончательно решало вопрос.

Вести эти встревожили не одних заговорщиков. «Между всеми сословиями начали распространяться разные слухи о перемене существующего порядка, — вспоминал Горбачевский. — Один из фейерверкеров, преданных Борисову 2-му, сообщил, что городской голова, мещанин, уважаемый всем городом, разговаривая с ним о смерти Александра, явно обнаружил свои надежды на лучшую будущность и намекал о близости переворота, которого желают многие. По словам сего же фейерверкера многие унтер-офицеры и солдаты Саратовского полка, ночевавшие в городе, изъявили готовность действовать и упоминали о каком-то штаб-офицере, который поддерживал эти чувства и давал им понять, что улучшение их положения находится в собственных их руках и что от них самих зависит терпеть притеснения или прекратить оные. Подобные слухи и разговоры нижних чинов сильно способствовали агитации славян.

Во всех воинских частях проявлялось глухое волнение. Присяга Николаю была принесена с явным, нескрываемым неудовольствием. Солдаты, как сообщалось в специальном донесении, «показывали недовольный вид и между собой говорили: теперь нас опять заставят вытягивать носки». В полках же, затронутых декабристской агитацией, солдаты думали не только о носках. Тревога нарастала. У черниговцев, напр., присяга прошла в крайне напряженной обстановке. «Солдаты произносили обещание с отвращением; некоторые из них стояли с мрачным и неподвижным взором, в глубоком молчании, и не только не повторяли слов

священника, но даже не слушали оных... Глухой ропот в рядах сопровождал почти каждое слово священника».

Некоторые солдаты, не скрывая своих сомнений, спрашивали своего ротного командира, Соловьева, участвовавшего в заговоре, — «для чего так часто принимают присягу?» На это Соловьев отвечал, что «вторичное предписание об оной есть фальшивое».

Члены Славянского общества, служившие в Черниговском полку, предполагали немедленно поднять восстание, использовав сбор всего полка. Но, по долгом обсуждении, надумали дождаться возвращения Сергея Муравьева. А правительство уже решило его участь.

28 декабря полковой командир Гебель и жандармский офицер Ланг арестовали Сергея Муравьева и его брата в селении Трилесы, где была расположена 5-я мушкетерская рота, которой командовал славянин Кузьмин. Перед арестом, Муравьев успел отправить к славянам-черниговцам Кузьмину, Соловьеву и Щепилло записку, которою срочно вызывал их к себе.

29 декабря, под утро, славяне приехали в Трилесы. Они отказались повиноваться Гебелю. Караул, приставленный к Муравьевым, немедленно принял сторону мятежников. Произошло побоище, в котором тяжело был изранен Гебель, едва сумевший бежать.

Ножны были отброшены. Освобождение Муравьева положило начало восстанию. Славяне не замедлили объявить о начале действия нижним чинам 5-й роты. «Успех был неимоверный, солдаты изъявили готовность во всем повиноваться своим офицерам». Село Трилесы внезапно оказалось отправной точкой южного восстания, а 5-я мушкетерская рота — первой революционной частью.

История геройского и, вместе с тем, трагического похода черниговцев хорошо известна. Восстание, к которому столь долго и столь напряженно готовились заговорщики, в силу сцепления роковых обстоятельств, началось почти неожиданно и развертывалось при сугубо неблагоприятных условиях, заранее предопределенных его внезапностью. Славяне, участники похода, всемерно настаивали на наступательной тактике. Сергей Муравьев держался выжидательной политики, строя свои расчеты на присоединении других полков, в которых рассеяно было много сообщников и сильно развита солдатская пропаганда. На этом же зиждилась его уверенность в том, что войска, высланные против черниговцев, присоединятся к мятежникам.

Надежды эти были отнюдь не безосновательны, о чем свидетельствуют не только отдельные факты, характеризующие солдатские настроения в эти тревожные дни. А таких фактов было не мало. В некоторых артиллерийских ротах присяга Николаю проходила весьма тревожно, при явном недовольстве нижних чинов; Кременчугский-же полк, — в котором даже не было офицеров-заговорщиков, — только в результате долгих увещаний, просьб и угроз полкового командира, неохотно принес новую присягу.

Бывали случаи и открытого сочувствия мятежникам, как напр. в 5-й конной роте, квартировавшей в м. Паволочи. Нижние чины откровенно приветствовали начало революции, говоря, что «теперь им будет хорошо».

Но еще гораздо показательнее недоверие и настороженность высшего командования в самый момент восстания. Главнокомандующий 1-й армией наставлял командира 3-го пех. корпуса, ген. Рота,— долженствовавшего выступить против мятежни-

ков, — «быть весьма осторожным в назначении войск к сему употреблению и выбирать только те, в коих верности и преданности вы совершенно уверены». Сомнения имелись особенно насчет полков: Полтавского, Алексопольского, Витебского и Ахтырского гусарского. «Все сие полки квартируют смежно друг с другом... и потому случится может, что части оных последуют примеру Черниговского полка».

Не менее пессимистически смотрел на дело и сам усмиритель, ген. Рот. Из донесения его главнокомандующему усматривалось, что «узнал он, Рот, что чины Алексопольского пехотного полка, равно и Кременчугского пехотного, по приближении Муравьева последуют безчестному предприятию его»...

Однако, обстоятельства складывались крайне неблагоприятно для мятежников, лишая их возможности координировать силы.

Роты Черниговского полка собирались одна за другой. Но иной помощи не приходило. Славяне — Андрей Борисов, Андреевич, Бечаснов и др. — в эти тревожные дни проявили исключительную энергию, стараясь свежими силами поддержать начавшуюся революцию. Но их разрозненные усилия ни к чему не могли привести. Полковые командиры и прочие влиятельные члены Южного общества — частью дезертировали в этот ответственный момент, частью были своевременно захвачены правительством, которое к этому моменту располагало уже довольно точными сведениями о составе тайных обществ.

Сергей Муравьев с мятежными черниговцами безнадежно кружил вокруг Василькова, неоднократно меняя маршрут. Тем временем, кольцо правительственных войск стягивалось все теснее.

3 января, близ деревни Ковалевки, мятежники были разгромлены правительственными войсками. Сергей Муравьев-Апостол и пор. Кузьмин были тяжело ранены. Через несколько часов арестованный Кузьмин застрелился, не желая перенести поражения. Многие солдаты заплатили жизнью за преданность свою революции. Убиты были также пор. Щепилло и Ипполит Муравьев-Апостол, младший из трех братьев-декабристов [1]. Пор. Сухинов, с несколькими нижними чинами, бежал и был арестован позднее. Остальные захвачены на месте сражения.

Вторая революционная попытка была сломлена, как и первая. Но неудача ее меньше всего может быть приписана нерешительности, или недостатку мужества нижних чинов. Напротив того, солдаты Черниговского полка, присоединившиеся к восстанию, на всем его протяжении проявили замечательную революционную выдержку и готовность на любые жертвы во имя грядущего торжества свободы. Многие офицеры бежали с похода, но солдаты до конца остались верны своему долгу.

На общем фоне этого революционного подъема и здесь отчетливо и ярко вырисовываются отдельные фигуры солдат-декабристов. Из числа их особенно выделяется Михей Шутов, фельдфебель 5-й мушкетерской роты, той самой, которая положила начало восстанию. Назначенный полковым командиром начальником караула, приставленного в Трилесах к Муравьевым, Шутов толкнул караульных солдат на присоединение к мятежникам и с этой минуты все свои усилия посвятил торжеству революции.

---

[1] По другой версии, он застрелился, почитая своего брата убитым.

Был ли он прежде того, в какой-либо мере, связан с заговорщиками? — Об этом ничего определенного неизвестно. Шутов служил под командой Кузьмина, страстно преданного идее революции, бесспорно ведшего в своей роте пропагандистскую работу. Кузьмин неоднократно ручался за своих солдат, а он хорошо знал цену словам. Должно-быть, Шутов принадлежал к числу его преданнейших адептов. Сергей Муравьев-Апостол также имел, очевидно, основания дарить особенным доверием этого старого солдата, имевшего много знаков отличия и пользовавшегося беспредельным влиянием в среде своих товарищей. 30 декабря, выступая с 1-й гренадерской и большей частью 5-й мушкетерской ротами на Васильков, Муравьев поручил Шутову собрать остатки его роты, разбросанной по деревням, и привести в Васильков. О том, с какой настойчивостью и выдержкой выполнил Шутов это ответственное поручение, сохранился рассказ Горбачевского:

«Не доходя 7 верст до Василькова, около корчмы, называемой Мытищи, встретил его командир 9-й дивизии, генерал Тихановский, и на его вопрос, куда он идет с командою, Шутов отвечал:

— К своей роте, в Васильков.

— Знаешь ли ты, что делается в полку? — спросил генерал.

— Знаю, и затем именно туда иду, — отвечал смело Шутов.

Генерал Тихановский услышав сие, приказывал ему итти с командою в дивизионную квартиру или обратно на ротный двор. Шутов отвечал, что он не может ему повиноваться и нарушить обещание, данное ротному командиру, поручику Кузьмину и батальонному командиру, С. И. Муравьеву, что, ежели его команда оставит, то он один пойдет в

Васильков. Генерал Тихановский, видя твердость Шутова, оставил его, и, подошедши к солдатам, стал их уговаривать отстать от своего фельдфебеля и итти не в Васильков, а в Белую-Церковь; грозил им жестоким наказанием за непослушание, а в противном случае обещал им большие награды. Но слова и убеждения его не действовали: солдаты остались так же верны, как и их фельдфебель. Все до одного прошли под командою Шутова в Васильков и явились к своему ротному командиру.

За свою преданность революции, Шутов заплатил 12-ю тыс. шпицрутенов и бессрочной каторгой. Судьба только в одном оказалась милостивой к нему: ему не довелось присутствовать при разгроме мятежников. За несколько часов до роковой встречи у Ковалевки, Шутов был арестован в Василькове, куда прибыл, должно быть, с поручениями Муравьева [1].

Таким же доверием Сергея Муравьева пользовался унтер-офицер 2-й гренадерской роты Иван Лазыкин. Ему поручено было собрать роту для присоединения к мятежникам. Этой ротой командовал пор. Петин, не принадлежавший к заговору. Муравьев выразил уверенность, что Лазыкин «не изменит храбрости своей», и преданный ему унтер-

[1] Шутов указан в числе воинских чинов, кои разновременно уклонились от мятежника („из села Устимовки 3-го числа генваря явился в г. Васильков того же числа"). На этот факт исследователями не было обращено внимания. Не отмечен он и в подробной работе М. Нечкиной „Общество соединенных славян" (Гиз, 1927). Внезапное появление Шутова в Василькове нельзя приписать измене и не только в силу всего того, что мы о нем знаем и что резко противоречит подобной догадке, но еще и потому, что он бы, конечно, использовал этот поступок для смягчения своей вины на следствии, и это бы тогда, как в других случаях, отразилось в обвинительном акте. Следовательно, остается предположить, что он имел какую-то миссию в Василькове.

офицер отвечал, что он готов умереть с ним. Лазыкин не изменил своему слову. Во все время похода, он принимал неизменное участие во всех наиболее ответственных делах. Так, 31 декабря, при вступлении мятежников в Васильков, Лазыкин участвовал в аресте музыкантского старосты и в приводе музыкантов к Муравьеву. А потом, с двумя товарищами, он забрал из квартиры Гебеля денежный ящик и полковые знамена.

Примерно такую же роль, как в 5-й мушкетерской роте — Шутов, а во 2-й гренадерской — Лазыкин, во 2-й мушкетерской роте сыграл фельдфебель Клим Абрамов. Расположенная далее других, эта рота позднее смогла присоединиться к Муравьеву. Подпоручик Быстрицкий вел ее в д. Мотовиловку, где тогда находились мятежники. Настроение солдат было крайне возбужденное. Очевидно, не зная твердо, чему следует приписать это возбуждение — революционной ли решимости, либо, напротив того, сомнениям, — Быстрицкий счел нужным выяснить настроение роты, и спросил солдат: «можно ли решиться на сие дело?» Абрамов отвечал за всех: «Не только можно, но и должно. Нам будет стыдно отставать от своих товарищей. Как я, так и вся рота знаем цель Муравьева; я ручаюсь за солдат».

Ротой командовал бар. Соловьев, ревностный член Общества соединенных славян. Влиянию его и Абрамова, очевидно, следует приписать особо революционное настроение солдат, сказавшееся и позднее на походе. 2-я мушкетерская рота проявила особенное нетерпение, негодуя на выжидательную тактику революционного командования.

Этот Клим Абрамов, старослужащий солдат, имевший «знак военного ордена», за долгие годы службы завоевал популярность и влияние среди

солдат всего полка. Связь его с Сергеем Муравьевым совершенно очевидна. Он часто посещал батальонного командира, который, как заявил один подсудимый, «из фельдфебелей больше всех любил 2-й мушкетерской роты Абрамова». И Абрамов всецело оправдал доверие Сергея Муравьева.

И далее, со страниц следственного дела, одна за другой встают фигуры разных фельдфебелей, унтер-офицеров и рядовых, проявивших во время восстания замечательную революционную выдержку, присутствие духа и мужество.

Унтер-офицеры 2-й гренадерской роты Николаев и Никитин, каптенармус Какауров, унтер-офицер 5-й мушкетерской роты Харитонов, рядовые той же роты: Прокофьев, Софронов и т. д., и т. д. — рискуя жизнью, выполняют ответственнейшие поручения революционного командования. Рядовой той же 5-й мушкетерской роты, Алексей Григорьев, наряженный в караул к арестованному в Трилесах Муравьеву, в момент его освобождения, заслоняет его собою от часового, бросившегося на Муравьева с ружьем. Унтер-офицер Иван Дмитриевский, состоявший при полковой канцелярии и переписывавший революционное воззвание (о чем речь ниже), узнав из него о намерениях Муравьева, присоединяется к мятежникам, — несмотря на нейтралитет своих товарищей, — и клянется умереть с ними. Рядовой Олимпий Борисов, при вступлении авангарда в Васильков, вместе с пор. Сухиновым, избивает коменданта города, майора Трухина и освобождает арестованных Соловьева и Щепилло.

По три, по шести, по двенадцати тысяч шпицрутенов сыпалось впоследствии на спины этих солдатских героев. Они знали и на что за что они идут. Им был известен воинский устав, кото-

рый уже одно присоединение к мятежу карал смертной казнью. Град палок — это уже «монаршая милость». Что было страшнее: расстрел, либо зверская пытка — трудно решить. Но солдаты-революционеры, должно быть, и не задумывались над этим тогда, когда мужественно восстали за свободу.

«С невольным удивлением спрашиваешь себя, — писал Горбачевский,—откуда Шутов, Харитонов, Абрамов и другие взяли сию твердость и решимость? Каким образом, во всех нижних чинах явилось столь постоянное усердие и столь высокое самоотвержение? Преданность ротным командирам и любовь к С. Муравьеву одни не могли сего произвести. К сим побуждениям присоединялись другие двигатели. Кузьмин, Щепилло, Соловьев и другие офицеры часто беседовали между собою о делах общества в присутствии своих фельдфебелей и, таким образом, знакомили их с своим образом мыслей, который заставлял сих простодушных, но благородных людей обдумывать свое поведение и готовиться оправдать доверенность своих начальников. Фельдфебели, с своей стороны, были откровенны с солдатами, и сии последние невольным образом, сколько могли, привыкли разделять их желания и цель. Присоединим к сему действию благородное поведение офицеров, кроткое обращение с подчиненными, бескорыстную заботливость о их нуждах; тогда это вместе нам покажет, каким образом, они умели найти верное и неизменное содействие людей, решившихся с ними погибнуть».

На следствии и Сергей Муравьев, и Бестужев-Рюмин, и все остальные участники восстания, упорно настаивали на том, что среди нижних чинов Черниговского полка не велось никакой подготовительной работы, и что восстание произошло исключительно благодаря преданности их батальон-

ному и ротным командирам. Это был единственный мыслимый способ сколько-нибудь смягчить вину мятежных солдат. Сухинов свидетельствовал, что «ни он, ни товарищи его никакого развращения не делали, и предварительного заговора Муравьева с солдатами в Черниговском полку не заметили», что все сводилось исключительно к доброму отношению Муравьева к подчиненным, «почему солдаты имели к нему большую преданность и приверженность, и по одному только слову Муравьева, из доверенности к нему, на все оказывали готовность».

То же самое настойчиво твердил и сам Муравьев. «Подтверждаю еще раз мое показание о том, что ни я сам и никто из знакомых мне членов никогда не воздействовал на солдат, ни путем приема их (в общество), ни путем каких-нибудь особых присяг, ни прочими способами. Единственной системой, проводившейся в отношении их, было старание привязать их к себе, проявляя к ним интерес и снабжая деньгами для удовлетворения их нужд»...

Но все это говорилось для следователей и было в резком противоречии с действительностью. Достаточно показателен уже один тот факт, что наибольшее число выдающихся солдат-декабристов дали и вообще наибольшую революционную активность проявили именно те роты, во главе которых стояли славяне. Таковы 2-я и 5-я мушкетерские роты, которыми командовали Соловьев и Кузьмин. Совершенно бесспорно, что они вели планомерную агитацию среди солдат, которая и послужила залогом восстания Черниговского полка [1].

---

[1] Официальных сведений об этом не имеется, ибо личные дела офицеров-черниговцев, судившихся военным судом, не сохранились. Декабрист Н. О. Мозгалевский на следствии показал, что „Черниговского полка Кузьмин хвастал, что у него рота готова к возмущению хоть сейчас". Горбачевский, в

Уже во время похода было испробовано еще одно агитационное средство. В тревожную ночь с 30 на 31 декабря, Сергей Муравьев-Апостол заканчивал свою революционную прокламацию — «Православный Катехизис». Составленный в форме вопросов и ответов, «Катехизис» этот, основываясь на текстах священного писания, доказывал, что существование царей противно христианству.

— «Что же, наконец, подобает делать христолюбивому Российскому воинству?

— Для освобождения страждущих семейств своих и родины своей и для исполнения святого закона христианского, помолясь теплою надеждою богу, поборающему по правде и, видимо, покровительствующему уповающим твердо на него, ополчиться всем вместе против тиранства и восстановить веру и свободу в России».

«Катехизис» этот составлялся под влиянием западных образцов. Муравьев непреложно верил в его агитационную силу. 31 декабря мятежные роты были собраны в Василькове, полковой священник отслужил молебен, а Муравьев прочел «Катехизис». Но он не оказал ожидаемого впечатления на солдат и остался ими не понят. Черниговцы шли умирать не во имя бога, а во имя свободы.

своих мемуарах, подробно рассказывает об агитационной работе черниговских офицеров, хотя, сколько мы можем судить, сгущает краски. По его словам, Кузьмин еще в Лещине „собрал роту и объявил преданным своим солдатам о замышляемом перевороте; в коротких словах изъяснил им причину, цель и средства достигнуть оного. Получив от подчиненных согласие и клятву умереть с ним для блага отечества, он с радостным лицом явился в собрание и торжественно объявил, что его рота готова и ожидает только приказания итти... Соловьев и Щепилло, следуя примеру Кузьмина, тоже начали приготовлять солдат, бывших еще в лагере".

После разгрома.

«Ни делом, ни намерением не участвовали в сих злодеяниях заблудшиеся роты нижних чинов, невольно в сию пропасть завлеченные.

«Удостоверясь в сем самым строгим взысканием, я считаю первым действием правосудия и первым себе утешением объявить их невинными».

Так характеризовал солдат-декабристов император Николай в высочайшем манифесте о «печальном происшествии» 14 декабря, обнародованном через неделю после петербургского восстания. В это время Следственный комитет едва только успел приступить к первым допросам и судить о степени участия в мятеже «заблудшихся рот» можно было только интуитивно. Но революционный дух солдатской массы представлялся, конечно, несравненно более грозным и зловещим симптомом, нежели мятежное настроение гвардейского офицерства. Обмануть на сей счет само себя правительство, конечно, не могло, ибо брожение в солдатских низах, — вопреки всем оградительным мерам, росшее и углублявшееся, — было слишком очевидно. Но оставалась Европа, настороженная и недоброжелательная. Бунт в императорской гвардии, предназначенной для личной охраны монарха, блюстителя европейского равновесия и охранителя тронов, — должен был произвести крайне невыгодное впечатление на Западе. Не случайно французские журналисты заключили, что Николай вынужден будет стараться завоевать сердца солдат. «Наследник царей прочел это в завещании Екатерины II: «Хорошо помните, что войска это все». Недаром, в самый день восстания, под грохот выстрелов блуждая по Зимнему дворцу, императрица-мать истерически восклицала: «Господи, что скажет Европа!»

Николай предпочел, не дожидаясь, покуда она заговорит, первым сказать свое слово. Еще за два дня до обнародования помянутого манифеста 20 декабря, на приеме дипломатического корпуса, Николай заявил о своем желании, «чтобы Европа узнала всю истину о событиях 14 декабря». И вот тогда-то он и пустил в оборот официальную версию о «заблудшихся ротах» и о том, что «в верности солдата его клятве, вожаки и могли только найти единственное средство ввести его в заблуждение на одно мгновение».

Как и следовало ожидать, эта версия была охотно подхвачена реакционной европейской прессой, изображавшей бунт делом кучки честолюбцев, обманувшей и одурачившей пьяных и невежественных солдат. И император до такой степени дорожил этой официальной ложью, что, еще без малого через 15 лет, повторил ее в беседе с французским путешественником и писателем, маркизом Кюстином, который доверчиво заносил в свои записки: «В глубине солдатских сердец жила, как видно, идея долга, потому что только путем обмана можно было их побудить к восстанию... Только в интересах легитимизма одураченные солдаты восстали против своего законного государя».

Оказывалось, следовательно, что гвардейская масса выступила на площадь исключительно от избытка верноподданнических чувств. Отписавшись, таким образом, перед русским и, особенно, европейским общественным мнением, петербургские власти спешили по-своему отблагодарить этих необычайных «легитимистов», облаченных в солдатские мундиры.

Потери мятежников убитыми и ранеными, в самый день 14 декабря, были не очень значительны. Московцы потеряли убитыми и смертельно-

ранеными до 15 человек и столько же солдат потерпело более легкие ранения. В Гренадерском полку было ранено около трех десятков солдат, из которых только один скончался от раны. Из числа матросов Гвардейского экипажа убитых и смертельно раненых оказалось 13—14 человек. Немало было и «пропавших без вести». Что скрывалось под этим трафаретным определением угадать легко. Очевидец событий, человек более чем «лойяльный», будущий сотрудник III Отделения, М. М. Попов, рассказывал, что в ночь на 15 декабря, «по Неве от Исаакиевского моста до Академии Художеств и дальше, к стороне Васильевского острова, сделано было множество прорубей, величиной, чтоб можно было опустить человека. Туда пихали и убитых и раненых, не могших уйти. Другие ушедшие раненые таили свои раны, боясь открыться медикам и правительству, и умирали, не получив помощи. От этого-то в Петербурге почти не осталось в живых раненых 14 декабря».

Несомненно, среди этих первых безымянных жертв революции преобладали армяки и тулупы, но немало было и гвардейских шинелей, украшенных эполетами возмутившихся полков. И все-таки, даже учитывая эти «негласные» потери, число погибших солдат исчислялось десятками. Правительство всемерно постаралось умножить сей безвестный мартиролог, вопреки своим декларативным уверениям в том, что нижние чины «ни делом, ни намерением не участвовали в злодеяниях».

Дирижерский жезл императора Николая действовал весьма исправно из десятилетия в десятилетие. До самого последнего времени, официальные и официозные историки на разные лады интерпретировали лживые заверения высочайшего манифеста, присовокупляя, что «с нижними чинами

лейб-гвардии Московского и Гренадерского полков, принимавшими участие в мятеже, имп. Николай поступил весьма милостиво».

Цена царских «милостей» заслуживает некоторого внимания. Дело в том, что на первых же порах судьбы мятежных гвардейских солдат пошли разными путями. В наиболее благоприятном положении должны были оказаться те из них, конечно, которые после ликвидации восстания добровольно вернулись в казармы. Эти последние, приказом по Гвардейскому корпусу от 17 февраля 1826 г., определены были на составление сводно-гвардейского пехотного полка, дабы боевой службой на Кавказе они могли «искупить свою вину». В этот полк вошло 459 нижних чинов Московского полка, 807 лейб-гренадер и 77 солдат других частей, преимущественно гвардейских матросов, всего, следовательно, 1.343 нижних чина.

Сформированный, таким образом, полк, под командой бывшего заговорщика полк. И. П. Шипова, выступил 26 февраля 1826 г. и вернулся в Петербург в самом конце 1827 г.[1]. На Кавказе полк, номинально, находился в привилегированном положении, т. е. сохранял гвардейскую форму, жалованье[2] и пр. Но о тех внешних условиях, в которые правительство постаралось поставить этих «раскаявшихся» мятежников, можно судить по одному тому, что менее нежели за два года пребывания их на Кавказе почти четвертая часть всего

[1] За это время на укомплектование полка поступило около 150 участников Семеновского восстания 1820 г., переведенных тогда-же на Кавказ, и 580 гвардейских солдат, участников 14 декабря, переведенных сперва в армейские полки Кавказского корпуса.

[2] Жалованье гвардейских солдат колебалось от 13 до 22 руб. в год. Армейским солдатам жалованье установлено было в размере 9 руб. 50 коп.

состава полка (320 человек) погибла от ран и, преимущественно, от болезней. Декабристы вспоминали, что на Кавказе были места, где гарнизон постоянно вымирал в трехлетнюю службу. Жертвами этого убийственного климата пали многие офицеры-декабристы. Правительство сумело хорошо использовать климатические условия в качестве меры наказания для внешне-раскаявшихся и внешне-прощенных мятежных солдат. «Николаю нужно было, после 14 декабря, еще более жертв от проклятого климата», возмущался декабрист Цебриков, долгие годы проведший на Кавказе в солдатской шинели.

В летописях кавказской истории этого полка останавливает внимание еще одна цифра. 15 солдат в разное время, в виде наказания, переведены были в армейские части. Чем они провинились и каким путем навлекли на себя новые кары — об этом история дипломатично умалчивает. Очевидно только, что дух недовольства и непокорства бессильны были уничтожить даже кавказские лихорадки и горские пули.

Значительная часть мятежных солдат, захваченная во время преследования в самый день восстания, заключена была в Петропавловскую крепость. Туда же доставлялись и те нижние чины, которым, на первых порах, удалось избежать ареста и которые не пожелали возвращаться в казармы с повинной головой. Таковых было изрядное число. В одном Гвардейском экипаже более 50 человек, до самых сумерек, скрывалось в частных домах, откуда вылавливались разъездами и препровождались в ордонансгаузы, а затем в крепость. Туда же доставлялись из госпиталей и лазаретов раненые, по мере их выздоровления, и, наконец, отдельные, персонально обвиненные солдаты, как напр., шесть

московцев, спрятавших знамя 2-го батальона и московцы же Поветкин и Луцкий, о которых в конце 1826 г. возбуждено было новое дело.

В январе 1826 г., на основании приказа начальника главного штаба, арестованные нижние чины отправлены были из Петропавловской крепости, московцы — в Выборг, а гренадеры и матросы — в Кексгольм, где оставались до окончания расследования, заключенные в казематах старинных крепостей. Подобная мера, в процессе следствия и после, до отправки в Сибирь, применялась и ко многим офицерам-декабристам, при чем условия их содержания, особенно в финляндских крепостях, были чрезвычайно тягостны. В Выборгском шлоссе камеры были тесные, сырые, крыша гнилая, так что дождь проникал через потолок. Отсюда можно догадываться об условиях заключения рядовых мятежников, о которых не заботились влиятельные родственники и считаться с которыми у правительства не было уже никакой нужды.

После длительного расследования, мятежные солдаты отправлены были в армейские и гарнизонные части, преимущественно на Кавказ, в условия еще несравненно тягчайшие, нежели их более «счастливые» товарищи, попавшие в сводный гвардейский полк.

В таких формах выражалось милостивое монаршее прощение. И это еще было не все. Вопреки заверениям официальной истории насчет того, что гвардейские солдаты не знали каторги, целый ряд из них, участников 14 декабря, присужден был к каторжным работам. Этой участи подвергнуты были московцы Поветкин и Луцкий, приговоренные к смертной казни. В каторгу же отправлена была группа лейб-гренадер — Трофимов, Долговязов, Федотов и др.—проявившие особую активность в памятный день 14 декабря.

На юге создавалось положение несравненно более острое. На ряду с самым фактом активного революционного выступления солдат Черниговского полка, Следственный комитет очень скоро получил сведения о солдатской пропаганде, широко поставленной на юге. Из показаний арестованных офицеров — участников восстания и славян, — рисовалась тревожная для правительства картина утраты авторитета и популярности в войсках первой и второй армий. Подсудимые свидетельствовали, что большинство нижних чинов не мирится со своим положением, а мятежное настроение до такой степени распространено в солдатских низах, что уничтожить его невозможно.

Правительство не могло не посчитаться с этими авторитетными свидетельствами, исходившими от людей, живших бок-о-бок с солдатами и глубоко проникшихся их нуждами и настроениями.

Проще всего было расправиться с мятежными солдатами Черниговского полка, хотя следственным органам пришлось убедиться в том, что солдаты не были только пассивными орудиями, а что «нижние чины в заговоре были». Но комиссия мало занималась расследованием солдатской пропаганды в полку, поставив в основу следствия поступки и действия отдельных нижних чинов во время мятежа. В соответствии с этим, значительная масса солдат, «как ни в каких особенных преступлениях не оказавшихся и вовлеченных в шайку мятежников единственно по простоте своей», были частью все-таки наказаны «палками по двести лозанов», частью вовсе освобождены от наказания и все вместе отправлены в Грузию. Остальные, т.-е. все, в разной мере, активные участники возмущения, свыше 100 человек, подвергнуты жестоким наказаниям. Фельдфебели и унтер-офицеры разжалованы

в рядовые, имевшие различные знаки отличия — лишены их. Самое наказание, по обыкновению, сводилось к определению в Кавказский корпус после прогнания сквозь строй (сквозь тысячу человек) от одного до двенадцати раз. Этой последней каре подвергнуты были только трое человек, — фельдфебель М. Шутов, унтер-офицер П. Никитин и рядовой О. Борисов. Страшное наказание это, обычно кончалось смертью истязуемого. Недаром сентенция цинично предписывала наблюдение «установленного порядка на счет тех, кои в один раз наказания не выдержат».

Впрочем, и сохранением своих жизней эти трое первомучеников революции обязаны были счастливому стечению обстоятельств. Николай готовил им расстрел. В отношении бар. Дибича к главнокомандующему 1-й армией, от 6 февраля, указывалось, что «в случае приговора многих из них к смертной казни утвердить приговор не более как над тремя самыми главными, коих расстрелять одного в Киеве, другого в Василькове, а третьего в Житомире». Предусмотрено было даже, каким войскам надлежит присутствовать при расстрелах. Но процесс затянулся и окончание его совпало с казнью пяти декабристов. Николай счел излишним эффект новых казней и следующих, Дибич, уже 16 июля, сообщал главнокомандующему, что «буде над рядовыми Черниговского пех. полка, приговоренными быть расстрелянными, исполнение еще не сделано, то его величеству угодно, чтобы вместо расстреляния прогнать их шпицрутенами по двенадцать раз каждого сквозь тысячу человек».

Приговоры приводились в исполнение в Белой Церкви. Для совершения экзекуции назначены были Тамбовский и Саратовский полки, а руководил ею ген. Вреде. «Человеколюбие генерал-майора

Вреде заслуживает особенной похвалы, — писал Горбачевский. — Он просил солдат щадить своих товарищей, говоря, что их поступок есть следствие заблуждения, а не злого умысла. Его просьбы не остались тщетными: все нижние чины были наказуемы весьма легко»...

Только этим, повидимому, и должно объяснить то, что Шутов, Никитин и Борисов уцелели после нечеловеческого истязания. Но правительство не ограничилось этой страшной местью. Шутов и его товарищи были приговорены к исключению из воинского звания и ссылке в бессрочные каторжные работы.

Там же, в Белой Церкви, судились и адепты декабристов из 8-й артиллерийской бригады и Саратовского полка. К первым суд отнесся с большим снисхождением, нежели к последним. Из артиллеристов наибольшее внимание следствия привлекли фейерверкеры Иван Гончаров и Иван Фадеев. Петербургский следственный комитет в феврале месяце усмотрел из показаний Андреевича, что «он фейерверкеров своего взвода склонял к возмутительным действиям против правительства и приказывал им подобные преступные мысли внушать прочим нижним чинам, в чем, по словам его, они успели». Вследствие этого показания, Гончаров и Фадеев были закованы в кандалы и высланы в Петербург. Самое отправление их было окружено глубокой таинственностью, и, дабы не затруднить дальнейших розысков, в бригаде распущен слух, будто они бежали.

Доставленные в Петербург мятежные фейерверкеры заключены были в Петропавловскую крепость, в особые казематы, и в конце апреля подвергнуты допросу. Солдаты-декабристы сумели проявить большую выдержку, нежели их стар-

шие товарищи по заговору. На допросе они вели себя весьма сдержанно, не отрицая своей преданности заговорщикам, но, вопреки очевидности, настойчиво отвергая успешность своей агитации. По снятии с них допросов, они, тем же порядком, отправлены были в Белую Церковь и преданы военному суду, наравне с остальными своими товарищами. «Оказавшиеся по суду и собственному признанию виновными в добровольной готовности последовать внушаемому офицерами зловредному замыслу и в преклонении к тому некоторых рядовых», Гончаров и Фадеев приговорены были к разжалованию в готлангеры, лишению нашивок и прогнанию шпицрутенами сквозь тысячу человек по три раза.

Остальные, наиболее выдающиеся подсудимые, из числа артиллеристов, Крайников, Бухарин, Родичев и др. — изъявлявшие готовность жизнь свою отдать за дело декабристов, прогонялись шпицрутенами сквозь две тысячи человек.

Еще строже отнеслись белоцерковские следователи к солдатам Саратовского полка, среди которых было много бывших семеновцев. Свыше 20 человек прогнаны были шпицрутенами сквозь тысячу человек от трех до четырех раз. Самые же грозные кары ожидали бывших семеновских солдат, служивших в Саратовском, Тамбовском, Пензенском и др. пех. полках. Следствие тянулось около года. В результате, наименее виновные были частью наказаны тремя сотнями лозанов, частью же просто «оставлены в подозрении» и, без наказания, переведены в Кавказский корпус. Свыше 40 человек, изобличенных в активном содействии заговорщикам, распределены на шесть разрядов. Из них 17 человек приговорены к 6 тыс., а 20 — к 4 тыс. шпицрутенов.

Главнейшие же преступники, Анойченко, Ф., Николаев и Малафеев, как «главные содейственники Муравьева, в изменнических его замыслах»— присуждены были к высшему наказанию, обычно кончавшемуся смертью истязуемых, — к прогнанию шпицрутенами через тысячу человек каждого по 12 раз.

После жестоких истязаний, ожидали солдат-декабристов кавказские лихорадки и горские пули, а избранных—бессрочная каторга. По пути в Сибирь, черниговцы — Шутов, Никитин и Борисов, в Московском тюремном замке, встретились с мятежными черниговскими офицерами, Сухиновым, Соловьевым, Быстрицким и Мозалевским, следовавшими по этапу. «Это нечаянное свидание было величайшей радостью для всех, — рассказывает Горбачевский.—Дело, за которое они погибли, уничтожило между ними различие чинов и сословий; общее несчастие сделало их искренними друзьями. Ни один упрек не сорвался с языка благородных солдат: напротив, утешения и заботы о прежних их офицерах, казалось, заставляли их забывать свои собственные бедствия и были источником чистых удовольствий. Вскоре их разлучили: Шутов и его товарищи были отправлены в Сибирь».

В последний раз славные каторжники, представители верхов и низов декабристского движения, едва не встретились в 1830 г. В Петровской каторжной тюрьме, в то время, томились мятежные лейб-гренадеры. Между тем, из Читы направлялись туда декабристы. Но уже правительство забило тревогу. Начальник Нерчинских горных заводов предписывал Петровской заводской конторе «находящихся в Петровском заводе ссыльно-каторжных Федора Трофимова, Пантелея Долговязова, Данилу Соколова и Семена Рытова, служивших напредь

сего в пеших лейб-гвардии полках, а также других ссыльных, если есть из бывших на службе, в тех же полках и командах, которые участвовали в мятеже прошлого 1825 г. декабря 14-го дня, то всех их немедленно выписать из списков, отослать за стражею в здешний Нерчинский завод при рапорте. При сем случае, распорядиться таким образом, чтобы г. комендант с государственными преступниками и командою не застал их в Петровском заводе, куда его превосходительство располагает прибыть в 21-е число будущего сентября; ни равно, чтобы он не мог встретить ссыльно-каторжных на пути при проследовании его туда с командою».

И Петровская заводская контора спешила ответить, что указанные ссыльно-каторжные «выключены из списков с 1-го числа и 2-го сего июля отправлены за стражею в Верхнеудинский земский суд на дальнейшую их отправку в Нерчинскую горную экспедицию».

Вернемся несколько назад. Нижние чины, не участвовавшие в восстании, сумели проявить свою преданность заговорщикам и свое понимание их целей, тогда, когда все уже было кончено. В стенах Петропавловской крепости декабристы встретили самое горячее сочувствие со стороны караульных солдат. На первых-же порах, они явились связующим звеном между заключенными и их родственниками. Таким образом, Полина Гебль, невеста декабриста Анненкова, сносилась со своим женихом. Однажды солдат с запиской пропал на целую неделю; отсутствие его, естественно, сильно встревожило молодую женщину и она несказанно обрадовалась повстречав его, наконец. «Он, казалось, также очень был рад меня видеть и показы-

вал мне знаками, что ему нужно говорить со мною,—рассказывала Гебль. — Я подошла к нему, и каково же было мое удивление, когда он вытащил записку из-за голенища своего сапога, объясняя, что он напился пьян, что его допрашивали о записке и даже очень били, но что он не сознался в том, что записка у него. Я была более всего поражена, что он даже не уничтожил ее»...

Солдаты знали, на что они идут и чему подвергаются. Им строжайше запрещалось входить в какие-либо сношения с арестантами, даже отвечать на самые невинные вопросы. Вначале так оно и было. Но постепенно солдаты, осознав, кого и за что они сторожат, привязывались к арестантам и уже не задумываясь, готовы были подвергать себя опасности страшного наказания, лишь бы как-нибудь облегчить участь заключенных. «Не можешь ли ты отнести записки к брату?», спросил как-то крепостного солдата Мих. Бестужев. — Пожалуй можно. Но за это нашего брата гоняют сквозь строй... «Я содрогнулся своей преступной мысли,— замечает Бестужев. — Что за бесценный русский народ... Я готов был упасть на колени перед таким нравственным величием одного из ничтожных существ русского, доброго элемента, даже не развращенного тюремным воспитанием».

Из Зимнего дворца напряженно следили за этой нелегальной почтой и вылавливали ее виновников. Солдат избивали палками, гоняли сквозь строй, но отношение их к заключенным нисколько не менялось. Один караульный унтер-офицер даже предлагал декабристу Басаргину организовать побег за границу на купеческом судне, намереваясь бежать вместе с ним. «Я имел ни один раз несомненные доказательства благорасположения к нам всех нижних чинов, содержащих караулы», вспоминал Басаргин.

Кавалергарды, наряженные в караул к Верховному уголовному суду, с нескрываемым умилением наблюдали проходивших сквозь строй их, государственных преступников. «Всякий видел сожаление и сочувствие к нам этих солдат», свидетельствовал Цебриков. В ночь исполнения казни «солдаты, прислуживавшие в казармах, чтоб не нарушать тишину, ходили на цыпочках. Они плакали». Это был последний их скорбный привет. Армия провожала на виселицу и в Сибирь первых русских революционеров.

Тем временем, за стенами крепости, нормальная жизнь, нарушенная громом пушек на Сенатской площади, постепенно входила в обычную колею. Тревожное настроение петербургского правительства не утихало еще долго после того, как мятеж был усмирен. Николай не был уверен в прочности своей победы, еще опасался новой вспышки восстания. «Верные» войска всю ночь простояли на бивуаках вокруг разложенных огней. Город напоминал военный лагерь, а не мирную столицу нового монарха.

Тревога утихла не скоро, 17 декабря Николай писал цесаревичу Константину, что в народе еще наблюдается волнение. И 4 января снова: «Не скрою от вас, что в войсках наблюдается еще некоторое беспокойство».

С приближением казни, тревога опять стала расти. В Петербурге упорно говорили, что государь бежал в Царское село, опасаясь возмущения войск при исполнении приговора. «Я так взволнована. Господь видит это! Еще бы! Столица и такие казни — это вдвойне опасно!» записывала в свой дневник Александра Федоровна, 12 июля.

Несомненные симптомы волнения в войсках были налицо. Между арестованными солдатами и караулами, наряжавшимися из «верных» гвардейских полков, шли толки и разговоры. Мятежники упрекали товарищей за то, что не поддержали своих, а те возражали, что непременно присоединились бы к ним, да зачем восставшие стояли на одном месте, «будто примерзли к мостовой». Измайловцы, караулившие московцев и гвардейских матросов, негодовали на себя за нерешительность, удержавшую их от присоединения к мятежникам. «Уж ежели погибать, так погибать молодцами, как московцы и гренадеры, а то погибнем-то мы и без того, да где-нибудь под палками. Ведь не простят же нам, что не хотели ни присягать ему, ни здороваться с ним».

В дворцовых караулах гвардейские солдаты тишком, ночью выражали сожаление об арестованных. «А жалко, брат! Много молодцов запирают в крепость». На Сенной был задержан гвардейский солдат, о чем-то беседовавший с толпой. Конногвардейцам не раз приходилось выслушивать эпитет «подлецы», за то, что ходили в атаки на мятежников. Отст. унтер-офицер Гусенко, попавший в начале января в Петербург, «от солдат разных гвардейских полков слышал о недовольстве нынешним образом правления, и что ожидать и впред хорошего нельзя».

Известия об аналогичных событиях поступали и из внутренних областей империи. То рядовой Костромского пех. полка Видеев говорит своим товарищам, что он «присягал Константину Павловичу, за него готов резаться», а «Николая Павловича знать не хочет» и при этом «поносит государя непристойными выражениями»; то, уже в январе приходит известие, что караульные 17-го и 18-го

егерских полков «вели самые дерзкие разговоры относительно службы» угрожали с открытием весны разбежаться и там опять собраться. Рядовой Рошков, стоявший в карауле над арестантами Черниговского полка, «произнося непристойные ругательства на службу», говорит: «мы теперь содержим караул, а после сами будем, быть может, под караулом»; то пехотный солдат Рогожкин, рассказывая на ситцевой фабрике о событиях 14 декабря, «дерзновенно говорит», что Николай возведен на престол силой, что «присяга требована на верность подданства посредством пушечных выстрелов и, наконец, что, если он был в то время в С.-Петербурге, то тоже взял бы ружье и убил бы кого-нибудь, так как в то время и генералов били». И т. д., и. т. п.

Невыгодные слухи и вести доходили особенно из полков, в той или иной мере причастных к заговору. Высшее командование сильно беспокоилось, вследствие тревожного настроения Пензенского пех. полка. Солдаты открыто выражали сожаление и сочувствие свое арестованным офицерам. Так же обстояло дело и в Саратовском полку. О Вятском полке осведомитель сообщал, что «все нижние чины и офицеры не примерно жалеют Пестеля, бывшего их командира, говорят, что им хорошо с ним было, да и еще чего-то лучшего ожидали; и стоит только вспомнить кому из военных Пестеля, то вдруг всякий со вздохом тяжким и слезами отвечает, что такого командира не было и не будет».

Равным образом, ахтырские гусары откровенно скорбели о своем полковом командире, Арт. Муравьеве, которого называли «отцом».

Неспокойно было и во вновь формирующемся Черниговском полку. Так, в конце февраля, один

солдат, на вопрос фурлейта — почему он не снял шапки перед проходившим адъютантом, отвечал: «Мы разных команд — я служу Константину».

«Наконец, нижние чины везде сожалеют и хвалят взятых в С.-Петербург офицеров, — пессимистически заключал генерал-адъютант Толь;— следовательно, не гнушаясь ими, вероятно, не гнушаются и поступками их».

На фоне грозных, едва отшумевших событий, когда самое бытие империи было поставлено под угрозу, все эти тревожные вести приобретали особенно зловещий характер, поддерживая в правительстве напряжение и тревогу. Но, по верному выражению исследователя, «все это была только мертвая зыбь после рассеянной бури». Опасность восстания миновала. Кровопускание, сделанное Николаем России не могло пройти бесследно. Это кровопускание было необходимо, ибо славный день 14 декабря до конца обнажил коренные противоречия русской действительности, разрешение которых явилось бы смертным приговором самодержавию.

И во имя сохранения существующего строя, надо было какими угодно средствами заставить Россию умолкнуть и покориться.

Николай не поскупился на кровь. Временное успокоение, и усмирение армии было куплено страшной расправой с мятежными нижними чинами, первыми русскими революционерами, облаченными в серые солдатские шинели. Эти «безвестные выходцы из народных низов, герои и жертвы раздавленной революции», за свое участие в событии 1825 года заплатили не менее тяжелой, не менее страшной ценой, нежели их старшие товарищи томившиеся в Петропавловской крепости. В то время,

как в Петербурге воздвигалась виселица и профос ломал сабли над головами осужденных офицеров, на другом конце России, в Белой Церкви, младшие их товарищи кровью и жизнями своими завоевывали себе скорбную страницу в славном синодике русской революции.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Биографический словарь солдат-декабристов.

В прилагаемый словарь вошли биографические сведения о 99 лицах. Это только «избранные» на всей массы нижних чинов, в той или иной мере связавших свою судьбу с первой русской революцией 1825 г. Из числа их мы выделили всех наиболее выдающихся солдат-декабристов, во-первых активных участников обоих революционных выступлений, во-вторых, тех из нижних чинов, которые сыграли более или менее значительную роль в солдатской пропаганде. На ряду с ними, сюда вошли все нижние чины, павшие на Сенатской площади, и в бою близ Белой Церкви. И, наконец, немногие «эпигоны», о которых сохранились сведения в печатных и архивных источниках.

Биографические данные об этих 99 солдатах-декабристах поневоле отрывочны и случайны. Причиной тому — указанная выше крайняя скудость материала. Многие фигуры солдат-декабристов остались вовсе неясными, нераскрытыми, ибо сведения о них ограничиваются только констатированием близкой связи их с заговором. Но о конкретных формах этой связи, сплошь и рядом, совершенно нельзя судить на основании имеющихся у нас данных.

К сожалению, трудно надеяться чтобы эти данные когда-нибудь могли обогатиться притоком новых материалов. Так или иначе, этот словарь

является первой, слабой и несовершенной попыткой дополнить известный «Алфавит декабристов», в котором солдатам-декабристам не нашлось места, вопреки тому, что многие из них более достойны имени «декабристов», нежели очень многие из тех, кто попал в этот сакраментальный список.

Абрамов Клим, фельдфебель 2-й мушкет. роты Черниговского полка, старослужащий солдат. За долгие годы службы он завоевал уважение и безграничное доверие не только солдат своей роты, но и всего полка. С Сергеем Муравьевым отношения его строились на теснейшей взаимной привязанности. Абрамов часто посещал батальонного командира. Один из подсудимых свидетельствовал, что Муравьев «из фельдфебелей больше всех любил 2-й мушкетерской роты Абрамова». Это постоянное общение с вождем заговорщиков, с одной стороны, внушения ротных командиров, славян, с другой, выработали из Абрамова верного сподвижника революции. Он принял активное участие в восстании Черниговского полка, использовав свое влияние на сослуживцев. В походе, когда 2-я рота спешила в д. Мотовиловку, для присоединения к мятежникам, ведший ее подпор. Быстрицкий счел нужным еще удостовериться в настроении солдат и спросил Абрамова: «можно ли решиться на сие дело?» — «Не только можно, но и должно, — горячо отвечал Абрамов, — нам будет стыдно отставать от своих товарищей. Как я, так и вся рота знаем цель Муравьева, я ручаюсь за солдат». В рядах мятежников Абрамов оставался до самого разгрома. По конфирмации военного суда, лишен знака военного ордена, разжалован в рядовые и

протнан шпицрутенами дважды сквозь тысячу человек [1].

Аверкиев Осип Яковлевич, квартирмейстер 1-й роты Гвардейского экипажа. Принял участие в восстании 14 декабря и на площади смертельно ранен. Скончался в Финляндском госпитале 23 декабря 1825 г.

Акусов Исаак, рядовой 2-й мушкет. роты Черниговского полка. Участник восстания. Убит в сражении близ Трилес 3 января 1826 г.

Анатуин Иоганн Алексеевич, матрос 2-й статьи 2-й роты Гвардейского экипажа. В службе с 1809 г., в гвардию переведен в 1819 г. Летом 1825 г. обвинялся в том, что в бытность в домовом отпуску, в деревне Эстляндской губернии, подговаривал крестьян к выступлению против помещиков. Благодаря тому, что следствие велось офицером Гвардейского экипажа, охранявшим его «честь», дело было замазано и Анатуин не понес наказания, хотя факт его агитации оказался неоспоримым. 14 декабря он был в рядах мятежников и на Сенатской площади смертельно ранен картечью в грудь навылет. Взятый на площади, Анатуин был доставлен в дежурство Гвардейского корпуса, откуда, на следующий день, препровожден в Финляндский лазарет. Скончался 26 декабря 1825 г.

Андреев Алексей, рядовой 1-й гренад. роты Саратовского пех. полка, бывший семеновец. По старой службе он знал и помнил С. Муравьева и Бестужева-Рюмина. Летом 1825 г., во время Лещинского лагеря, встретился с ними и вскоре стал одним из ревностнейших солдатских пропагандистов.

---

[1] В тех случаях, когда о дальнейшей судьбе подсудимого не приведено никаких специальных указаний, подразумевается что он был отправлен в Кавказский корпус.

Посещал он и Спиридова, также воздействовавшего на него в духе тайного общества. За готовность содействовать заговорщикам и склонение к тому товарищей, приговорен к 6 тыс. шпицрутенов.

Андреев Федор, флейтщик 8-й роты Гвардейского экипажа. В службе с 1820 г. Убит 14 декабря при разгроме мятежников.

Анойченко Федор Николаевич, 35 лет, из экономических крестьян Киевской губернии. В службе с 1812 г. В 1817 (или 1818) г., из 4-й фузилерной роты л.-гв. Семеновского полка, переведен был в 3-ю, которою командовал С. И. Муравьев-Апостол. Знал Анойченко и Бестужева-Рюмина, «потому что он часто ходил под знаменами, и, будучи молод, любил шутить с солдатами». Видимо, впрочем, в то время Анойченко не был сколько-нибудь близок со своим ротным. Через 5 лет, при встрече, Муравьев не признал его, не впример некоторым другим солдатам своей роты. Доля участия Анойченко в Семеновском восстании остается неизвестной: следственное дело не отметило его имени. Он был переведен в Саратовский пех. полк и зачислен в 1-ю гренад. роту. Ко времени встречи с заговорщиками, революционное развитие Анойченко, видимо, было уже закончено. Шло ли оно самостоятельно, либо под чьим-нибудь влиянием, неизвестно. Анойченко был вполне грамотен. Среди нижних чинов он снискал глубокое доверие и бесспорное влияние. Летом 1825 г., ротный командир его Спиридов, обратил внимание на этого выдающегося солдата. Он приблизил Анойченко к себе и распропагандировал его в духе Общества. Анойченко, по натуре пылкий, горячий и восторженный, всецело предался идее революции, непреложно веруя в ее успех. Через него Спиридов вел пропаганду в роте. Тогда же Анойченко, впервые после 1820 г., встре-

тился с Муравьевым и сразу же стал его ревностнейшим агентом. Он утверждал на следствии, что «о том, что слушал от Муравьева и чему он меня научал, в полку и в роте своей не открывался, кроме Семеновских же солдат... Открывать о том другим солдатам удерживал меня страх, чтобы кто меня не выдал». Но на самом деле Анойченко вел широкую пропаганду и рота его, давшая наиболее выдающихся солдат-декабристов, была ему всецело предана. Об этом свидетельствует восстание, поднятое ротой летом 1825 г., направленное против нового командира (см. выше, стр. 51). Главным организатором его был Анойченко, и он же, по просьбе Муравьева, сразу успокоил солдат, когда требования их были удовлетворены. При этом, он обещал заговорщикам, по первому их слову, привести роту даже без офицеров. Анойченко был отнесен к числу «главных содействующих Муравьеву в изменнических его замыслах». Он был найден виновным в том, что выслушивал от него, «с очевидным равнодушием, дерзновеннейшие поношения» императора Александра и «возмутительнейшие внушения и подговоры к мятежу», в обещании поднять свою роту, в неоднократных обещаниях Муравьеву «содействовать в злодейских его предприятиях» и в изъявлении такой же готовности к содействию Спиридову. Приговорен к высшему наказанию: прогнать шпицрутенами сквозь тысячу человек двенадцать раз.

Архипов Петр Архипович, матрос 1 ст. 2-й роты Гвардейского экипажа. В службе с 1806 г., в гвардию переведен в 1814 г. Принял участие в восстании 14 декабря и на площади убит картечью.

Афанасьев Павел, рядовой Костромского пех. полка. В 1826 г. предан военному суду за то, что в присутствии своих однополчан «ругал всячески

его величество». Дальнейшая судьба его неизвестна.

Бобылев Андрей, рядовой 2-й гренад. роты Саратовского полка, бывший семеновец. Один из постоянных посетителей и ревностных агентов С. Муравьева. Арестован был по показанию Анойченко. На следствии выяснилось, что он, не ограничиваясь личными сношениями с Муравьевым, по окончании лагеря, еще и писал ему, а слышанные от него «возмутительные речи», передавал четырем своим товарищам из «армейских». Прогнан шпицрутенами четыре раза сквозь тысячу человек.

Борисов Алимпий, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка. Активнейший участник восстания. При вступлении авангарда мятежников в Васильков, он содействовал пор. Сухинову в освобождении заговорщиков Соловьева и Щепилло и в арестовании коменданта города, Трухина, которому нанес побои. Отнесен к числу «главнейших преступников» и приговорен к смертной казни, замененной по конфирмации 12 тыс. шпицрутенов и ссылкой в бессрочные каторжные работы.

Брагин Федор, фейерверкер 8-й артиллерийской бригады. Распропагандирован был Бечасновым, которому говорил, что он «от товарищей своих (других фейерверкеров), не отстанет». Следственные материалы не дают представления о доле его участия в солдатской пропаганде. Известно только, что перед разгромом заговорщиков, Бечаснов через Горбачевского передавал Брагину, «чтоб был осторожен и чтоб ничего не говорил, ибо шпионы разосланы». Это предупреждение, сделанное солдату наравне с виднейшим членом Общества, дает основание предполагать, что Брагин многое знал и, не ограничиваясь личной готовностью умереть с «преступными офицерами», видимо, еще и вел агитацию среди своих товарищей. Прогнан шпицрутенами сквозь 2 тыс. человек.

Бухарин Федор, готлангер 2-й легкой роты 8-й артиллерийской бригады. Один из учеников «арифметической школы» Бечаснова, где он проповедывал, что «человек должен пользоваться правами, коими наделила его природа». Бухарин был глубоко распропагандирован Бечасновым. Видимо, он и сам вел агитацию среди солдат, потому что перед разгромом заговорщиков, Бечаснов счел нужным призывать его к особой осторожности. В начале марта 1826 г. был арестован и, закованный в цепи, доставлен в Белую Церковь. Следственным органам не удалось установить факта ведения им самостоятельной пропаганды. Бухарину инкриминировалось только «изъявление безрассудной готовности последовать за преступным офицером всюду, даже с пожертвованием самой жизни». Прогнан шпицрутенами сквозь 2 тыс. человек.

Васильев Федор, фейерверкер 1-й батарейной роты 8-й артиллерийской бригады. Распропагандирован был П. Борисовым и Андреевичем, которым изъявлял готовность встать в ряды мятежников и следовать за ними, не щадя жизни. Приговорен к разжалованию в готлангеры, лишению нашивок на рукаве за прежнюю беспорочную службу и прогнан шпицрутенами дважды сквозь тысячу человек. Боевые заслуги Васильева на Кавказе, через 16 лет после восстания чернитовцев, в 1842 г. вызвали следующий любопытный запрос генерал-фельдцейхмейстера: «В числе чинов артиллерийского ведомства, удостоенных командующим отдельного Кавказского корпуса к наградам, испрашивается фейерверкеру 20-й артил. бригады Федору Васильеву, — не считать препятствием по службе штрафа, заключающегося в разжаловании в 1826 г. в готлангеры и наказании шпицрутенами».

Видеев, рядовой Костромского пех. полка. Предан военному суду за то, что в январе 1826 г. го-

ворил своим однополчанам, что он «присягал Константину Павловичу, за него готов резаться», а «Николая Павловича знать не хочет» и при этом «поносил государя непристойными выражениями». Дальнейшая судьба его неизвестна.

Ганусовский Викентий, унтер-офицер Саратовского полка. Был распропагандирован бывшими семеновцами и принадлежал к числу преданнейших адептов Спиридонова. Разжалован в рядовые и прогнан шпицрутенами сквозь 4 тыс. человек.

Гончаров Иван Леонтьевич, фейерверкер 3-го класса 1-й батарейной роты 8-й артил. бригады. От роду 35 лет, в службу вступил в 1812 г. и «за беспорочную службу» имел нашивки на рукаве. Происходил из помещичьих крестьян Воронежской губернии, где имел семью. В период усиленной агитации Гончаров привлек особое внимание славян. Тесную связь держали с ним П. Борисов и, особенно, Андреевич, готовившие из Гончарова солдатского пропагандиста. Андреевич познакомил его с существованием, задачами и планами Общества. Под его руководством Гончаров, совершенно преданный заговорщикам, вел широкую и успешную агитацию среди артиллеристов. В первых числах марта 1826 г., Гончаров был арестован и доставлен в Житомир, где подвергнут допросу. Он дал весьма сдержанные и нарочито бессодержательные показания. Но им заинтересовался Петербургский следственный комитет, затребовавший его и другого фейерверка, Фадеева (см.) в Петербург. Отправление их было обставлено непроницаемой тайной. Влияние, которым они пользовались в бригаде было настолько велико, что следственные органы опасались затруднения в дальнейших розысках, буде судьба их станет известна. Поэтому распространен был слух, что они бежали. 12 марта

Гончаров, закованный в кандалы, доставлен в Петропавловскую крепость для содержания в особом каземате, и 4 апреля допрошен в Следственном комитете. Он держался и здесь с большим достоинством. Не отрицая своей приверженности к заговорщикам, Гончаров настойчиво, вопреки очевидности, опровергал успешность своей агитации. 15 апреля ему дана очная ставка с Андреевичем, но он остался при прежнем показании. Следственный комитет предпочел поверить ему, не взирая на противоречащие факты, и заключил, что «Гончаров и Фадеев были вовлечены обманом в таковые действия, которых противозаконность не подозревали». Гончаров был раскован и 26 апреля, вместе со своим товарищем, отправлен обратно. Подвергнутый общему военному суду, Гончаров «оказавшийся по суду и собственному признанию виновным в добровольной готовности последовать внушаемому офицерами зловредному замыслу и в приключении к тому некоторых рядовых», приговорен к разжалованию в готлангеры, лишению нашивок и к трем тысячам шпицрутенов.

Григорьев Алексей, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка, казенный денщик полк. Гебеля. При аресте С. Муравьева в с. Трилесы, наряжен был в караул к нему. Муравьев показывал на следствии, что перед выступлением в с. Ковалевку, «дал 25 р. Алексею Григорьеву за то, что он остановил часового, который кинулся ко мне с ружьем». Григорьев участвовал в освобождении Муравьевых, в нападении на полкового командира Гебеля и в восстании Черниговского полка. Суд приговорил его, «как явного бунтовщика и не защищавшего своего начальника, но, напротив, предавшегося мятежникам, первоначально с забранным им экипажем Гебеля, а потом и из квартиры его своими ве-

щами, в пример и страх другим прогнать через тысячу человек четыре раза».

Гульбин Петр, рядовой 1-й гренад. роты Пензенского полка, бывший семеновец. Он много ранее своих товарищей, еще в 1824 г., ходил в Житомире к Муравьеву и приводил к нему однополчан, «при чем, однакож, Муравьев никаких внушений им не делал». Позднее, летом 1825 г., Гульбин стал ревностным адептом Муравьева. «По собственному сознанию» он оказался виновным «в посещениях Муравьева, от которого выслушивал дерзостные поношения на службу и на государя, и разные возмутительные правила для поселения оных между товарищами», при чем «изъявлял готовность содействовать Муравьеву по сделанным от него внушениям». Прогнан через 6 тыс. человек.

Гусенко, отст. унтер-офицер л.-гв. Конного полка. По выходе в отставку служил присяжным в Ставрополе. В нач. 1826 г. приехал в Петербург по служебным делам, и, в беседе с бывшим однополчанином, говорил, что «Конный полк поступил 14 декабря 1825 г., как подлецы», имея в виду, что полк трижды ходил в атаку на мятежников. Гусенко недоумевал, как гвардейцы могли вторично присягать и рассказывал, что от солдат разных гвардейских полков слышал о недовольстве нынешним образом правления, «и что ожидать и впредь хорошего нельзя». Собеседник Гусенко поспешил донести об этом разговоре и Гусенко посажен был на гауптвахту. На допросе он, с некоторыми вариациями, повторил все вышесказанное. Правительство, всецело поглощенное следствием над декабристами, поспешило отделаться от этого неожиданного адепта заговора. Гусенко препровожден был в распоряжение министра финансов, при отношении, в котором говорилось, что «государь им-

ператор высочайше повелеть соизволил, чтобы сей Гусенко отправлен был немедленно в Архангельск, где определить его также в должность присяжного».

Дмитриевский Иван, унтер-офицер 2-й мушкет. роты Черниговского полка. Связей с заговорщиками до восстания не имел. Но 31 декабря, по вступлении Муравьева в Васильков, по приказанию мятежников, участвовал в переписке революционного «Катехизиса». При выступлении Муравьева из города, он единственный из всех переписчиков, выразил желание итти за мятежниками и умереть с ними. Приговорен к смертной казни, по конфирмации замененной 5 тыс. шпицрутенов.

Долговязов Пантелей, рядовой л.-гв. Гренадерского полка, деятельный участник восстания 14 декабря. Предан военному суду за то, что отнял батальонное знамя у офицеров, не примкнувших к восстанию, «и вовлек его в толпу мятежников». До решения суда содержался в Петропавловской крепости. Согласно определению Аудиториатского деп-та, приговорен к 8 тыс. шпицрутенов и к бессрочным каторжным работам. По исполнении приговора, в нач. 1828 г., с несколькими товарищами, отправлен этапным порядком в Сибирь. В нач. 1830 г. поступил в Петровский завод, откуда вскоре, в виду предстоящего прибытия декабристов, препровожден под караулом в Нерчинскую горную экспедицию. По истечении 20-летних каторжных работ, в 1849 г. обращен на поселение и получал от казны содержание 25 коп. сер. в месяц. В 1858 г. отчислен от горного ведомства и переведен в военное, на инвалидное содержание, продолжая числиться ссыльно-каторжным.

Дубов Архип, унтер-офицер 2-й гренад. роты Черниговского полка. Активный участник восстания. Отнесен был к числу «наиболее других изоб-

личавшихся виновными в добровольном последовании с Муравьевым и его сообщниками: в исполнении всех злодейских их предприятий». Разжалован в рядовые и протнан сквозь 6 тыс. человек.

Евдокимов Николай, фейерверкер 2-й роты 8-й артил. бригады. О существовании и намерениях Общества узнал он от Горбачевского, которым был вполне подготовлен к восстанию. Бечаснов также вел с ним разговоры «в духе Общества». Осторожные, по собственному свидетельству, беседы вел с Евдокимовым и П. Борисов, опасавшийся, будто бы, говорить откровенно и сообщать о ближайших намерениях заговорщиков, заметив в Евдокимове «сомнения». Подобное объяснение, видимо, имело целью умалить вину Евдокимова и вряд ли отвечало действительности. Евдокимов, очевидно, был чужд всяких сомнений и даже сам вел, правда, крайне осторожную пропаганду среди нижних чинов. Бечаснову он обещал содействие солдат, оговариваясь, что никому еще не сообщал «ясно и прямо» того, что слышал от Горбачевского, ограничиваясь постепенным внушением мыслей «о перемене положения на лучшее». По приговору военного суда, прогнан шпицрутенами дважды сквозь тысячу человек и разжалован в готлангеры.

Епифанов Никифор, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка. Участник восстания. Убит в сражении близ Трилес, 3 января 1826 г.

Занин Иван, фейерверкер 2-й легкой роты 8-й артил. бригады. Активный адепт заговорщиков. В Новград-Волынске, на ярмарке, он встретился с фейерверкером Зениным (см.), который посвятил его в офицерские замыслы. Тогда он сам завел беседу о заговоре с Бечасновым, подогревшем еще его настроение и призывавшим к осторожности. Пытался воздействовать на него и Борисов

но Занин держался, уклончиво. Долю участия его в солдатской пропаганде трудно установить. Приговорен к разжалованию в готлангеры и прогнан сквозь 2 тыс. человек.

Зенин Иван, фейерверкер 1-й батар. роты 8-й артил. бригады. За долгую «бесспорочную» службу имел нашивки на рукаве. «Зенин был первый, на которого я обратил внимание», показывал П. Борисов на следствии. Умный и любознательный солдат завоевал глубокую симпатию командира, который, в свободное время преподавал ему арифметику и геометрию. Но просвещение Зенина не ограничивалось одной математикой. Через Борисова он был приобщен к замыслам заговорщиков. Вслед затем, с ним вошел в сношения Андреевич, использовывавший его для солдатской агитации. Зенин был серьезно осведомлен в делах Общества. Об этом можно судить по свидетельству того же Борисова, объяснявшего, что он, «вошедши с Зениным в подробности, говорил ему, что о них, так же, как и вообще о низшем сословии людей, заботятся многие значительные особы и стараются о том, дабы облегчить их жребий, что им не должно только унывать, быть твердыми, и, в случае нужды, решиться умереть за свои права». Такие же разговоры, «в духе Общества», вел с Зениным и Бечаснов. Повидимому, Зенин склонен был более к массовой пропаганде, нежели к всестороннему воздействию на одиночек. Серьезный и крайне осторожной по натуре, он действовал медленно, глубоко обдумывая внушения «преступных офицеров». Дальнейшая судьба Зенина неизвестна: имя его выпало из перечня осужденных. Очевидно его смешивали с фейерверкером Заниным (см.).

Иванов Матвей, унтер-офицер Саратовского полка. Был распропагандирован бывшими семе-

новцами и принадлежал к числу преданнейших адептов Спиридонова. Разжалован в рядовые и прогнан шпицрутенами через 4 тыс. человек.

Иванов Николай Иванович, канонир 2 ст. артиллерийской команды Гвардейского экипажа. В службе с 1814 г. Принял участие в восстании 14 декабря. На площади ранен картечью в грудь на вылет и в руку в двух местах. Скончался 17 января 1826 г., в Финляндском госпитале.

Иванов Степан, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка. Участник восстания. Убит в сражении близ Трилес, 3 января 1826 г.

Кириллов Василий Кириллович, матрос 2 ст. 2-й роты Гвардейского экипажа. В службу вступил в 1818 г., в гвардию переведен в 1822 г. Участвовал в восстании 14 декабря и на площади, при разгроме мятежников, смертельно ранен. Скончался 30 декабря 1825 г., в Артиллерийском госпитале.

Кирьяков Василий, рядовой 1-й мушкет. роты Троицкого пех. полка. Бывший семеновец. Один из активных сторонников Муравьева. Во время ведения следствия, был тяжело болен и находился в лазарете, что не спасло его от наказания. По выздоровлении, прогнан через 6 тыс. человек.

Клементьев, фельдфебель 1-й мушкет. роты л.-гв. Московского полка. Был тесно связан с офицерами-заговорщиками и, единственный из фельдфебелей, принял активное участие в возмущении полка. Перед началом восстания им были «поданы Щепину-Ростовскому пистолет и сабля, принесенные с квартиры его». Дальнейшая судьба его неизвестна.

Колодченко Ефим, рядовой 1-й гренад. роты Тамбовского полка. Бывший семеновец. Активный адепт Муравьева. Арестован по показанию Малафе-

ева. По собственному признанию, был готов «содействовать Муравьеву в злодейских его предприятиях». Прогнан сквозь 6 тыс. человек.

Корчагин Иван, унтер-офицер 2-й гренад. роты Черниговского полка. Отнесен был к числу «наиболее других изобличавшихся виновными в добровольном последовании с возмутителем Муравьевым и его сообщниками: в исполнении всех злодейских их предприятий и в забрании в квартире полкового командира знамен и казенного денежного ящика». Разжалован в рядовые и прогнан шпицрутенами сквозь 6 тыс. человек.

Крайников Григорий Филиппович, канонир 2-й легкой роты 8-й артил. бригады. Род. в 1797 г., из помещичьих крестьян Слободско-Украинской губернии. В службу вступил в 1818 г. Один из деятельнейших агентов П. И. Борисова, Андреевича и Бечаснова. По развитию своему он, видимо, не выделялся из общей солдатской массы и не вполне отчетливо понимал замыслы заговорщиков. Сперва Крайников предполагал даже, что заговорщики попросту собираются бежать за границу. Судя по их свидетельствам, они никогда не были вполне откровенны с Крайниковым. Так Бечаснов, на вопрос его о том, как произойдут обещанные «перемены», говорил, что «все войска соберутся, пойдут в Москву и там обнародуют приуготовленное уже Положение, на которое и государь будет согласен, когда увидит, что все войско желает перемены; противная же сторона не посмеет восстать против войска, а немцы начальники не будут более притеснять нас». Это обращение к шовинистским чувствам Крайникова еще ярче сказалось во внушениях Андреевича, объяснявшего, что все мучения солдат происходят от начальников-немцев, которые будут заменены русскими помещиками. Очевидно,

у заговорщиков были данные, побуждавшие их пропагандировать Крайникова именно таким путем. Так или иначе, он был горячо предан заговорщикам и «готов итти за нами туда, куда мы поведем», показывал Борисов. Крайников вел широкую агитацию среди солдат, по его отзывам, очень успешную. В марте 1826 г. «крепко скованный», доставлен в Белую Церковь. На допросах не проявил должной сдержанности, оговорив и выдав многих офицеров и солдат. Приговорен к разжалованию в готлангеры и к 2 тыс. шпицрутенов.

Красовский Андрей, гренадер л.-гв. Московского полка, активно участвовавший в восстании 14 декабря. Он вырвал знамя у знаменного унтерофицера. Щепин-Ростовский, который, как вспоминали, во время свалки, в исступлении, рубил и чужих и своих, ударил Красовского саблей в живот. Раненый Красовский воскликнул: «Ваше сиятельство, я за императора Константина, и хотя вы меня ранили, я иду умереть с вами». Дальнейшая судьба его неизвестна.

Кузнецов Николай, фейерверкер 8-й артил. бригады. Распропагандирован был Борисовым и Андреевичем, но действовал весьма нерешительно и вяло. Борисов показывал, что «однажды фейерверкер Кузнецов на мой вопрос, что нового, отвечал мне: «Вчера мы говорили между собою о всем том, что от вас слышали, и готовы следовать за вами всюду, ежели только увидим, что здесь нет ничего худого: в противном случае, мы ни за что не беремся и не делаем ни одного шагу». О том, чтобы Кузнецов вел самостоятельную пропагандистскую работу не имеется сведений. Приговором суда он лишен нашивок на рукаве, разжалован в готлангеры и прогнан через 2 тыс. человек.

Кулаков Семен, рядовой 2-й гренад роты Тамбовского полка. Бывший семеновец. Один из по-

стоянных посетителей и деятельных сторонников С. Муравьева. Дал клятву содействовать заговорщикам. Арестован по показанию Малофеева. Прогнан 6 раз сквозь тысячу человек.

Кушков Василий, унтер-офицер 2-й гренад. роты Черниговского полка, из старослужащих. Активный участник восстания. На походе он проявлял особенное нетерпение, протестуя против остановок и негодуя по поводу выжидательной тактики революционного командования. Разжалован в рядовые и прогнан сквозь тысячу человек.

Лаврентьев Иван Филиппович, матрос 2-й роты Гвардейского экипажа. Принял участие в восстании 14 декабря и убит на площади.

Лазыкин Иван, унтер-офицер 2-й гренад. роты Черниговского полка, пользовавшийся особенным доверием С. Муравьева-Апостола. Один из деятельнейших участников возмущения. 29 января, по прибытии Муравьева в расположение 2-й роты, он поручил Лазыкину собрать солдат и, поцеловав его, сказал, что надеется на Лазыкина, «что он не изменит храбрости своей», на что Лазыкин отвечал уверением в готовности умереть вместе с Муравьевым. 31 декабря, по вступлении мятежников в Васильков, он участвовал в аресте музыкантского старосты и в отводе музыкантов к Муравьеву. Он же, с двумя товарищами, забрал из квартиры полкового командира знамена и денежный ящик. Лазыкин отнесен к числу «наиболее других изобличившихся в добровольном последовании за возмутителем Муравьевым и его сообщниками и в исполнении всех злодейских их предприятий». Разжалован в рядовые и прогнан шпицрутенами через 6 тыс. человек.

Лебедев Леонтий, рядовой 5-й фузил. роты л.-гв. Московского полка. Принял участие в вос-

стании 14 декабря и на площади смертельно ранен. Скончался 30 декабря 1825 г., в Артиллерийском госпитале.

Луцкий Александр Николаевич, унтер-офицер (из вольноопределяющихся) 2-й фузил. роты л.-гв. Московского полка. Сын мелкого чиновника, безземельного и неимущего дворянина Новгородской губернии. Один из активнейших участников 14 декабря. Луцкий, по словам биографа, «не имел еще ясных политико-социальных планов строительства России. Для этого он был слишком молод. Полный энергии, юношеского задора, он действовал в этот день, как «бунтарь», уверенный в правоте начатого дела, как вдохновенный агитатор». Увлеченный Бестужевыми, Луцкий проявлял необычайное возбуждение, призывал к оружию и всемерно содействовал возмущению полка. На площади, будучи одним из старших в выставленной Оболенским цепи, Луцкий не пропускал подъехавшего с увещаниями Милорадовича и, с несколькими рядовами, избил жандарма, разгонявшего толпу. После разгрома мятежников, Луцкий пытался скрыться, однако, был захвачен на улице патрулем. Военной комиссией при л.-гв. Московском полку, «за бунт 1825 года 14 декабря и дерзкие противу начальства поступки и возмущение к оному других», Луцкий приговорен к повешению, замененному 12-ю годами каторжных работ. В 1827 г., по этапу отправлен в Сибирь, где жизнь его представляла собой сплошную цепь побегов, арестов и всевозможных наказаний. Постоянные скитания по тюрьмам и этапам сделали имя Луцкого столь популярным, что в конце-концов, беглые каторжники стали называться его именем и в разных концах Сибири, одновременно, появилось множество беглых Луцких. Манифест 1856 г. застал «отстав-

иого ссыльного» Луцкого в Култуминском руднике в округе Карийских золотых приисков. В 1859 г. он тронулся в Россию, но ограниченные средства позволили ему добраться лишь до Иркутска, откуда он вынужден был просить о возвращении его в Нерчинск. В 1867 г. Луцкий еще был жив и «по старости лет и значительному семейству» получал пособие в размере 115 руб.

Любимов, ефрейтор 3-й роты л.-гв. Московского полка, приближенный и любимец М. А. Бестужева, деятельный участник восстания 14 декабря. М. Бестужев вспоминал, что, во время томительного стояния на площади, он, «чтобы пощупать состояние духа солдат, подошел к Любимову и спросил: «Что, Любимов, призадумался, аль мечтаешь о своей молодой жене?» «До жены ли теперь, ваше высокоблагородие, — отвечал ефрейтор, — я развожу умом, для чего мы стоим на одном месте. Посмотрите — солнце на закате, ноги отерпли от стоянки, руки закоченели от холода, а мы стоим». По словам того же Бестужева, во время расстрела мятежников. Любимов оказался подле него. «Всяко может быть, ваше высокородие, я не покину вас»,— говорил он с братским участием и вдруг упал к моим ногам, пораженный картечью в грудь. Кровь брызгала из глубокой раны. Я дал ему свой платок. Он прижал его к груди, а меня увлекла толпа бегущих солдат». Дальнейшая судьба Любимова неизвестна. В официальных документах имя его нигде не значится. Возможно, что Бестужев ошибся фамилией.

Ляшко Федор, унтер-офицер Саратовского полка. Распропагандирован бывшими семеновцами и принадлежал к числу преданных адептов Спиридова. Разжалован в рядовые и прогнан шпицрутенами сквозь 4 тыс. человек.

Максимов Игнатий, рядовой Тамбовского пех. полка. Бывший семеновец. Один из постоянных посетителей и ревностных сторонников С. Муравьева. Прогнан через тысячу человек 6 раз.

Малафеев Николай Малафеевич, матрос 2-й ст., 7-й роты Гвардейского экипажа. В службе с 1816 г. Принял участие в восстании 14 декабря и убит на площади. при разгроме мятежников.

Малафеев Петр, рядовой Тамбовского полка. Прежде служил в л.-гв. Семеновском полку, в роте С. Муравьева. Принадлежал к числу наиболее выдающихся и революционно-настроенных солдат-декабристов. В 1825 г., во время лагеря, он сам явился к Муравьеву, жаловался на притеснения, которым подвергаются бывшие семеновцы и «кричал против начальства». Естественно, что он сразу же привлек внимание Муравьева, став его постоянным посетителем и ревностным адептом. Он сам показывал на следствии (Муравьев отрицал этот факт), что, когда рассказывал об одном застрелившемся рядовом, Муравьев осудил самоубийцу за то, что «не дождался времени» и, сняв пистолет со стены, сделал вид, будто стреляет в кого-то, добавив: «Вот, так надобно». Конечно, Муравьев имел в виду цареубийство, и этого Малафеев не мог не понять, Александр ибо часто служил предметом их общего негодования. На жалобы Малафеева, в присутствии его товарищей, Муравьев говорил, что виновник всего — государь, «которого поносил непристойными словами», и заключил вопросом: готовы ли семеновцы следовать за ним? Малафеев за всех отвечал согласием. Эту свою готовность встать в ряды мятежников он повторял неоднократно и особенно настойчиво. Не ограничиваясь личной революционной готовностью, Малафеев вел широкую агитацию среди нижних чинов и приво-

дил к Муравьеву многих бывших семеновцев, которые, как заключала судная комиссия, «без него итти не осмеливались и вероятно, никогда бы не были». И в самом деле, пропаганду свою Малафеев вел весьма настойчиво и решительно. Один из бывших семеновцев, всячески уклонявшийся от сношений с заговорщиками, пошел к Муравьеву исключительно вследствие упреков и настояний Малафеева. Арестован он был в середине марта. На следствии держался весьма осторожно, прикидываясь простаком. Но ему не удалось до конца выдержать свою роль, да и факты были против него. Главнокомандующий 1-й армией сообщал начальнику штаба, что хотя «Малафеев между прочим показывает, будто бы он не понимал к чему клонились делаемые ему внушения и подговоры, но таковое объяснение... не заслуживает ни малейшего вероятия и уважения». Он был отнесен к числу трех «главных содействующих Муравьева» и приговорен к 12 тыс. шпицрутенов.

Мартынов Денис, унтер-офицер Саратовского полка. Подготовлен к «действиям» бывшими семеновцами. Посещал Спиридова и был ему всецело предан. Разжалован в рядовые и прогнан через 4 тыс. человек.

Мартынов Павел, рядовой 2-й гренад. роты Тамбовского полка. Бывший семеновец. Ревностный сторонник Муравьева. Прогнан сквозь 6 тыс. человек.

Мин Юрий, рядовой 3-й мушкет. роты Черниговского полка. Участник восстания. Убит в сражении близ Трилес, 3 января 1826 г.

Михайлов, унтер-офицер Кавалергардского полка, близкий человек пор. Горожанского, одного из руководителей петербургской ячейки Южного общества. Уже после присяги 14 декабря, Горожан-

ский поручал Михайлову «говорить людям, что манифест фальшивый и, что цесаревич не отказывается от престола». Дальнейшая судьба его неизвестна.

Михайлов Ефим, рядовой 6-й мушкет. роты Черниговского полка. Участник восстания. Убит при разгроме мятежников 3 января 1826 г.

Михайлов Федор, рядовой 1-й гренад. роты Тамбовского полка. Бывший семеновец. Один из ревностнейших адептов Муравьева, ведший пропаганду не только среди семеновских солдат, но и между «армейскими». Четверо рядовых показали на следствии, что слышали от него «о делаемых Муравьевым внушениях на счет тягости службы и о поношении... императора». Прогнан шпицрутенами сквозь 6 тыс. человек.

Молодцов Андрей, рядовой 1-й мушкет. роты Черниговского полка. Участник восстания. Предан был военному суду и скончался во время процесса, 14 мая 1826 г.

Мызников Петр, унтер-офицер Саратовского полка. Распропагандирован Спиридовым и бывшими семеновцами. Разжалован в рядовые и прогнан сквозь тысячу человек.

Назаров Корней, унтер-офицер 61й фузил. роты л.-гв. Московского полка. Принял участие в восстании 14 декабря и на площади смертельно ранен. Скончался 22 декабря 1825 г. в Финляндском госпитале.

Никитин Прокофий, унтер-офицер 2-й гренад. роты Черниговского полка. «Фаворит» С. Муравьева, по выражению одного из подсудимых. Принадлежал к числу активнейших участников восстания черниговцев. На походе исполнял ответственнейшие поручения, между прочим, был послан Муравьевым в 1-ю гренадерскую и 2-ю мушкетер-

скую роты «для подобного возмущения». Обвинительный акт приписывал Никитину всевозможные буйства, грабеж и насилие. Но во всех его поступках виден только неудержимый революционный темперамент. Приговорен был в числе трех главных мятежных солдат, к расстрелу. Смертная казнь по воле Николая заменена была высшим наказанием, 12 тыс. шпицрутенов, «с наблюдением установленного порядка на счет тех, кои в один раз наказания не выдержат, и потом по выключке из воинского звания», сослан в каторжную работу «навечно».

Никитин Степан, рядовой 1-й гренад. роты Тамбовского полка. Бывший семеновец. Один из активных адептов Муравьева. Прогнан сквозь 6 тыс. чел.

Николаев Тимофей, унтер-офицер 2-й гренад. роты Черниговского полка. Принял деятельное участие в восстании. Изобличался «в добровольном последовании с возмутителем Муравьевым и его сообщниками; в исполнении всех злодейских их предприятий; в забрании в квартире полкового командира знамен и казенного денежного ящика; в произведении различных буйств». Разжалован в рядовые и прогнан через тысячу человек 6 раз.

Николаев Федор, рядовой 2-й гренад. роты Саратовского полка. Бывший семеновец. Старослужащий солдат, давно выслуживший свой срок. Но подобно всем семеновцам, он обречен был до сметри тянуть солдатскую лямку. Он принадлежал к числу наиболее деятельных и доверенных агентов Муравьева, который даже вел с ним разговор о цареубийстве. Николаев отнесен к числу трех «главных содейственнков Муравьева в изменнических его замыслах» и приговорен к 12 тыс. шпицрутенов.

Пересеткин Макар, рядовой 1-й гренад. роты Саратовского полка. До восстания 1820 г. служил

в л.-гв. Семеновском полку, и там еще был близок с Бестужевым-Рюминым. По свидетельству Анойченко, в Лещине, Пересеткин еще прежде его стал бывать у бывших своих начальников. Он горячо откликался на их мятежные речи, «изъявляя готовность содействовать им в злодейских предприятиях», и обещая Муравьеву «склонять прочих армейских нижних чинов, лучших в полку, чтобы и они пристали к его, Муравьева, делу». Обещание свое исполнил, ведя агитационную работу не только у себя в полку, но и в других, расквартированных по соседству. Названный в показании Бестужева, в сер. марта 1826 г. был арестован и доставлен в Белую Церковь. Приговорен к 6 тыс. шпицрутенов.

Пестерев Анисим, рядовой Троицкого пех. полка—бывший семеновец. Один из деятельнейших сторонников Муравьева. Прогнан сквозь 6 тыс. человек.

Поветкин Николай, рядовой 6-й фузил. роты л.-гв. Московского полка. Род. в 1795 г., происходил из экономических крестьян Семеновского уезда Нижегородской губернии. В службу вступил в 1815 г. Один из активнейших участников восстания 14 декабря. Революционная решимость и твердость, проявленные им, дают право думать, что он и ранее был связан с заговорщиками (его ротным командиром был Щепин-Ростовский). Когда рота, в числе прочих, в полном составе, выступила на площадь, Поветкин один остался на полковом дворе, очевидно, по приказанию мятежников. Он возмутил и возглавил 78 солдат из тех трех рот, которые сохранили повиновение. Прибывшему корпусному командиру, ген. Воинову, Поветкин заявил, что «мы уже присягали, более не хотим: присягай каждый день, так заставят присягать каждому приезжему принцу». Воинов ударил его саблей плашмя. Тогда, ок-

ружавшие Поветкина солдаты сомкнули штыки и угрожающе надвинулись на Воинова, который поспешил скрыться. Поветкин не сдался и на уговоры ген. Бистрома, и вел. кн. Михаила Павловича. Военный суд приговорил его, «по воинскому 24-му артикулу, казнить смертью». Аудиториатский департамент полагал Поветкина, «выключив из воинского звания, наказать кнутом и потом сослать в Сибирь в каторжную работу». Николай утвердил приговор, «всемилостивейше» отменив кнут. Поветкин сперва находился в Иркутске, а с 1832 г., в Александровском винокуренном заводе. В работе оставался 17 лет. В 1849 г. обращен на поселение при том же заводе, где и скончался в 1855 г.

Поляков Иван, фельдфебель 3-й мушкет. роты Черниговского полка. Участник восстания, предан военному суду и скончался во время процесса, 24 апреля 1826 г.

Прокофьев Макар, рядовой 2-й гренад. роты Троицкого пех. полка. Бывший семеновец. Активный сторонник Муравьева. Прогнан сквозь 6 тыс. человек.

Прокофьев Павел, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка. Активный участник восстания. 30 декабря, с похода, послан был в Киев для распространения революционного «Катехизиса» и розысков одного офицера. Захвачен в д. Борщаговке, близ Киева, когда пытался напгнать полк. Приговорен, «по важности преступлений», к 4 тыс. шпицрутенов.

Резников Гаврила, рядовой 1-й гренад. роты Тамбовского полка. Бывший семеновец. Принадлежал к числу деятельнейших адептов Муравьева. Прогнан шпицрутенами сквозь 6 тыс. человек.

Рогожкин Николай, пехотный солдат Рязанской губернии. В нач. 1826 г., будучи на ситцевой фа-

брике, рассказывал о событиях 14 декабря и «дерзновенно» говорил, что Николай I взошел на престол силой, что «присяга требована была на верность подданства посредством пушечных выстрелов и, наконец, что если бы он был в то время в С.-Петербурге, то тоже взял бы ружье и убил бы кого-нибудь, так как в то время и генералов били». В этом деле крайне интересна и смелость, с которой солдат излагал свои «дерзкие» мысли, и то, что налицо своеобразная попытка солдата вести революционную пропаганду, да еще в рабочем районе. Этот опыт оказался неудачным. «Верноподданные» фабричные приказчики арестовали Рогожкина и доставили к губернатору. Дело дошло до царя. Препровожденный в Петербург, Рогожкин был предан суду. Он пытался все отрицать, но был изобличен. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Родичев Иван, фейерверкер 2-й легкой роты 8-й артил. бригады. За прежнюю «беспорочную службу» имел нашивки. Состоял во взводе Бечаснова, однако, первыми обратили на него внимание П. Борисов и Андреевич. Они и распропагандировали Родичева. Позднее Бечаснов также стал говорить с ним «в духе Общества». По словам Борисова, Родичев более других был склонен следовать его внушениям и сообщал, что «многие солдаты 2-й легкой роты были готовы итти за нами туда, куда мы их поведем». При этом Борисов объяснял, что Родичев «говорил солдатам, когда они бывали вместе», следовательно, агитация его носила массовый характер. За «изъявление безрассудной готовности последовать за преступными офицерами всюду, даже с пожертвованием самой жизни», разжалован в готлангеры, лишен нашивок и прогнан шпицрутенами сквозь 2 тыс. человек.

Рослов Тихон, рядовой 2-й гренад. роты Тамбов-

ского полка. Бывший семеновец. Горячий приверженец Муравьева. Прогнан шпицрутенами сквозь 6 тыс. человек.

Рошков Павел, рядовой 17-го егерского полка. Предан военному суду при Белой Церкви «за неприличные разговоры, веденные им в карауле над арестантами Черниговского пех. полка». На следствии установлено, что Рошков, «произнося непристойное ругательство на службу, сказал: «Мы теперь содержим караул, а после сами будем, быть может, под караулом». Дальнейшая судьба его неизвестна.

Рытов Семен, рядовой л.-гв. Гренадерского полка. Активный участник восстания 14 декабря. Заключенный в Петропавскую крепость и преданный военному суду, приговорен был к 6 тыс. шпицрутенов и к бессрочным каторжным работам. Отправлен в Сибирь и 20 лет находился в работах, после чего зачислен в разряд ссыльно-каторжных.

Савенко, рядовой Вятского пех. полка, денщик Пестеля, совершенно ему преданный. Пользовался большим доверием Пестеля и часто исполнял поручения его, связанные с делами Общества. При аресте Пестеля, Савенко прибыл с ним в Тульчин и также был задержан. Предатель, кап. Вятского полка Майборода, в своем доносе сообщал, что Савенко должен знать много подробностей, в частности, о бумагах Пестеля. Действительно, Савенко участвовал в сокрытии «Русской Правды». Он был допрошен Киселевым и Чернышевым. «Но он, Савенко, при всех расспросах и внушениях наших отрекался неведением и пребывал в совершенном запирательстве». От Савенко так и не удалось ничего выпытать. В последних числах декабря 1825 г. он препровожден был к начальнику 62-й инвалидной роты, с тем, чтобы «содержать его при

роте... под присмотром, поставив к нему двух человек рядовых, дабы он не имел ни с кем сообщения и сие сохранять в тайне». Дальнейшая судьба его неизвестна.

Соколов Кирьяк Васильевич, матрос 1-й ст. 5-й роты Гвардейского экипажа. В службу вступил в 1819 г. Участвовал в восстании 14 декабря и на площади ранен картечью в грудь на вылет. Скончался 28 декабря 1825 г.

Соловьев Даниил, рядовой л.-гв. Гренадерского полка, деятельный участник восстания. Он «насильственно ушел из казармы на площадь и дал способ другим уйти». Заключенный в Петропавловскую крепость и преданный в декабре 1826 г., военному суду, Соловьев, определением Аудиториатского д-та, присужден был к прогнанию шпицрутенами сквозь тысячу человек 6 раз. По исполнении приговора, в нач. 1828 г., с несколькими товарищами, по этапу отправлен в Сибирь в каторжные работы. В нач. 1830 г. поступил в Петровский завод, но вслед затем, во избежание встречи с декабристами, следовавшими туда из Читы, Соловьев с товарищами направлен в Нерчинскую горную экспедицию. До 1849 г., в течение 20 лет, оставался в каторжных работах. По переходе на поселение получал от казны содержание в размере 25 коп. сер. в месяц. В 1858 г. обращен на инвалидное содержание, из горного ведомства перечислен в военное, но продолжал числиться ссыльно-каторжным.

Сорокин Григорий, рядовой 2-й гренад. роты Тамбовского полка. Бывший семеновец. Ревностный сторонник Муравьева. Протнан сквозь 6 тыс. человек.

Софронов Аким, рядовой 5-й мушкет. роты Черниговского полка, активный участник восстания. Был послан С. Муравьевым в Киев, где распростра-

нял революционный «Катехизис». Исполнив это поручение, он, с товарищами, пытался догнать полк. Но в Киеве уже поднялась тревога и, невдалеке от города, Софронов был настигнут и арестован. «По важности преступлений», приговорен к 4 тыс. шпицрутенов.

Стаценко Иван, унтер-офицер Саратовского полка, «из армейских». По свидетельству Спиридова, был распропагандирован Анойченко и Юрашевым (см.). Позднее сам посещал Спиридова, «слушал от него зловредные намерения и сообщал сие своим товарищам рядовым». Разжалован в рядовые и прогнан шпицрутенами сквозь 4 тыс. человек.

Тимофеев Егор, унтер-офицер 2-й гренд. роты Черниговского полка. Один из деятельнейших участников восстания. Во время разгрома мятежников, ему удалось бежать и он был арестован только 5 января в Ковалевке. Отнесен к числу «наиболее других изобличившихся виновными в добровольном последовании с возмутителем Муравьевым и его сообщниками; в исполнении всех злодейских их предприятий». Разжалован в рядовые и прогнан шпицрутенами сквозь 6 тыс. человек.

Трофимов Федор, барабанщик л.-гв. Гренадерского полка. Обвинен был в том, что 14 декабря, во время восстания (лейб-гренадер), «вырвался, когда его удерживали в казармах и ушел на площадь». Заключен в Петропавловскую крепость, где тяжело захворал и несколько месяцев провел в госпитале. В ноябре 1826 г. переведен снова в крепость, а в следующем месяце предан военному суду и приговорен к 6 тыс. шпицрутенов. По исполнении приговора, в нач. 1828 г., с несколькими товарищами, отправлен по этапу в Сибирь, в каторжные работы. Находился сперва в Петровском заводе, откуда, перед переводом туда декабристов, перемещен в Нер-

чинскую горную экспедицию. По истечении 20-летних каторжных работ, обращен на поселение и получал от казны 25 коп. сер. в месяц. В 1858 г. переведен из горного в военное ведомство, продолжая числиться ссыльно-каторжным.

Тулапин Петр Степанович, матрос 2-й ст. 2-й роты Гвардейского экипажа. Принял участие в восстании 14 декабря и на площади смертельно ранен картечью в грудь на вылет. Умер 24 декабря 1825 г. в Финляндском госпитале.

Турков Василий, рядовой 1-й гренад. роты Саратовского полка. Бывший семеновец. Благодаря встрече с ним, Муравьеву удалось наладить связь с семеновскими солдатами. Но сам Турков не сыграл сколько-нибудь значительной роли в этой пропагандистской работе. Прогнан шпицрутенами сквозь 4 тыс. человек.

Фадеев Иван Семенович, фейерверкер 1-й батар. роты 8-й артил. бригады. От роду 40 лет, происходил из помещичьих крестьян Нижегородской губернии. В службу вступил в 1806 г. П. Борисов и Андреевич неоднократно призывали его к себе, внушая, что должно «в случае нужды решиться умереть за свои права». Будучи частично посвящен в планы заговорщиков и зная о существовании Общества, Фадеев, всецело преданный их планам, вел широкую и успешную агитацию среди нижних чинов. Вместе с Гончаровым (см.) 12 марта 1826 г. тайно препровожден был, закованный в кандалы, в Петропавловскую крепость. На допросе в Следственном комитете, 4 апреля, держался сдержанно, с достоинством. Доставлен обратно в Белую Церковь, где подвергнут военному суду, наравне с прочими нижними чинами. По конфирмации главнокомандующего 1-й армией, будучи найден виновным «в добровольной готовности последовать вну-

шаемому офицерами зловредному замыслу и в приключении к тому некоторых рядовых», приговорен к разжалованию в готлангеры, лишению нашивок и к трем тысячам шпицрутенов.

Федоров Алексей, рядовой 5-мушкет. роты Черниговского полка. Участвовал в командировке Мозалевского в Киев, с целью распространения «Катехизиса». «По важности преступлений», приговорен к 4 тыс. шпицрутенов.

Федоров Иван Федорович, матрос 2-й ст. 7-й роты Гвардейского экипажа. В службе с 1819 г., в гвардию переведен в 1825 г. Принял участие в восстании 14 декабря и убит на площади, в рядах мятежников.

Федоров Петр, унтер-офицер 3-й роты л.-гв. Московского полка. 14 декабря содействовал мятежникам в возмущении полка. Он вывел на двор и возмутил по поручению заговорщиков 5-ю фузилерную роту, сказавшись посланным от ротного командира. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Федосеев Иван, парусник 3-го класса С.-Пб адмиралтейства. 14 декабря, в полдень, он отпросился в город и явился на Сенатскую площадь. При разгроме мятежников получил два ранения, но нашел силы добраться до адмиралтейства. Скончался на следующий день, 15 декабря 1825 г. в лазарете нового полкового двора.

Федотов Трофим, унтер-офицер л.-гв. Гренадерского полка. Один из активнейших участников восстания 14 декабря. Обвинялся в том, что был «на площади во все время беспорядков впереди нижних чинов с батальонным знаменем в руках». Содержался в Петропавловской крепости. По конфирмованной сентенции военого суда, приговорен 7 июня 1827 г., к 8 тыс. шпицрутенов. Приговор приведен в исполнение 27 июля. 14 января 1828 г. Федотов,

вместе с товарищами, отправлен в Сибирь, в каторжные работы. Этапный путь продолжался более года. В марте 1829 г. Федотов поступил в Петровский завод. Но вскоре, в 1830 г., в виду предстоящего прибытия в Петровск декабристов, Федотов, с товарищами, отправлен в Нерчинскую горную экспедицию. В каторжной работе пробыл 20 лет, после чего, в 1849 г., уволен на богадельное содержание (25 коп. сер. в месяц). В 1858 г. отчислен от горного ведомства и перемещен в военное, но в билете продолжал числиться ссыльно-каторжным.

Филатов, унтер-офицер Вятского пех. полка, любимец и доверенное лицо полкового командира Пестеля. Филатов знал об обстоятельствах доноса Майбороды и о всех событиях, предшествовавших разгрому Южного общества. Перед арестом Пестеля, последний посылал его к влиятельному члену Общества, П. В. Аврамову, с секретным письмом, извещавшим о последних событиях. После казни Пестеля, нижние чины Вятского полка не скрывали скорби своей о погибшем командире, а Филатов повторял слова, якобы сказанные Пестелем перед смертью, что посеянное им, Пестелем, «взойти должно и взойдет впоследствии непременно». В нач. 1827 г. в Главный штаб поступило донесение о настроениях, господствовавших в полку и о поведении Филатова. Будучи допрошен, он отвечал крайне осторожно и, вопреки очевидности, утверждал, что не вел никаких разговоров о Пестеле, а только выслушивал дурные отзывы о нем солдат. Таким образом, Филатов старался реабелитировать не только себя, но и своих полковых товарищей. Дело тянулось весьма долго и в июне 1829 г. было приостановлено, вследствие того, что полк выступил за границу. Над Филатовым учрежден надзор. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Харитонов Иван, унтер-офицер 5-й мушкет. роты Черниговского полка. Активный участник восстания. «Кроме общей измены», участвовал в распространении революционного «Катехизиса». Арестован, вместе с товарищами, 1 января 1826 г. в д. Борщаговке, близ Киева, куда и доставлен под караулом. По полковой ведомости, объявлен «неизвестно где находящимся», и местные власти еще в марте вели розыски его и его товарищей. «По важности преступлений» приговорен к 4 тыс. шпицрутенов.

Шелапутов Герасим, рядовой 2-й фузил. роты л.-гв. Гренадерского полка. Принял участие в восстании 14 декабря и на площади смертельно ранен. Скончался 15 декабря 1825 г., в Артиллерийском госпитале.

Шутов Михей, фельдфебель 5-й мушкет. роты Черниговского полка. Один из наиболее выдающихся солдат-декабристов. Долго служа в роте, он пользовался неограниченным доверием и большим авторитетом среди нижних чинов. Свое влияние он и использовал в интересах мятежников. При аресте Муравьевых-Апостолов в Трилесах, Шутов был назначен начальником караула, но склонил караульных присоединиться к ним и, таким образом, сыграл решающую роль в освобождении Муравьевых. 30 декабря Муравьев выступил на Васильков с 1-й гренадерской ротой и большею частью 5-й мушкетерской. Шутову поручено было собрать остальных солдат его роты и привести их в Васильков. Недалеко от места назначения, их встретил дивизионный командир, стращавший и уговаривавший их вернуться. На вопрос его, знает ли Шутов, что происходит в полку, тот отвечал, что знает, потому именно и идет, и, что ежели даже команда его оставит, он один пойдет. Однако, и солдаты не дали себя запугать, и все явились в Васильков. Шутов

рапортовал об этом происшествии Муравьеву, объясняя, что думал арестовать дивизионного, но не решился за отсутствием на то приказа. 3 января, из с. Устимовки, Шутов прибыл в Васильков, думать надо, с поручениями от Муравьева, где и был арестован. Следует отметить, что приказом от 3 декабря 1825 г. Шутов был произведен в подпоручики, и приказ, еще не объявленный, находился в дивизионной квартире, о чем Шутову было известно. «Такая верность и преданность солдат достойна всякого замечания,—писал Горбачевский,—Шутов знал, какая его ожидает награда и какое наказание». У следственных органов сложилось твердое убеждение в том, что Шутов являлся одним из главных виновников мятежа. Ген. Рот полагал, что он «явно прежде испорчен и в заговор введен был». Военным судом Шутов приговорен был к расстрелу. По конфирмации, смертная казнь заменена 12 тыс. шпицрутенов и бессрочными каторжными работами. В сопроводительном к приговору рапорте, сказано было, что: «фельдфебель Михей Шутов, хотя по высочайшему Е. И. В. приказу, в 23-й день декабря прошлого 1825 г. отданному, произведен в подпоручики, но таковой чин объявлен не был, и он потому судим и по сентенции приговорен в числе главнейших соумышленников в прежнем его звании».

Щербинин Филипп, рядовой 1-й гренад роты Тамбовского пех. полка. Бывший семеновец. Активный сторонник Муравьева. Прогнан сквозь 6 тыс. человек.

Юрашев Федор, рядовой 1-й гренад. роты Саратовского полка. Он был близко связан с Анойченко (см.) и другими своими однополчанами-семеновцами, хотя сам был из «армейских». На ряду с ними, он находился в тесном общении со многими

славянами, — Мозгалевским, Шимковым, в особенности со Спиридовым, бывшим его ротным командиром. После перевода Спиридова в Пензенский полк, Юрашев продолжал его постоянно посещать, жалуясь на непомерные тяготы службы и жадно слушая агитационные речи Спиридова, говорившего: «Надейтесь на начальников, которые вас не покинут и которые готовы за вас пасть». «И мы за таковых начальников готовы лечь»,—восторженно отвечал Юрашев. Он вел широкую пропаганду в своем полку. Приговорен к 6 тыс. шпицрутенов. Юрашев интересен еще тем, что он безуспешно «отыскивал дворянство», т.е., дабы избавиться от солдатской лямки, пытался доказать свое дворянское происхождение.

Юрьев Юрий, рядовой 2-й гренад. роты Черниговского полка. Участник восстания. Убит в сражении близ Трилес, 3 января 1826 г.

Янтарев (Янтарь) Антон, рядовой Саратовского полка. Бывший семеновец. Принадлежал к числу наиболее деятельных солдат-декабристов. Держал тесную связь с Муравьевым, так и со славянами — Спиридовым и Мозгалевским, принеся клятву всемерно содействовать в мятеже. Прогнан шпицрутенами сквозь 6 тыс. человек.

Яцук Кондратий, унтер-офицер Саратовского полка. Распропагандирован Спиридоновым. Разжалован в рядовые и прогнан сквозь 4 тыс. человек.

БИБЛИОГРАФИЯ.

1. А. Е. Пресняков. 14 декабря 1825 года. Гиз, 1926.

2. А. Е. Пресняков. Восстание декабристов. «Былое», 1925, № 3(33).

3. Е. В. Сказин. 14 декабря 1825 года. М. 1925.

4. С. Н. Чернов. Из истории солдатских настроений в нач. 1820-х годов. «Бунт декабристов», под ред. Ю. Г. Оксмана и П. Е. Щеголева. Лнг, 1926.

5. Сергей Гессен. Солдатские волнения в начале XIX века. Изд-во Политкаторжан, М. 1929.

6. С. Я. Штрайх. Брожение в армии при Александре I. Птг, 1920.

7. М. В. Довнар-Запольский. Декабристская революция 1825 г. «Голос Минувшего», 1917, № 7—8.

8. Ю. Г. Оксман (при уч. Н. Ф. Лаврова и Б. Л. Модзалевского). Декабристы. Отрывки из источников. Гиз, 1926.

9. Г. С. Габаев. Гвардия в декабрьские дни 1825 г. (В книге А. Е. Преснякова «14 декабря»).

10. Н. С. Пестриков. История л.-гв. Московского полка. Том I, с 1811 по 1825 год. (Имеются сведения о 14 декабря в официальных историях также и других полков, соответственно с ролью каждого в событиях этого дня).

11. Ю. Г. Оксман. Декабристы-солдаты. «Красн. Газета», веч. вып., 1925, № 297.

12. М. К. Одинцова. Декабристы-солдаты. Иркутск, 1927.

13. М. К. Одинцова. Солдаты-декабристы. «Сибирские Огни», 1928, № 6.

14. А. Шебалов. Солдаты Московского полка о 14 декабря 1825 г. «Красный Архив», 1925, т. 6 (13).

15. И. В. Егоров. Моряки-декабристы, Л., 1925.

16. А. Дрезен. Матросы-декабристы. Материалы к восстанию 14 декабря 1925 г. «Каторга и Ссылка», 1925, № 4.

17. А. Дрезен. Столетие выступления декабристов. «Красн. Флот», 1925, XII.

18. М. М. Попов. О числе жертв 14 декабря 1825 г. «Былое», 1903, VII.

19. Воспоминания Бестужевых. Под ред. М. К. Азадовского и И. М. Троцкого. Изд-во Политкаторжан, М., 1930.

20. А. П. Беляев. Записки декабриста. Спб, 1887.

21. И. Д. Якушкин (прежде ошиб. приписывалось И. И. Пущину). 14 декабря 1825 г. «Мемуары декабристов», под ред. Ю. Г. Оксмана и С. Н. Чернова. Т. I. Из-во Политкаторжан, М., 1930.

22. Д. И. Завалишин. Записки декабриста т.т. I—II, München, 1904.

23. С. П. Трубецкой. Записки декабриста. Спб, 1907.

24. Ю. Г. Оксман. Одеське «Гніздо Змови» 1825 року. «Прапор Марксизму», 1928, 1(2).

25. Ю. Г. Оксман. Из писем и записок В. Ф. Раевского. «Красн. Архив», 1925, т. 6(13).

26. М. О. Гершензон. М. Ф. Орлов. (В его книге «История Молодой России»).

27. П. Е. Щеголев. Первый декабрист Владимир Раевский. (В его книгах: «Историч. этюды» и «Декабристы»).

28. И. П. Липранди. Воспоминания. «Русск. Архив», 1866, № 8—9.

29. М. В. Нечкина. Общество Соединенных Славян. Гиз, 1927.

30. Ю. Г. Оксман. Восстание Черниговского полка. (Восстание декабристов, т. VI). Гиз, 1929.

31. Ольта Багалий. Салдатські маси в декабрисьтком руховi. (Сб. «Декабристи на Украiнi»), у Киiвi, 1926.

32. Ю. Г. Оксман. Восстание Черниговского полка. (Новые материалы). «Декабристы». Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. М., 1925.

33. В. Е. Сыроечковский. Восстание Черниговского полка в показаниях участников. «Красн. Архив», 1925, т. 6(13).

34. Повстання декабристив на Украини. «Рух декабристив на Украини». Харьків, 1926.

35. М. В. Нечкина. Восстание Чернитовского полка. «Каторга и Ссылка», 1925, № 8(21).

36. В. М. Базилевич. Восстание Чернитовского полка в 1825—1826 гг. «Из эпохи борьбы с царизмом», 1926, № 5.

37. П. Е. Щеголев. Катехизис Сергея Муравьева-Апостола. (В его книгах: «Исторические этюды» и «Декабристы»).

38. В. М. Базилевич. Збитки вид повстання 1825—1826 рр. «Дек. на Украини».

39. В. Б—ч. Солдаты про повстання Чернигивського полку. (Там же).

40. Ольга Багалій. Допити унтер-офіцирів Чернігівского полку. (Там же).

41. С. А. Семенов. К вопросу о нижних чинах-декабристах. «Каторга и Ссылка», 1926, № 6.

42. О. В. Конфирмация в справи рядових 8-й артиллерийськой бригади. «Декабристи на Украини».

43. Леонид Добровольский. Виправа на Кавказ салдат Черниговського полку. (Там же).

44. И. Солдаты-декабристы. «Известия ВЦИК», 1925, 25 декабря.

45. В. Ганцова-Берникова. Стан Пензеньского пишого полку шисля повстання. «Декабристи на Украини».

46. В. Гацова-Берникова. Отголоски декабрьского восстания 1825 г. 3. Солдаты. «Красный Архив» 1926, т. 16.

47. С. Г. Волконский. Записки декабриста. Спб, 1901.

48. И. И. Горбачевский. Записки декабриста. М., 1925.

49. М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Под ред. С. Я. Штрайха. П., 1922.

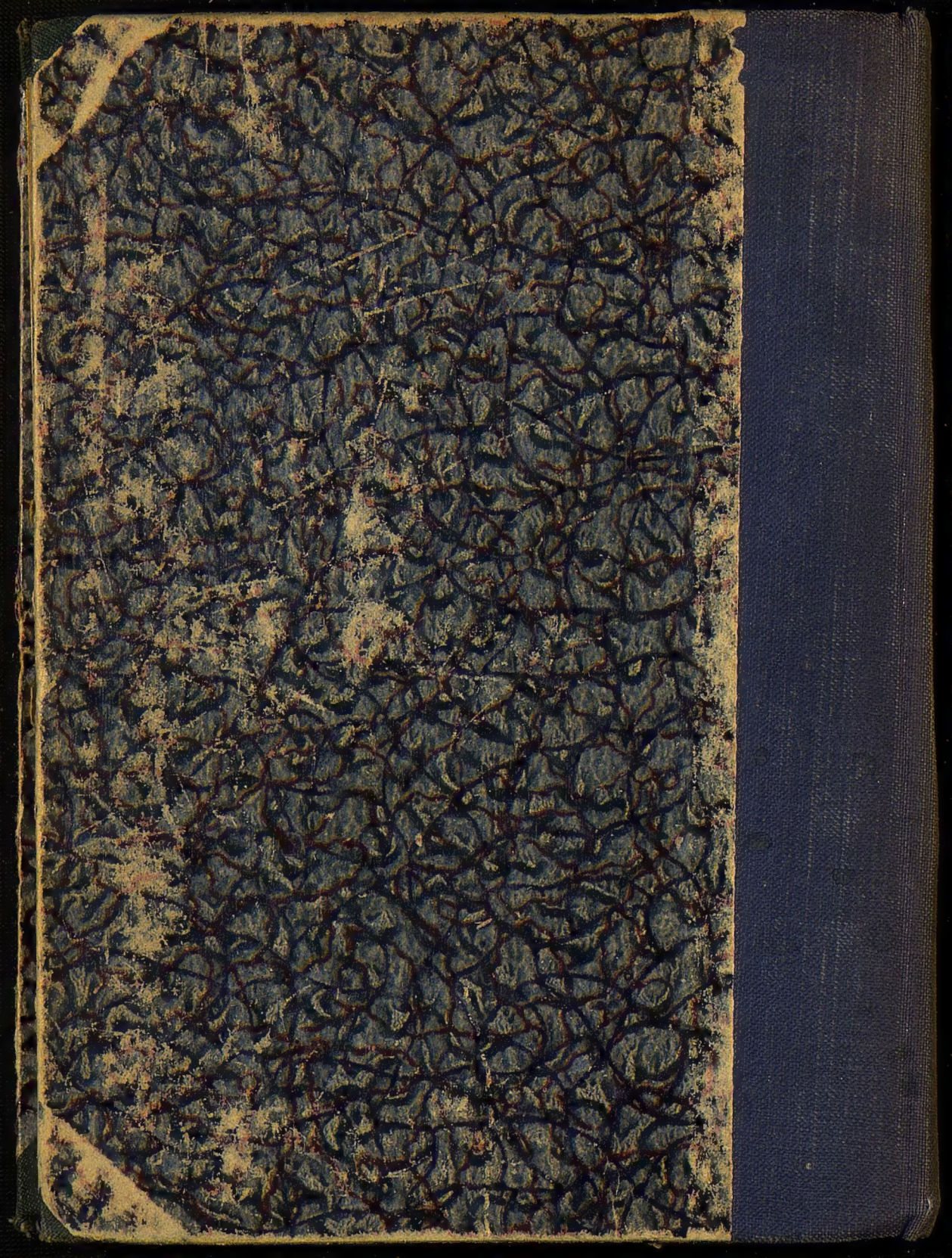
См. так же «Восстание декабристов. Материалы», т.т. I—VIII, особенно т. IV (следственные дела П. И. Пестеля и С. И. Муравьева-Апостола), т. V (следственные дела «Славян») и т. VIII (Алфавит декабристов).

ОБ'ЕДИНЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
И. К. П.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Предисловие 3
Брожение в армии в начале 1820-х годов 5
Солдатская пропаганда на юге 20
Солдаты и матросы в восстании 14 декабря 1825 г. . . . 51
Черниговцы 85
После разгрома 98

ПРИЛОЖЕНИЯ

Биографический словарь солдат-декабристов 119
Библиография 154